

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

СОЦИОЛОГИЯ

ПЕДАГОГИКА

ПСИХОЛОГИЯ

**Научный журнал
Специальный выпуск,
посвященный Всероссийской конференции
«Тенденции развития российских регионов в условиях
глобальных вызовов и угроз» 22-23 апреля 2019 года
Том 2**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019**

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2019 г.

Главный редактор – Чигрин Виктор Александрович, д-р социол. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Андреев А. С.	д-р психол. н., доцент, ГБОУ ВО КИПУ (Симферополь)
Волков Ю. Г.	д-р филос. н., проф., ИППК ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Глузман А. В.	д-р пед. н., проф., акад., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Горбунова Н. В.	д-р пед. н., проф., ИППиО ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Зябкина И. В.	канд. психол. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Калина Н. Ф.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лучинкина А. И.	д-р психол. н., доцент, ГБОУ ВО КИПУ (Симферополь)
Ляушева С. А.	д-р филос. н., проф., Адыгейский государственный университет (Майкоп)
Пономарева Е. Ю.	канд. психол. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Редькина Л. И.	д-р пед. н., проф., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Сериков А. В.	канд. социол. н., ИСР ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Силласте Г. Г.	д-р филос. н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва)
Скворцов Н. Г.	д-р социол. н., проф., СПбГУ (г. Санкт-Петербург)
Уракова Ф. К.	д-р пед. н., проф., Адыгейский государственный университет (Майкоп)
Хриенко Т. В.	д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Черный Е. В.	д-р психол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шоркин А. Д.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Шушара Т. В.	д-р пед. н., доц., ГПА КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта)
Щербакова Л. И.	д-р социол. н., проф., ЮРГПУ им. М. И. Платова (Новочеркасск)
Щербина В. Н.	д-р социол. н., проф., Институт культурологии НАИУ (Киев)
Якса Н. В.	д-р пед. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Кравченко И. В., ст. преп. КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Редактор электронной версии: Смирнов А. В.

Ответственные за выпуск: Кравченко И. В., ст. преп., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).
Чигрин В. А., д-р социол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь).

Подписано в печать . Формат 70x100 1/16.

Тираж 50. Заказ № НП/52. Бесплатно.

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского,

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4.

Тел.: +7 (3652) 60-21-54. E-mail: socio_tnu@mail.ru.

Сайт: <http://science.cfuv.ru/nauchnye-zhurnaly-kfu/uchenye-zapiski-krymskogo-federalnogo-universiteta-imeni-v-i-vernadskogo-sociologiya-pedagogika-psixologiya>

СОЦИОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Социология. Педагогика. Психология. Специальный выпуск. 2019. № 2. С. 3–6.

УДК 366.12
Л 93

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТЮМЕНИ)

Е. А. Любимова, к. социол. н., доцент; А. Д. Трояновская, студент

Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, г.
Тюмень, Россия

Аннотация: культурные, экономические, социальные и технологические достижения последних десятилетий способствовали глубоким изменениям в нашем обществе, в значительной степени за счет изменения систем производства и потребления. Исследование потребления привело к качественному анализу спроса, а это, в свою очередь, привело к появлению новой модели интерпретации поведения потребителей: постмодернистского потребителя.

Немаловажную роль в преобразованиях середины XX в. сыграло явление под названием «общество потребления». Наиболее полно общество потребления описано Ж. Бодрийяром, который осмысливал общественную действительность с точки зрения постмодернизма [2]. С того момента потребление стало смыслом жизни каждого человека. Массовое сознание людей увлекло их в потребление товаров и услуг, насыщение ими, благодаря чему произошел раскол духовных ценностей в обществе. Несомненно, глобализация является ведущим фактором распространения массовой культуры с ориентацией на потребление. Что в итоге приводит к доминированию потребительских ценностей, и оказывает воздействие на культуру любого социума. В свою очередь социокультурная сфера трансформируется, учитывая рыночные законы и потребительский спрос. Это проявляется в сфере искусства: люди ощущают постоянную неудовлетворенность, теряют смысл жизни, а также перестают полноценно переживать эмоции. Такие продукты культуры и искусства, как спектакли, книги, фильмы, музыка постепенно утрачивают свои истинные функции эстетического наслаждения, познания и воспитания.

Сегодня культурная продукция – это товары и услуги, которые надо выгодно продать за счет механизмов маркетинга; это то, за счет чего человек пытается самоутвердиться. Хотя раньше, человек развивал свои навыки, усовершенствовал действия, открывал что-то новое благодаря искусству. Оно выступало неким механизмом, охраняющим культурные и нравственные ценности человека, а также хранило исторический жизненный опыт.

Таким образом, расширение массовой культуры потребления ведет к заметной утрате морально-нравственных ориентиров, разрушению традиционных границ дозволенного и недозволенного. Постепенно лишаясь критериев нормы,

современное массовое общество не пытается с этим бороться [4].

Непосредственные действия человека по приобретению товара или услуги, потреблению продукта, идеи составляют его потребительское поведение. Необходимость, желание потреблять материальные и духовные блага, оформленная как потребность, выступает экономическим мотивом человека. Потребности являются базисом спроса, детерминируемого вкусами, предпочтениями субъективным восприятием товара населением [3].

В период стремительно развивающихся информационных технологий и коренных изменениях социальной жизни каждой страны, мы можем наблюдать расцвет феномена общества потребления. Видоизменяются ценности, происходит уход от старых традиций и стремление к свободе, материальному благополучию, и, конечно, раскрытию своих внутренних талантов. Всем этим изменениям подвергается современная российская молодежь, дух Запада охватывает молодое поколение, пленит своей индивидуальностью и рациональностью.

Молодые люди с драйвом подхватывают современные тренды и активно вливаются в современное информационное поле. Согласно данным Росстата, в 2017 г. молодежь России в возрасте от 15 до 34 лет составляет 38934 тыс. чел., в 2018 г. - 49463 тыс. чел., что в 0,78 раз больше предыдущего года [5]. Молодежь составляет 34% от общего числа жителей страны. Несомненно, именно молодое поколение выступает ориентиром на новое и необычное. Следует отметить, что молодежь характеризуется такими особенностями потребления, как возрастной диапазон, степень социализации, высокий уровень социальной мобильности, специфика материального обеспечения (возможность удовлетворения потребностей существенной части молодежи зависит от материального положения семьи родителей) [1, С. 28].

Изучение потребительского поведения молодежи поможет составить общий портрет современного потребителя в возрасте от 16 до 30 лет, понять его мотивы, вкусы и приоритеты. Общество заинтересовано в осознании и учете ценностей современной молодежи, поскольку от нее во многом зависит будущее страны. Говоря о потреблении культурной продукции, отмечается возрастающий интерес молодежи к посещению театров. Это может быть обусловлено потребностью молодежи в нравственной опоре. Внятно рассказанная человеческая история задевает любого зрителя – и юного, и пожилого. А если вместо истории подбросить муляж, зритель моментально это почувствует и останется разочарованным. Но почему же еще театр привлекает людей? Потому что большинство театров стараются следовать традициям, завещанным Станиславским, Мейерхольдом и другими выдающимися театральными деятелями.

На потребительское поведение молодежи также оказывает их материальное положение. Анализ показал рост тарифов на билеты в театры, как в Тюменской области, так и по России в целом. По данным Федеральной службы государственной статистики, россияне расходуют деньги на продукты питания [5], транспортные и жилищно-коммунальные услуги, одежду и обувь, а потом уже на организацию отдыха и культурных мероприятий. Россияне вполне могут себе позволить поход в театр, однако, важно помнить, что зачастую этот поход

откладывается в связи с обязательными расходами на первостепенные нужды. Это и является некоторым сдерживающим фактором в посещении культурных мероприятий.

Также важно учитывать такой показатель, как паритет покупательной способности заработной платы. При росте инфляции ситуация в культурных учреждениях усугубляется в связи с возникновением потребности в удовлетворении первичных физиологических нужд, в то время как потребности в самосовершенствовании, духовные ценности остаются не удовлетворенными.

В декабре 2018 г. исследовано потребительское поведение молодежи на рынке театральных услуг (на примере Тюменского Молодежного театрального центра «Космос»), в котором приняли участие представители тюменской молодёжи в возрасте от 16 до 30 лет. В ходе исследования выявлены следующие особенности. Тюменская молодежь мало информирована о работе молодежного театрального центра «Космос» (далее МТЦ «Космос»), что обусловлено недостатком информации в сети интернет. Следовательно, учреждению необходимо развивать продвижение своего продукта в социальных сетях.

Важно организовать не просто присутствие молодых людей на театральных фестивалях города Тюмени, но и вовлекать их в активную деятельность в качестве волонтеров, организаторов и экспертов. На потребительский выбор тюменской молодежи оказывают такие факторы, как содержание и тематика спектаклей, название и имя создателя. Главными целями посещения театрального центра являются теплая дружеская атмосфера и общение, а также саморазвитие в культурной сфере. Препятствует посещению театра, по мнению респондентов, неудобное расположение театрального центра.

Молодежь обычно приобретает билеты в театр через сервис kassu.ru, отмечая удобство системы покупки/бронирования. Опрошенные готовы тратить в среднем на билеты не больше 1500 рублей за один спектакль. Высоко оцениваются комфортность пребывания в театре, дружелюбие персонала, график работы и работа буфета. Удовлетворенность МТЦ «Космос» подтверждается готовностью порекомендовали центр друзьям и знакомым.

Согласно результатам исследования, портрет потребителя театральных услуг таков: незамужняя молодая девушка в возрасте от 18 до 35 лет, имеющая высшее образование с материальным достатком выше среднего. Тюменская молодежь посещает МТЦ «Космос» несколько раз в год или реже, что связано недостатком свободного времени, а также недостаточной рекламой театрального центра.

Можно отметить необходимость дальнейшего изучения сферы потребительского поведения молодежи на рынке театральных услуг. Выборочная совокупность может быть расширена посредством введения категории «работающая молодежь», а также проведения метода экспертных оценок.

Концепция потребления идеи Ж. Бодрийера применима для анализа рынка театральных услуг, а именно при потреблении культурной продукции. Приобретение билета на спектакль напрямую связано с желанием человека пережить какое-либо эмоциональное состояние. Концепция Т. Веблена о

престижном потреблении может использоваться для интерпретации потребительского поведения на рынке театральных услуг. Хотя билеты в МТЦ «Космос» обычно находятся в диапазоне от 200 до 1500 руб., многие указали, что готовы отдавать до 10000 руб. за билет, что свидетельствует о готовности подтверждать высокий статус.

Положительная или нейтральная политика в сфере театра будет способствовать повышению готовности населения тратить деньги и пополнять государственный, муниципальный бюджет. Важно давать свободу и выбор, открывать новые горизонты и возможности для учреждений, связанных с реализацией культурных благ, развивать сотрудничество с зарубежными представителями с их обширным опытом и готовностью развивать данную структуру. Сотрудничество и позитивный настрой помогут успешно преодолеть кризис, расширить количество довольных потребителей.

Использованные источники:

1. Грунт Е.В., Мухутдинова, А.И. Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды [Электронный ресурс] / Е.В. Грунт, А.И. Мухутдинова // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. 2017. №1(161). С. 26-38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29025476>
2. Жан Бодрийяр. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
3. Лашук И.В. Поведенческие стратегии культурной продукции: ценности, интересы, типология [Электронный ресурс] / И.В. Лашук [и др.]; под науч. ред. И. В. Котлярова. Минск: Беларус. наука, 2017. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9789850821140.html>
4. Хагуров Т.А. Массовая культура в обществе потребления [Электронный ресурс] / Т.А. Хагуров // Вестник Российского университета дружбы народов: социология. 2007. №1(11). С. 81-86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9612786>
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru/>

УДК 314.7

СООБЩЕСТВА МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ

Н.М. Морозова к.полит.н., зам.директора ПРИФ ФНИСЦ РАН;
доцент кафедры Международных отношений и политологии
НГЛУ им.Н.А. Добролюбова, г. Н.Новгород, Россия

Аннотация. Статистические данные показывают, что Нижегородская область привлекательна для мигрантов и остается важным регионом-реципиентом на территории Приволжского федерального округа. За последние 5 лет наблюдается положительное сальдо международной миграции. В связи с усилением миграционных процессов необходимо фокусировать внимание на сообществах трудовых мигрантов, их взаимодействии с диаспорами и принимающим обществом. В статье выделяются основные проблемы мигрантских сообществ на основании экспертного интервью, проведенного в регионе в 2015-2017 гг.

Ключевые слова: мигранты, принимающее сообщество, Нижегородская область, межнациональные отношения, диаспоры

Нижегородская область, являясь крупной промышленной агломерацией и развитым экономическим регионом в центральной части России, вызывает особый интерес и в контексте изучения межнациональных и этноконфессиональных отношений. С одной стороны, это мононациональный регион, т.к. русские составляют 94%. [1] С другой стороны, на территории Нижегородской области проживают представители порядка 150 национальных и этнических групп (по данным Всероссийской переписи населения в 2010 г.) [2].

В 2015-2017 гг. в рамках проекта «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)» (руководитель Дмитриев А.В.), поддержанного РНФ, ФНИСЦ РАН было проведено исследование в ряде модельных регионах, одним из которых была выбрана Нижегородская область. В качестве одного из методов исследования был использован экспертный опрос, в котором приняли участие представители научного сообщества, региональных СМИ, органов муниципальной и региональной власти, а также НКО (всего 50 экспертов).

В рамках данного исследовательского проекта предлагалось разграничивать категории «землячество» (этнически маркированное сообщество, имеющее общность происхождения из другого российского региона, связавшее свою жизнедеятельность с территорией региона нынешнего проживания) и «диаспора» (этническая группа, имеющая общность происхождения из другого российского региона, связавшая свою жизнедеятельность с территорией региона

нынешнего проживания). Таким образом, речь идет об этнических группах в российских регионах, формирующихся, в первом случае, преимущественно вследствие внутренней миграции, а во втором – внешней миграции.

Следуя данной методологии, в структуре национального состава населения Нижегородской области выделяем две крупные группы: этнические сообщества народов России, традиционно проживающие на территории региона (татары, мордва, чуваша и т.д.) и мигрантские сообщества (диаспоры), т.е. представители иностранных государств (таджики, узбеки, армяне, азербайджанцы). Кроме того, условно «сообщество» мигрантов, проживающих в регионе, можно подразделить на две подгруппы: во-первых, постоянно проживающие этнические группы и, во-вторых, временно проживающие.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области, в регионе по итогам 2015 г. в целом отмечался миграционный прирост (702 чел.), в 2016 г. зафиксирована миграционная убыль – 1 134 чел, а 2017 г. вновь характеризовался миграционным приростом (595 чел.). При это сальдо международной миграции всегда положительно. В 2015 г. в структуре миграционных потоков по числу прибывших в регион доминировали украинцы (2 668 чел.), далее – узбеки (1 317 чел.), армяне (1 038 чел.), таджики (790 чел.) и азербайджанцы (624 чел.). Зафиксированная в 2016 г. миграционная убыль связана, во-первых, с окончанием срока действия трудовых патентов, необходимых для трудовой деятельности мигрантов на территории субъектов РФ, во-вторых, с частичным оттоком украинских беженцев с территории Нижегородской области. В 2017 г. по заявлению начальника управления по вопросам миграции ГУ МВД РФ по Нижегородской области Владимира Лохина: «... в наш регион прибыло на 10% больше иностранных граждан, чем в 2016 году. На миграционный учет было поставлено более 113 тысяч мигрантов (в 2016 году – 102,5 тысячи). Наибольшее количество – 80% иностранных граждан приезжают из стран СНГ, причем около трети из них – впервые, это граждане государств Центральной Азии в возрасте 18-29 лет». [3]

Несмотря на то, что в целом ситуация в области межнациональных и этноконфессиональных отношений региональными экспертами оценивается как стабильная и, на первый взгляд, выглядит вполне позитивно, проблемы существуют. Это продемонстрировал, в частности, 2013 г., когда в российских регионах происходило усиление напряжения в области межнациональных взаимодействий, в ряде субъектов произошли открытые конфликты. В том числе, произошел конфликт в «спокойной» Нижегородской области, в г.Арзамасе. Тогда погрому подверглись коммерческие объекты представителей самых разных национальных диаспор и землячеств в результате убийства жителя Арзамаса представителем армянской диаспоры. В 2016 г., в связи с обострением конфликта в Нагорном Карабахе произошло усиление напряжения между армянами и азербайджанцами Нижегородского региона. Приведенные примеры в очередной раз доказывают необходимость регулярных исследований характера межнациональных взаимодействий и динамики уровня напряженности в полинациональных регионах страны.

На основе материалов, полученных в ходе экспертных интервью в 2015-2017 гг., можно выделить несколько ключевых проблем, связанных с положением и функционированием мигрантских сообществ в Нижегородской области:

1. самоидентификация этнических групп, представляющая комплексную проблему. В ее структуре выделим 3 базовых блока, каждый из которых требует глубокого изучения и анализа. Во-первых, проблема самоидентификации трудовых мигрантов, прибывающих в регион на непродолжительный, четко установленный трудовым патентом период. можно рассмотреть по двум направлениям. Прибывающие и убывающие мигранты влияют на структуру этнических групп, делая ее мобильной и динамичной; им трудно установить какие-то константы или устойчивые параметры своей идентичности. В большей степени это касается этнических групп, представляющих регион Средней Азии. В соответствии со статистическими данными в структуре миграционных потоков в регионе преобладают узбеки и таджики. Так, по данным Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Нижегородской области: в 2016 г. структура миграционных потоков выглядела следующим образом: половину (50%) миграционного потока ставили узбеки, таджики 9%, украинцы – 8%, азербайджанцы 7%, армяне -6%. По итогам 3-х месяцев 2017 г.: узбеки – 48%, таджики и украинцы – по 8%, азербайджанцы 6%, армяне -5% [4]. Киргизы также прибывают в регион в основном с целью заработка, не планируя оставаться на постоянное место жительства. Таким образом, их больше заботят заработки, а не самообразование или образование для детей, которые уже начинают включаться в ассимиляционные процессы; они не формируют запрос на изучение языка, культуры принимающего общества. Следствием чего становится неспособность выразить запрос принимающему обществу (что они хотят, что они ожидают от принимающего общества).

Вторая структурная составляющая - самоидентификация диаспорных и земляческих групп, интегрированных в региональный социум (армяне, азербайджанцы, украинцы). С одной стороны, они акцентируют внимание на том, что проживают на территории области уже давно, полностью интегрированы в региональное общество, взаимодействуют с представителями власти (активисты и члены национальных объединений), с другой - идентифицируют себя как особую этническую группу (армяне, азербайджанцы, татары) через язык, культуру и традиции, которые поддерживаются и сохраняются диаспорами и землячествами.

1. В-третьих, необходимо особо выделить проблемы идентификации в молодежной среде. Проблема адаптации мигрантов, представителей диаспор и беженцев к изменяющейся ситуации в таком полиэтничном регионе России, как Нижегородская область, связана, прежде всего, с проблемой молодежи, как прибывающей в регион, так и принимающей. Принимающее сообщество объективно заинтересовано в пробуждении у молодежи интереса к диалогу с представителями разных мировоззрений и политических предпочтений, к устранению предубежденности друг против друга на основе конструктивного сотрудничества. С другой стороны, общество и государство обязаны жестко

пресекать любые экстремистские действия, представляющие собой угрозу безопасности государства, основам стабильного развития общества.

2. 2. Далеко не все представители этнических групп (особенно, трудовые мигранты) знают о существовании формальных национальных объединений. Вследствие чего возникают проблемы, связанные, например, с оформлением документов, обманом мигрантов недобросовестными соотечественниками и т.д.

3. 3. Отсутствие комплексной программы по управлению межнациональными отношениями. По мнению ряда экспертов, существующая программа по гармонизации межнациональных отношений носит в большей степени декларативный характер, в ней определяются основные направления работы, но отсутствует конкретизация направлений деятельности.

4. 4. По мнению экспертов, значимой проблемой для региона является наличие мест компактного проживания этнических групп. Так, в Канавинском и Автозаводском районе г.Н.Новгорода высока доля азербайджанцев, таджиков, узбеков. Это объясняется рядом социально-экономических показателей, среди которых: уровень цен на жилье, рынки и строительные площадки (как места трудоустройства), транспортная инфраструктура (вокзал, автостанция). В результате эксперты все чаще говорят о вероятности образованию национальных анклавов на территории г.Н.Новгорода, что является крайне нежелательным. Во-первых, в этом случае затрудняется контроль и управление межнациональными процессами со стороны органов власти; во-вторых, это угроза межнациональной стабильности; в-третьих, в случае возникновения межнационального конфликта на территории региона подобные образования будут создавать дополнительные очаги напряжения и требовать пристального внимания со стороны власти.

Использованные источники:

1. Нижегородское краеведение. Население. URL: <http://www.arz.unn.ru/2016-05-16-10-34-33/1139-2016-05-18-08-16-41>

2. Всероссийская перепись населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

3. Поток мигрантов в Нижегородскую область продолжает расти. URL: <http://vestinn.ru/news/society/88364/>

4. Доклад Начальника УВМ ГУ МВД России по Нижегородской области Лохина В.Г. «Миграционная ситуация в Нижегородской области и основные результаты деятельности Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Нижегородской области» // Экспертный семинар «Управление современными миграционными процессами на Евразийском пространстве». ННГУ. Н.Новгород. 24 апреля 2017

УДК 338.45.02

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОРА ВЫХОДА ИЗ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

О.А. Наумова, к.э.н., доцент; М.А. Тюгин, студент

Самарский государственный экономический университет, Институт систем
управления, Самара, Россия

Аннотация: Высокий уровень конкуренции, высокая степень неопределенности в геополитической сфере, динамично изменяющиеся запросы потребителей, финансовая нестабильность и даже несостоятельность определенных отраслей, государств, политических и экономических блоков давно вошли в повседневную экономическую ситуацию. В статье раскрыты основные тенденции, сложившиеся в российском машиностроении в последние годы, приведен обзор текущего состояния машиностроительной отрасли по данным предприятий Самарской области.

Ключевые слова: машиностроение, техническая база, модернизация, инновации, технология, потенциал, эффективность, оценка.

Рисковый характер ведения экономической деятельности отдельных экономических субъектов в текущих условиях обусловлен значительным числом макроэкономических факторов, среди которых высокая геополитическая нестабильность, выраженная торговыми ограничениями и необходимостью к поддержанию экономической, продовольственной и технологической безопасностей, наблюдающейся стагнацией, деятельностью органов государственной власти по обеспечению экономического роста за счет повышения собираемости бюджетов, негативно сказывающейся особенно на среднем и малом бизнесе при низком уровне развития институтов экономики.

Несомненно, все эти проблемы являются своего рода катализаторами макроэкономических проблем, с которыми путем стимулирования и прямого регулирования призвано бороться государство. Необходимость прогрессирования российской экономики назрела уже давно и была обозначена Президентом В.В. Путиным в указе «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», который предполагает своей целью среди прочих: «Вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов» [1, с. 2817]

Дискуссии в научной литературе относительно того, какая отрасль должна стать «локомотивом» общего макроэкономического роста и какими средствами обеспечить высокие темпы развития национальной экономики, широко продолжаются до сих пор. Академик РАН, д.э.н. Абел Аганбегян утверждает, что «для перехода России к инновационной экономике необходимо обеспечить

ежегодный рост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал по 8-10 процентов в год. Эти средства должны направляться на технологическое обновление действующего производства, на развитие высокотехнологических отраслей, на создание современной транспортно-логистической инфраструктуры...» [8]

Целью данной работы стал обзор тенденций, которые наблюдаются в машиностроительной области Самарской области и выявление возможных механизмов позитивного воздействия на данную отрасль. Существующие тенденции были сформулированы по данным предприятий Самарской области. Актуальность данной темы определяется тем, что доля машиностроения составляет порядка 20 % производства в условиях современной России [3, с. 192-198] и именно оно способно повлечь за собой достижение тех результатов, которые были обозначены в задачах указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». Рассматривая федеральный уровень, стоит сказать, что в российском машиностроении в качестве основных негативных тенденций в научной литературе отмечаются следующие:

1. высокая доля изношенных основных фондов машиностроительных предприятий;
2. низкие темпы динамики обновления производственно-технического потенциала, особенно, инновационного;
3. неразвитость институтов, которые могли бы заниматься регулированием инвестиционных потоков или проведением научно-исследовательских разработок для достижения положительного синергетического эффекта.

Для наглядного подтверждения указанных выше проблем, стоит обратиться к информации, представленной Федеральной службой государственной статистики. Стоит отметить, что низкие коэффициенты обновления, высокая изношенность основных фондов, составляющая по данным предприятий порядка 40%, говорят о высокой вероятности наступления неблагоприятных последствий в том числе за счет специфики деятельности предприятий данной отрасли: т.н. «тяжелой» структуры баланса. Если говорить об инвестициях в данную отрасль, то в 2017 году они были представлены следующими направлениями [4, с. 118-123]

Таблица 1. Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности в 2017 г.

№ п/п	Вид экономической деятельности	Сумма инвестиций, млрд. руб.	В процентах к итогу
1	Производство электрического оборудования	27,7	0,002
2	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	52,3	0,004
3	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	69,0	0,006

4	Производство прочих транспортных средств и оборудования	101,0	0,008
Всего:		250,9	0,02

Анализируя представленные данные, следует сказать о недостаточности точечного инвестирования в машиностроительную отрасль, которое обеспечило бы требуемый рост макроэкономических показателей по выпуску валового продукта при неизменных показателях индекса инфляции и безработицы. Несмотря на наличие положительных изменений в инновационном секторе, роль инноваций в экономике остается незначительной. Деятельность предприятий в основном ориентирована на реализацию антикризисных стратегий, которые направлены на выживание предприятий. [2, с. 210-211]

Очевидно, что данные инвестиции могут быть введены в экономику путем непосредственно государственного вливания или в форме государственно-частного партнерства с частичным привлечением активов из золотовалютного резерва страны.

Аналогичные негативные тенденции существуют и на предприятиях Самарской области. Чтобы сделать выводы о функционировании данной отрасли, необходимо прибегнуть к первичному анализу показателей предприятий. В таблицах 2-3 представлено ранжирование предприятий Самарской области по объему выручки за отчетный год. Группировка предприятий произведена по размеру.

Таблица 2. Финансовые показатели крупных предприятий Самарской области за 2016-2017 гг. [5, 10-15], [6, 7-14, 17-20], [7, 12-18]

№ п/п	Наименование предприятия	Выручка, млн. руб.		Чистая прибыль, млн. руб.	
		2016	2017	2016	2017
1	РКЦ «Прогресс»	44674	34579	1560	1267
2	НИИ «Экран»	22540	18521	1683	697
3	ГК «Электрощит»	13807	17942	-140	-32
4	«Тяжмаш»	18125	12987	2374	2669
5	«Кузнецов»	9658	9745	-3959	-2798
6	«СКК»	4812	5352	133	94
7	ЕПК «Самара»	4597	4742	1374	1356
8	«Аком»	4455	4618	447	272
9	«Авиаагрегат»	2746	4455	-115	354
10	Завод «Продмаш»	2850	3459	467	466
11	«Авиакор»	2054	2570	-675	-721
13	«Волгабурмаш»	1562	1777	-2111	-98
14	«Пегас-Агро»	942	1585	250	480
15	«Гидроавтоматика»	1530	1338	163	166
16	НТФ «Бакс»	1061	1260	158	250

Специальный выпуск

17	«Самарский трансформатор»	961	1175	25	187
18	«СВМ»	857	1151	71	219
19	НПЦ «Инфотранс»	759	1028	16	109
20	ПК «Электрум»	523	544	8	15
21	«Автогрегат»	456	517	64	126
Всего		142478	133464	2486	6043

В существующей экономической ситуации большое значение отдается больше среднему и малому бизнесу, поэтому представляется необходимым перейти к анализу финансовых показателей предприятий среднего бизнеса, что обусловлено спецификой машиностроительного комплекса.

Таблица 3. Финансовые показатели средних предприятий Самарской области за 2016-2017 гг.

№ п/п	Наименование предприятия	Выручка, млн. руб.		Чистая прибыль, млн. руб.	
		2016	2017	2016	2017
1	«ВЦМ»	446	418	22,3	19
2	«Стальсервис-ТЛ»	417	398	12,51	11,94
3	«ТЭСК»	526	519	57,86	47,09
4	«Фрост»	370	386	33,3	14,74
5	«Тройка»	205	297	14,35	10,79
6	«Сервис»	238	222	9,52	11,88
7	«БПО-Отрадный»	360	387	7,2	6,74
8	«Кабель Гарант»	123	111	3,69	4,33
9	«НК-ВЭМ»	152	184	4,56	5,92
10	«Стройконструкции - Регион»	125	138	1,25	1,8
Всего		2962	3060	166,54	134,23

Таблица 4. Объем отгруженной продукции в сфере машиностроения в разрезе субъектов Приволжского федерального округа

Субъект ПФО	Объем отгруженной продукции, млрд. руб	Доля в общем объеме
Республика Башкортостан	15,40	6,40%
Республика Марий Эл	10,80	4,49%
Республика Мордовия	8,10	3,37%
Республика Татарстан	20,30	8,44%
Удмуртская Республика	20,80	8,65%
Чувашская Республика	19,70	8,19%
Пермский край	12,60	5,24%
Кировская область	12,20	5,07%
Нижегородская область	19,90	8,27%

Оренбургская область	6,50	2,70%
Пензенская область	14,30	5,95%
Самарская область	37,40	15,55%
Саратовская область	11,40	4,74%
Ульяновская область	31,10	12,93%
Итого по ПФО	240,50	100,00%

Источник: gks.ru

По данным таблицы можно сделать вывод, что Самарская область занимает первое место по объемам продаж в Приволжском федеральном округе и это положительно характеризует не только имеющийся потенциал, но и его эффективное использование.

По представленным данным можно сделать вывод, что в Самарской области наблюдается существенный потенциал. Это связано с тем, что темпы роста совокупной по группе крупных предприятий Самарской области выручка составила 0,94 %, что является незначительным снижением, чистая прибыль в отчетном периоде увеличилась в 2,43 раза. Таким образом, крупные компании показали существенные темпы роста, что говорит о высоком потенциале отрасли. Причем, рост финансовых показателей был обеспечен не только за счет деятельности государственных гигантов, но и за счет деятельности представителей частного бизнеса, составивших 50% от общей численности анализируемых предприятий. Тренд динамики финансовых показателей по группе средних предприятий можно оценить как стабильный: незначительное падение объемов чистой прибыли, связанное с увеличением доли инвестируемых средств при практически аналогичном уровне выручки. Таким образом, наличие крупных машиностроительных гигантов, поддерживаемых государством, стабильный тренд динамики финансовых показателей при значительном увеличении чистой прибыли по группе крупных предприятий позволяют высказать предположение о значительном потенциале данной отрасли.

Использованные источники:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 203 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. С. 2817
2. Особенности инвестиционной деятельности и оценки рисков в энергосбытовых компаниях. // Российская наука: актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 209-212
3. Татарских Б.Я. Проблемы системной модернизации материально-технической базы машиностроения на основе повышения инновационно-технологического потенциала // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов. 2018. № 1. С. 192-198
4. Россия в цифрах. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Москва. 2018. С. 118-123
5. Региональный бизнес-журнал «Дело». 2018. № 10. С. 10-15
6. Региональный бизнес-журнал «Дело». 2018. № 11. С. 7-14; С. 17-20.
7. Региональный бизнес-журнал «Дело». 2017. № 11. С. 12-18.

8. Возможен ли технологический рывок. Электронный ресурс: http://www.veorus.ru/события/новости/perezagruzka-6-0-/?sphrase_id=5886 Дата обращения 10.02.2019 г.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Социология. Педагогика. Психология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 29–36.

ДОБРОВОЛЬЦЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧС: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДВИЖЕНИЯ

Андрей Невский, м.н.с.

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

В докладе описаны процесс становления и современное состояние добровольческого движения в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций в России. Рассматриваются исторические основания для возникновения «чрезвычайного добровольчества»: изменение представлений о сущности стихийных бедствий, введение в законодательство понятия «чрезвычайная ситуация», демократизация советского общества и рост гражданского участия. Также будут проанализированы основные этапы становления добровольческого движения: от стихийных мобилизаций к возникновению постоянно действующих добровольческих организаций, работающих в партнерстве с органами государственной власти. Особое внимание будет уделено анализу такого взаимодействия добровольцев с различными типами организаций: органами власти, профессиональными сообществами и т.д. Исследование таких взаимодействий – способ выяснить, какую роль играют добровольцы в становлении института спасательной работы. В основу доклада положено исследование современных региональных добровольческих поисково-спасательных организаций, анализ законодательства в сфере ЧС и воспоминания добровольцев, в разные годы участвовавших в ликвидации последствий стихийных бедствий.

Сфера предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в России включает различные типы акторов: государственные службы федерального и субъектового уровня, ведомственные организации и добровольческие ассоциации. Координирующим органом в этой сфере является Министерство по чрезвычайным ситуациям. Необходимо отметить, что МЧС, в свою очередь, представляет собой сложную структуру, не ограничивающуюся федеральными и территориальными органами: в её состав входят специализированные спасательные организации, ведомство также координирует работу ряда других аварийно-спасательных служб, в том числе общественных. Последние становятся всё более важными участниками повседневной спасательной работы.

Добровольчество в чрезвычайных ситуациях распространено во всем мире в различных формах: гуманитарное вмешательство в зонах природных и техногенных катастроф, работа в добровольной пожарной службе, поиск пропавших людей. По разным данным, доля добровольных спасателей и пожарных в США составляет 80% общего состава, в Западной Европе и Японии – до 90%. Постоянные организации добровольных спасателей в России начали появляться с середины 2000-х годов, однако случаи стихийной мобилизации граждан для ликвидации последствий ЧС были зафиксированы еще в советское время, и повторялись на протяжении всей истории постсоветской России. Такие эпизоды спонтанной гражданской мобилизации принципиально важны для понимания истории не только

добровольческого движения, но и становления всей сферы спасательной работы, т.к. за каждой из таких мобилизаций следовал новый этап институциональных изменений в системе ЧС.

История добровольческого движения в данной сфере начинается с середины 1980-х годов. В период, когда в стране практически каждый год происходила масштабная природная или техногенная катастрофа, возникла необходимость в переформатировании всей системы работы в ЧС. Развитие гласности и внимание международных СМИ к происходящим катастрофам только усилили понимание этой необходимости: решать текущие задачи способами, принятыми в военных ведомствах, более не представлялось возможным. Ответственность, ранее возложенную на войска гражданской обороны и различные ведомственные структуры, было решено переложить на новое ведомство. В оборот было введено ранее отсутствовавшее понятие «чрезвычайная ситуация», которое определило отношение к бедствию как к особому типу ситуаций, требующих комплексного гуманитарного вмешательства. Возникшие в дальнейшем структуры, сначала ГКЧС, затем МЧС, строились на новых принципах – регистрации всех возможных типов чрезвычайных ситуаций и координации различных акторов в таких ситуациях.

В свете этих изменений возникли условия для масштабного гражданского участия в ликвидации ЧС. Более того, добровольцы, члены спортивных сообществ и энтузиасты стали основой для организационной структуры нового ведомства. Первым масштабным случаем гражданской мобилизации стал массовый выезд добровольцев на ликвидацию последствий землетрясения в Спитаке. Там же впервые в аварийно-спасательных работах участвовали добровольцы из западных стран: Франции, ФРГ, Великобритании. Участие добровольцев, в том числе иностранных, предопределило возникновение современной системы аварийно-спасательной работы. Во-первых, корпус спасателей, сформировавшийся в ходе работы в Армении, частично продолжил работу уже в рамках Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям (ГКЧС) и МЧС. Во-вторых, практики и технологии, примененные добровольцами и иностранными спасателями, легли в основу учебно-методической работы нового ведомства.

Следующим, ключевым для добровольчества в ЧС, стал период с 2010 по 2013 годы – время массовой мобилизации граждан в разных регионах России: сначала для тушения лесных пожаров в центральной части страны, позднее – для ликвидации последствий наводнения на юге Краснодарского края. В этот период значительно увеличилось количество людей, интересующихся спасательной работой, появились десятки волонтерских спасательных отрядов, возник вопрос о законодательном регулировании добровольчества в ЧС. После этих событий добровольчество в ЧС прошло определенный период институционализации: сформировалось профессиональное сообщество добровольных спасателей, входящих в несколько основных региональных общественных организаций. Часть этих организаций заключила договоры о сотрудничестве с МЧС и региональными властями. Определились сферы деятельности, в которые волонтеры могут быть допущены. Кроме того, мобилизация волонтеров послужила поводом для внесения в Государственную Думу законопроекта, регламентирующего деятельность

добровольцев, который, в свою очередь, инициировал общественную дискуссию, по поводу необходимости вмешательства государства в деятельность добровольцев.

Как бы то ни было, возможности участия волонтеров в спасательной работе практически не регулируются федеральным законодательством. Упомянутый федеральный закон «О волонтерстве» вступил в силу лишь в 2018 году в сокращенном виде по сравнению с первоначальной редакцией. В итоговой версии он определял базовые принципы взаимодействия государства и общественных организаций, а также регламентировал создание единого реестра добровольных организаций. До сих пор, в случае добровольчества в ЧС, взаимодействие регламентируется договорами о партнерстве или отдельными региональными законодательными актами. Органы власти чаще воспринимают волонтеров как вспомогательный ресурс для задач, не связанных с непосредственной работой в чрезвычайной ситуации – например, для патрулирования территорий, находящихся под угрозой пожара, или организации информационных кампаний по противопожарной безопасности. Однако на практике организации волонтеров участвуют в гораздо большем спектре работ, и инициатива чаще исходит от добровольцев, чем от государства.

Важно отметить, что инициатива добровольцев касается не только вспомогательной «полевой» работы в той роли, которую отводит им МЧС. Профессионализация добровольных спасателей, рост материальной базы и экспертного знания позволяют добровольцам участвовать в организации аварийно-спасательной работы наравне с профессионалами. Региональные добровольческие организации, такие как «Liza Alert» (Москва, регионы) или ОДС «Экстремум» (Санкт-Петербург), принимают активное участие в экспертной деятельности при разработке законодательства о первой помощи и работе спасателей. В некоторых сферах, таких как поиск пропавших людей, спасательная деятельность ведется по методикам, разработанным добровольцами за последние 8-10 лет.

Таким образом, можно сказать, что общественные движения, несмотря на сравнительно небольшие масштабы, продолжает играть важную роль в формировании института спасательной работы в России. Анализ развития данного института показывает, что его нельзя рассматривать как сформированный «сверху-вниз», только решениями государственных органов. Напротив, есть несколько ключевых факторов общественного влияния его становление. Во-первых, само по себе формирование органов власти, ответственных за работу по ликвидации ЧС, в немалой степени является результатом консолидации добровольческого сообщества. Во-вторых, общественная мобилизация в периоды масштабных стихийных бедствий инициировало общественную дискуссию о необходимости законодательного регулирования сферы добровольчества. В-третьих, добровольцы-спасатели зачастую действуют как эксперты, которые привносят новые технологии и практики работы в сферу, которая всегда регулировалась государственными органами.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Е.В. Недосека, к. соц., н, доцент, с.н.с., Институт социологии РАН
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные демографические тенденции и факторы, влияющие на миграционную ситуацию в Мурманской области. Также в работе представлены результаты эмпирических исследований 2016-2018 гг. на предмет миграционных установок, связи с местом проживания; оценки привлекательности и черт привлекательности и непривлекательности жизни в регионе.

Исследования демографических и миграционных процессов в регионах позволяют фиксировать происходящие в них социальные изменения, оказывающие большое влияние на динамику численности населения.

С точки зрения регионального развития Мурманская область имеет ряд особенностей, которые определяют демографические процессы и миграционные интенции населения.

С одной стороны, это приграничный регион с особым стратегическим статусом, что оказывает непосредственное воздействие на развитие общественных отношений, ценностных ориентаций, политических и экономических установок, моделей социального поведения и, в конечном счете, на самоидентификацию населения. Происходящее сегодня обострение внешнеполитической ситуации, сопровождаемое санкционным режимом и нарастающей информационной войной, не могло не отразиться на политическом, социально-экономическом и культурном состоянии региона. Все это привело к падению числа международного сотрудничества в различных сферах с приграничными государствами Финляндией и Норвегией.

С другой стороны, особенности географического положения делают регион уникальным с точки зрения внутреннего социально-экономического потенциала. Так, в 2014 году была принята государственная программа «Социально-экономического развития Арктической Зоны Российской Федерации до 2020 года», согласно которой Мурманская область приобрела статус арктической территории. Программа ставит своей целью повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и реализуется в три этапа с 2015 по 2025 гг. Согласно последним изменениям, внесенным в документ в 2017 году, объем бюджетных ассигнований только на 2019 год включает в себя 22,8 млрд. рублей [7].

Помимо стратегически важного географического расположения Мурманская область отличается исключительным богатством и разнообразием природно-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ

ресурсной базы: от рудных полезных ископаемых и водных биологических ресурсов, имеющих значение для развития Российской Федерации, до водных ресурсов, роль которых неуклонно повышается в условиях прогнозируемого глобального дефицита пресной воды. В недрах Кольского полуострова открыто более 60 крупных месторождений различных видов минерального сырья, наибольшее значение для развития национальной экономики и экспортную привлекательность из которых имеют медно-никелевые, железные, апатит-нефелиновые руды, руды редких и редкоземельных металлов. Существенны запасы слюды, сырья для строительных материалов и керамических изделий, облицовочного камня, полудрагоценных и поделочных камней [6]. Все это требует особых производственных условий, квалифицированных кадров и соответствующей инфраструктуры.

Немаловажным обстоятельством являются логистические параметры региона: незамерзающий порт, прямой выход к океанским магистралям, обустроенная гавань. Порт Мурманск - один из портов Северного морского пути, который является единственной широтной магистралью, связывающей все арктические и субарктические регионы России. В 2015 году Правительство РФ утвердило Комплексный проект развития Северного морского пути. В этой связи роль Мурманской области как опорного арктического региона значительно возрастает.

Все вышеперечисленные показатели ставят перед регионом особые задачи, выполнение которых не представляется возможным без учета человеческого потенциала территории.

На протяжении последних десятилетий регион испытывает серьезную демографическую нагрузку, одной из причин которой является интенсивный отток населения. Данное обстоятельство признается как негативный фактор для социально-экономического развития и на различных уровнях власти предлагаются различные меры по повышению уровня жизни и привлекательности самого региона (программа «Социально-экономического развития Арктической Зоны Российской Федерации», «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», программа «Социально-экономического развития Мурманской области до 2020 и на период до 2025 года» и пр.). Несмотря на ряд провозглашенных государственных мер, направленных на удержание населения, миграционное сальдо продолжает иметь отрицательное значение.

Демографическая ситуация в Мурманской области в течение длительного периода характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения. Так, в период 2000-2018 гг. численность населения региона сократилась на 187,5 тыс. чел. (15,1%). По возрастному составу в структуре численности населения произошло смещение демографического равновесия в сторону увеличения численности населения старше трудоспособного возраста с 14,4% в 2000 г. до 16,3% в 2018 г. Численность экономически активного населения региона снизилась на 14% [4].

Коэффициент миграционной убыли в 2017 году составил минус 4,6, за последние пять лет он повысился фактически в два раза, в 2013 году составлял

минус 12,9. Так, по данным официальной статистики в регион в 2017 году прибыло 39,9 тыс. человек, что на 18,8% больше 2013 года (33,5 тыс. человек). Традиционно, среди прибывших порядка 80% составляют мигранты из других регионов РФ (в 2017 году данный показатель составил 83,2%). Из стран СНГ и ближнего зарубежья количество мигрантов фактически не превышает 15%, так в 2013 году процент прибывших составлял 8,0, в 2017 году – 10,2% [4].

По результатам 2017 года количество выбывших из Мурманской области составило 43,4 тыс. человек, за последние пять лет ситуация с выбытием остается достаточно устойчивой в количественном отношении +/- 1,5% (в 2013 году выбывшие составили 43,5 тыс. человек). При этом, основной отток населения приходится на городские поселения (уровень урбанизации региона очень высок и составляет 92,7%), сельская местность остается в положительном миграционном притоке - 4,5 тыс. человек прибывших против 4,0 тыс. человек выбывших, можно предположить, что данное обстоятельство связано с преобладанием военнослужащих в данных территориально-административных единицах области. Относительно территориальных направлений выбывших, можно констатировать преобладание внутривосточной миграции, в 2017 году по регионам РФ разъехались 91,0% жителей Мурманской области, в 2013 – 95,4% [4].

Данные статистики также свидетельствуют о превалировании в числе выбывших из региона экономически активных граждан. В общем числе мигрантов более 65% составляют граждане трудоспособного возраста (большую долю прибывших составляют граждане 20-24 лет, выбывших - 30-39 лет) [4].

Отток молодежи как социально-экономического потенциала региона является усугубляющим фактом миграционной ситуации в Мурманской области.

Данные обстоятельства в научной литературе объясняются через различные понятия, описывающие ряд современных тенденций «распределенный образ жизни» [2], «новый кочевник» [1], последствия глобализации, но так или иначе для рельефного понимания происходящих изменений и их детерминант эмпирические исследования дают дополнительную пищу для размышлений.

В связи с этим обстоятельством представляется релевантным привести данные ряда социологических опросов и фокус-групповых исследований, проводимых среди населения Мурманской области в период с 2016-2018 год, где миграционные интенции, связь с регионом и оценка его привлекательности являлись задачами исследования. Выявление данных индикаторов у населения помогает раскрыть содержание субъективных факторов оттока и закрепления трудоспособного населения в регионе и дает более глубокое понимание условий социализации и самореализации.

В качестве субъективных показателей в исследовании выступали: миграционные интенции; причины миграции; оценка связи молодежи с местом проживания; оценка привлекательности жизни в Мурманской области; характеристика черт привлекательности и непривлекательности жизни в регионе.

По результатам анализа опроса, проведенного среди населения Мурманской области в 2016 году (834 респондента), большинство респондентов (52,7%) планирует свой отъезд в ближайшие пять лет, в том числе каждый десятый (11,2%)

намерен покинуть регион в течение года, 27,6% опрошенных собираются уехать через 3-5 лет. Каждый пятый (20,9%), выразивший желание покинуть Мурманскую область, собирается сделать это через 6-10 лет. Меньшинство респондентов – 50 человек (9,2%) откладывают переезд на 11-20 лет.

Среди основных причин доминируют проблемы социально-экономического характера – сокращение рабочих мест, низкая заработная плата, недостаточные условия для самореализации; на втором месте причины природно-климатического характера – суровые климатические условия, которые значительно сказываются на здоровье. Интересным являются результаты кластерного анализа, по результатам которого, была выявлена статистическая зависимость между оценочным уровнем благосостояния и удовлетворенностью жизнью в регионе. Так, люди с более высоким уровнем дохода демонстрируют высокую степень удовлетворенности жизни в регионе (19,8%).

Особого внимания в исследованиях демографических и миграционных процессах заслуживает молодежь. Известно, что развитие любого сообщества (в том числе, регионального) невозможно без опоры на данную социально-демографическую группу, являющуюся ценным социальным ресурсом. Будучи важнейшим источником пополнения рабочей силы, а также основным носителем интеллектуального и инновационного потенциала общества, молодежь формирует вектор будущего конкретной территории.

Молодежь Мурманской области неоднократно становилась объектом региональных социологических исследований на предмет, как миграционных установок, так и региональной идентичности в целом. На протяжении 5 последних лет в разных опросах фиксируются одни и те же результаты – не хотят уезжать из региона только четверть опрошенных, остальные демонстрируют устойчивое желание покинуть пределы региона, как правило, треть опрошенных констатирует отъезд как вынужденную необходимость [3,9,10].

Возвращаясь к результатам опроса 2016 года, относительно восприятия населения региона как представителей определенной общности в рамках своей страны, области, города, в том числе и о душевной привязанности, связи с территорией проживания, было получено следующее распределение. Наиболее сильную привязанность, соответствующую пяти баллам, респонденты испытывают с Россией – такую позицию указала почти половина опрошенных (49,6%). Далее следует привязанность к своему городу/поселку - она отмечается у 35,4% респондентов. Четверть опрошенных указали связь в пять баллов с Севером (26,4%), каждый пятый - с Мурманской областью (20,1%). Анализ средних значений баллов отражает описанную ситуацию, где с наибольшей силой проявляется гражданская и локальная региональная идентичности (4,0 и 3,8 балла соответственно), с меньшей – субрегиональная и макрорегиональная (по 3,4 балла).

Интересно, что привязанность к месту проживания варьируется в зависимости от места рождения и возраста переезда в изучаемый регион (для оценки связи использовался t-критерий при уровне значимости 0,05).

Другим субъективным показателем исследования являлась оценка степени привлекательности жизни в Мурманской области. В целом, Мурманская область в

значительной мере привлекательна лишь для 29,8%, т.е. менее чем для трети опрошенных молодых людей. Каждый четвертый респондент (26,8%), напротив, достаточно низко оценивает привлекательность жизни в изучаемом регионе. Возможно, поэтому молодые люди задумываются о смене места жительства, переезде в более перспективные районы. Почти половина опрошенной молодежи (43,4%) указали, что в области есть черты привлекательные для проживания и те факторы, которые делают область непривлекательной с точки зрения молодых респондентов.

С целью определения таких черт были заданы открытые вопросы, где предлагалось указать, в чем видят привлекательность жизни в регионе и что для молодежи непривлекательно. Факторы, подчеркивающие непривлекательность жизни в регионе, предлагалось указывать не только тем, кто собирается уехать из области, но и тем, кто хочет остаться. Интересно, что, отмечая черты привлекательности и непривлекательности региона, молодежь указывала одни и те же характеристики. Основу привлекательности жизни в регионе формируют такие черты, как: «северная природа, климат»; «уровень жизни», «люди, менталитет». В то же время первые две характеристики лидируют в рейтинге непривлекательных черт Мурманской области. Так, среди проблем жизни в регионе преобладают: «северная природа, климат», «экология, здоровье», «уровень жизни», «развитие, перспективность», а также «инфраструктура, дороги».

Такая черта, как развитие и перспективность региона, также достаточно ярко выражена. Респонденты относительно чаще критически оценивает данный параметр, полагая, что в регионе «нечего ловить», «здесь нет перспектив для самореализации», в целом «развитие региона находится на очень низком уровне». Положительные оценки развития и перспектив региона в основном связаны с наличием природных ресурсов, незамерзающего порта, приграничного статуса (близость к Скандинавии), молодостью самого региона.

Кроме того, в исследовании респондентам предлагалось определить, в чем именно они видят перспективы развития Мурманской области.

В качестве самого популярного направления развития Мурманской области опрошенные указывали промышленную деятельность и освоение природных ресурсов Арктики (42,9%): «развитие заводов, разработка полезных ископаемых, развитие горно-металлургической промышленности, развитие энергетики» и пр. Почти столько же респондентов (42,1%) видят перспективы развития региона в туристической отрасли, сфере досуга, спорта, культуры и творчества.

Каждый пятый опрошенный указывает на важность развития инфраструктуры, транспорта, строительства, дорог, сферы услуг (19,7%). В эту категорию были включены те ответы, которые отражали необходимость развития и модернизации городской среды (развитие учреждений и материальной базы сфер образования, медицины, культуры и спорта, досуга; дорожные работы и пр.).

Каждый седьмой-восьмой (13,3 %) опрошенный при ответе на вопрос о перспективах развития отметил, что видит их в портовой зоне (создании транспортного узла, Северного морского пути). Менее популярными вариантами

ответа были необходимость развития международного сотрудничества (8,1 %), образования (7,6 %), бизнеса и торговли (7,4 %).

Таким образом, данные социологических опросов фиксируют повышенные миграционные установки на переезд, преобладание отрицательных оценок относительно возможностей для самореализации при одновременном признании значительного социально-экономического потенциала региона. Ключевыми вопросами остаются заинтересованность региональной и федеральной политической элиты и бизнес структур в наличие оседлого населения Кольского Севера, так как на деле декларативный характер государственных программ идет в разрез с реальным положением, которое все больше склоняется к вахтенному пребыванию рабочей силы.

Использованные источники

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос. 2005. 390 с.
2. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008 – 216 с.
3. Измоденова Н.Н. Социальная идентичность молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018, № 2 (9), вып. 13. URL: http://kolanord.ru/html_public/col_periodicals/Trudy_KNC/Tr-KNC_2018_Gum-issled_N2-9-vyp13/files/assets/basic-html/page-53.html#
4. Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/e761fe0045ba79188171e9edf35b80
5. Справка о Комплексном проекте развития Северного морского пути. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/>
6. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. URL: https://minec.gov-murman.ru/activities/strat_plan/sub02/
7. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/
8. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года". URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/1d8dcf5824d5241136fa09b9e9c672ac5d325365/
9. Недосека Е.В., Ануфриева Т.В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // Социология города. – 2015. - № 3. – С. 22 - 31.
10. Шарова Е.Н., Недосека Е.В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. – Серия социальные и гуманитарные науки. – 2014. – Т.17. - №4. С. 802 – 811.

УДК 316.346.32-053.6

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: СЛУЧАЙ КРЫМА В РЯДУ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ

В.Г. Пантелеев, младший научный сотрудник

Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается социальная субъектность молодежи Крыма и других регионов Юга России. Выявляются различия в уровне социальной субъектности молодежи на основе интегрального показателя, складывающегося из оценок-предпочтений в регулировании различных социально значимых сфер. Установлено, что показатель социальной субъектности крымской молодежи один из самых высоких среди рассматриваемых регионов.

Ключевые слова: молодежь, социальная субъектность, социально значимые сферы, Крым, Юг России.

Воссоединение Крыма с Россией является значимым социальным событием, основание которого зиждется не только на перипетиях меняющихся условий современности, но и на исторических и социокультурных основаниях [6, с. 9], которое во многом стало возможным благодаря активности жителей Крыма, в том числе и крымской молодежи, позитивно оценивающей перспективу воссоединения [10]. Это масштабное событие внесло существенные изменения в конфигурации социального развития российского общества. В результате реализации воссоединения социум России оказался между Сциллой внешних вызовов и Харибдой внутренних проблем, которые никуда не исчезли, но которые, возможно, некоторое время находились в тени такого исторического события. Несмотря на то, что воссоединение осуществилось, это не отменяет и работы по дальнейшей интеграции Крыма в российский социум посредством механизма формирования согражданственности [5, с. 12]. Также это не отменяет и необходимости перемен внутри российского социума, поскольку реализация самостоятельной внешней политики «обнажила» проблемные зоны, требующие активности по их нейтрализации. Подобная необходимость требует не только усилий акторов, принимающих решения, но и общества, которое делегировало этим акторам соответствующие полномочия. Усилия эти будут иметь необходимый эффект только при высоком уровне социальной субъектности населения. Особой важностью в этом отношении обладает социальная субъектность молодежи, поскольку она является «днем завтрашним» общества «дня сегодняшнего».

Научное изучение субъектности молодежи обладает достаточно длительной историей [1, с. 152]; в отечественной науке ярким представителем направления, исследующим субъектность молодежи, является Луков В.А. [8]. Современные исследования отечественные исследования социальной субъектности

молодежи в основном рассматривают различные ее аспекты в студенческой среде. Во-первых, ученые, выявляя проявление социальной субъектности молодежи в выборе профессии, констатировали отсутствие субъектной позиции [3]. Во-вторых, это исследования влияния федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования на формирование социальной субъектности у студентов [2; 4]. Также следует выделить исследования, посвященные формированию социальной субъектности у подростков и связанных с этим процессом рисками проявления девиантного поведения [9]. Таким образом, можно констатировать, что исследования социальной субъектности молодежи нашли свое место в научном дискурсе, однако вопросы региональных аспектов проявления социальной субъектности молодежи, отличия в уровне социальной субъектности между молодежью регионов не получили подробного научного рассмотрения.

Ввиду обозначенного выше, настоящая статья имеет цель дать некоторое освещение региональных аспектов социальной субъектности молодежи регионов Юга России, в частности, Крыма, Ростовской области, Адыгеи, Ставропольского края, Кабардино-Балкарии. Для достижения этой цели, во-первых, будут установлены сферы проявления социальной субъектности молодежи (региональная специфика); во-вторых, будет рассчитан интегральный показатель социальной субъектности молодежи в указанных регионах; в-третьих, на основе интегрального показателя выявлен уровень социальной субъектности молодежи указанных регионов.

Выявление социальной субъектности, ее уровня, можно осуществлять на основе оценок респондентами аспектов сферы индивидуально-личностной (микро-уровень) и сфер социально значимых (макро-уровень). Здесь социальная субъектность будет выявляться на основе оценок сфер макро-уровня. В качестве индицирующего социальную субъектность вопроса был выбран «Как Вы думаете, какие организации должны быть в ведении государства, а какие – частного сектора?». Для оценки респондентам были продолжены следующие сферы: вузы; школы; транспорт; электростанции; добывающие отрасли (нефть, газ и т.д.); металлургические и машиностроительные заводы; медицина; телевидение; газеты; банки; пенсионные фонды; производство продуктов питания; театры, музеи, библиотеки; эксплуатация жилищного хозяйства. Соответственно, чем больше респондентов отдадут предпочтение государству как регулятору той или иной сферы, тем меньше уровень социальной субъектности, поскольку социальная субъектность проявляется как самостоятельная инициативность [1, с. 158]. Единая шкала оценки позволит рассчитать интегральный показатель проявления социальной субъектности.

В статье используются эмпирические данные, полученные коллективом Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Анкетный опрос проводился с мая по июль 2018 года в рамках исследования «Социальная инерционность в смыслах и практиках повседневной жизни населения регионов Юга России». Опрос проводился в пяти регионах Юга России: Республика Крым, Ростовская область, Республика Адыгея,

Ставропольский край, Кабардино-Балкарская республика. Выборка составила 2256 человек.

Далее обратимся к таблице 1.

Таблица 1 – Оценка молодежью регионов Юга России необходимости государственного регулирования общественно значимых сфер, %

Оцениваемые сферы	Регионы				
	КБР	РА	РК	РО	СК
Вузы	90,0	100,0	62,7	52,5	76,9
Школы	85,0	100,0	58,8	67,9	78,5
Транспорт	50,0	81,3	21,6	42,7	62,5
Электростанции	73,7	93,3	80,4	58,5	81,5
Добывающие отрасли (нефть, газ и т.д.)	73,7	87,5	70,6	74,4	76,9
Металлург. и машиностроит. заводы	40,0	81,3	51,0	37,8	69,2
Медицина	65,0	93,8	41,2	45,1	70,8
Телевидение	36,8	12,5	27,5	21,0	46,2
Газеты	36,8	6,3	23,5	15,9	33,8
Банки	47,4	12,5	43,1	40,7	52,3
Пенсионные фонды	75,0	93,8	76,5	61,0	81,3
Производство продуктов питания	20,0	0,0	17,6	19,5	39,7
Театры, музеи, библиотеки	25,0	93,8	49,0	26,8	55,4
Эксплуатация жилищного хозяйства	65,0	100,0	60,8	38,3	69,2

Специфика проявления социальной субъектности будет выявляться нами по оценкам сфер – чем меньше респондентов отдавало предпочтение государству в качестве регулятора той или иной сферы, тем выше уровень социальной субъектности. В качестве таковых сфер будем считать те сферы, для которых уровень предпочтения государственного регулирования составляет не более 40%.

В Кабардино-Балкарии выявлено пять наиболее «субъектных» сфер. Первые две сферы набрали наименьшее число респондентов, предпочитающих отдать управление ими государству: производство продуктов питания (20%); театры, музеи, библиотеки (25%). Вторая группа: телевидение и газеты – в обоих случаях по 36,8%. Наконец, металлургия и машиностроение (40%). Таким образом, молодежь Кабардино-Балкарии более всего готова проявлять (или готова принимать проявления) субъектности в области производства продуктов питания, а также в области театров, музеев и библиотек. В остальных сферах этот показатель

значительно снижается. Вместе с тем интегральный показатель социальной субъектности составил 4,4 из 10.

В Адыгее таких сфер четыре: производство продуктов питания (0%); газеты (6,3%); телевидение (12,5%); банки (12,5%). Итак, мы видим, что по сравнению с Кабардино-Балкарией уровень проявления социальной субъектности в соответствующих сферах гораздо выше. Вместе с тем остальные сферы, по мнению респондентов, должны регулироваться государством практически полностью. Особенностью является то, что в банковской сфере молодежь допускают широкое проявление субъектности. В Адыгее интегральный показатель социальной субъектности составил 3,2 из 10.

По оценкам молодежи Крыма выстроилась следующая иерархия сфер: производство продуктов питания (17,6%); транспорт (21,6%); газеты (23,5%); телевидение (27,5%). Таким образом, одобрение (или допущение) молодежью социальной субъектности в этих сферах находится на достаточно высоком уровне и не превышает 30%. Особенностью Крыма по сравнению с предыдущими регионами является то, что появляется сфера «транспорт». Интегральный показатель социальной субъектности составил 5,1 из 10.

В Ростовской области социально значимых сфер, в которых молодежь допускает проявление социальной субъектности, больше, чем в прочих рассматриваемых регионах: газеты (15,9%); производство продуктов питания (19,5%); телевидение (21%); театры, музеи, библиотеки (26,8%); металлургия и машиностроение (37,8%); эксплуатация жилищного хозяйства (38,3%). При этом стоит отметить, что лишь в пяти из тринадцати сфер более 50% респондентов отдают предпочтение государственному регулированию. Таким образом, у молодежи Ростовской области наблюдается самый высокий уровень социальной субъектности: интегральный показатель 5,7 из 10.

В Ставропольском крае молодежью допускается высокая степень субъектности лишь в двух сферах: газеты (33,8%) и производство продуктов питания (39,7%). Это наименьшее количество сфер среди рассматриваемых регионов. В Ставрополье так же наблюдается один из наименьших интегральных показателей: 3,6 из 10.

Таким образом, можно заключить, что у Крымской молодежи наблюдается один из самых высоких уровней социальной субъектности, она уступает лишь молодежи Ростовской области. Специфической «субъектной» сферой для молодежи Крыма является «транспорт». Следует также отметить, что явные сферы культурных потребностей были проявлены лишь в двух регионах, что соответствует общероссийской тенденции преобладания у молодежи пассивно-созерцательных форм культурных практик [7, с. 179]. Кроме того магистральной линией в оценках молодежи всех рассмотренных регионов является сфера производства продуктов питания, что требует своего объяснения. В целом можно заключить, что молодежь всех рассмотренных регионов обладает социальной субъектностью, и в этом есть потенциал для того, чтобы молодежь стала актором воплощения позитивных перемен как на региональном, так и на общероссийском уровне.

Использованные источники:

- 1 Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 152–161.
- 2 Алиев В.В. Освоение студентами магистратуры компетенций социальной субъектности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 3. С. 96–99.
- 3 Алиев В.В. Социальная субъектность молодежи в выборе профессии // Высшее образование для XXI века: XIII Международная научная конференция. Москва, 8–10 декабря 2016 г.: Доклады и материалы в 2-х частях. Секция 2. Социология образования / отв. ред. Н. А. Селиверстова. Часть 1. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. С. 18–22.
- 4 Алиев В.В. Формирование социальной субъектности студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 103–107.
- 5 Волков Ю.Г. Дискурс понимания в формировании общероссийской идентичности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № спецвыпуск-1. С. 9–21.
- 6 Горшков М.К. Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 2 (22). С. 7–16.
- 7 Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 170–191. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.546>.
- 8 Луков В.А. Теории молодежи: пути развития (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 87–98.
- 9 Смирнова А.Н. Социальная субъектность и девиантное поведение подростков // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 117–122.
- 10 Чигрин В.А., Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // Вестник Института социологии. 2015. № 4 (15). С. 23–34.

УДК 314.17

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

М. И. Прыгунова, младший научный сотрудник | ведущий научный сотрудник;

В. О. Корунова, ведущий инженер | научный сотрудник

Виртуальная научно-исследовательская лаборатория «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК
Казанского федерального университета | ГБУ «Центр перспективных
экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань,
Россия

Движение по принципу устойчивости для России означает переход к «зеленому» социально-экономическому развитию, находящему прямое отражение в базовых показателях качества жизни. В статье на данных официальной статистики по двум мега-городам России анализируется результативность совершаемого перехода. Рассматриваются основные индикаторы демографической ситуации в Москве и Казани: численность населения, естественный и миграционный прирост, возрастная структура населения и уровень демографической нагрузки. Статья написана в рамках проекта «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования «зеленых» городов России», грант РНФ № 17-78-20106.

В российской научной литературе в последнее время особое внимание уделяется проблемам «зеленых» городов. Это понятие не следует трактовать буквально, только как хорошо озелененный город, как это делалось в 1930-х гг. в СССР. «Зеленый» город – это также хорошо защищенный город [7, с. 1289]. Сегодня термин «зеленый», как и в западной практике, обозначает комплекс условий, обеспечивающих сбалансированное социальное, экономическое и материально-техническое со-развитие [8], выражающееся в первую очередь в воспроизводстве всесторонне безопасной для жизни и здоровья граждан среды [9, с. 9]. Тем не менее, процесс становления «зеленых» городов России имеет определенную специфику.

Основной особенностью, которую необходимо учитывать при изучении и построении модели развития «зеленых» городов России, является их структурно-функциональная организация, все больше подчиняющаяся геополитическим процессам в стране и мире. В их числе: борьба за ресурсы; борьба одновременно за устойчивость существующей экономико-политической системы государства и за геополитическое доминирование в мире; ускоряющееся технологическое развитие; законы глобального рынка; растущий разрыв между богатыми и бедными слоями городского населения; ухудшение экологической обстановки; инверсия архитектурного и социального пространства. Кроме этого, современные российские мега-города находятся на этапе перехода от индустриальной формы их устройства к информационной, что создает дополнительный контекст движения к устойчивости,

состоящий в придании значимости не только материальным «шкагам», но и их конструированию и сигнификации в информационно-коммуникационном пространстве.

В общем приближении под устойчивым развитием следует понимать единство экономического и социального прогресса, достижимого в условиях сохранения окружающей среды (рис. 1). При этом состояние социальной сферы выступает первичным индикатором устойчивости в целом. Судить об этом можно исходя из перечня конкретных целей перехода к устойчивому развитию, принятого странами-участницами ООН 25 сентября 2015 г. в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Так, 9 из 17 целей (ликвидация нищеты и голода, хорошее здоровье и благополучие, качественное образование, гендерное равенство, чистая вода и санитария, достойная работа и экономический рост, уменьшение неравенства, ответственное потребление и производство) напрямую касаются качества жизни рядовых граждан; достижение остальных 8 обуславливают его в более отдаленной перспективе. Первые из них суммарно имеют для России главный приоритет: разрабатывающихся и готовых к разработке показателей – 41,1% (разрабатывающихся и готовых к разработке показателей по второй группе целей – 30,4% [2]), что во многом связано с переходом нашей страны к новому типу социальной организации, так как внедрение ИКТ в практику повседневной жизни требует повышения и стабилизации базовых показателей качества жизни. В первую очередь, здесь следует иметь в виду показатели демографической ситуации.

Рисунок 1. Взаимосвязь факторов устойчивого развития города [6]

Далее с целью первичной оценки результативности шагов перехода нашей страны к устойчивому развитию обратимся к данным государственной статистики по Москве и Казани, репрезентирующим демографическую ситуацию в рассматриваемых городах.

Москва занимает первое место по численности населения среди городов России по состоянию на 1 января 2018 г., Казань – шестое. Оба показателя характеризует невыраженная положительная динамика: численность населения Москвы по сравнению с 2017 г. возросла на 1,02%, Казани – на 0,94%, что в целом отражает общероссийскую тенденцию к снижению численности населения (с 2018 по 2019 гг. число россиян сократилось почти на 87 тыс. человек) [3]. В 2018 г., по данным Росстата, в Российской Федерации зафиксирована минимальная рождаемость за последние 11 лет; самый высокий спад отмечен в столице России. Тем не менее, рождаемость в Москве, как и в Казани, по итогам 2017 г., стабильно превышает смертность (на 16,5% и 40% соответственно), и коэффициент естественного прироста также имеет положительное значение (1,2‰ и 7,1‰).

Существенную роль в приросте населения двух городов играет миграция; коэффициент миграционного прироста в Москве и Казани так же, как и коэффициент естественного прироста, имеет положительное значение (число прибывающих граждан из других городов, регионов и стран выше, чем число убывающих из рассматриваемых городов) (табл. 1). Москва сегодня – один из самых крупных центров притяжения для мигрантов из регионов России, а также из других стран (хотя внутренняя миграция в 2017 г. в 8 раз превысила международную). Это связано, в первую очередь, с большим экономическим потенциалом города как столицы страны, с высокой средней заработной платой по сравнению с другими населенными пунктами, с возможностью получить высшее образование в топ-университетах России. Казань также оказывается привлекательной в этом плане (распределение миграционных потоков в 2017 г.: из других стран – 36,7%, других регионов России – 32,7%, других населенных пунктов республики – 30,6%), впрочем, основания для переезда в Казань чаще всего другие, нежели у перебирающихся в Москву. Максимальный миграционный прирост населения Казани был отмечен в середине 1990-х гг., в том числе за счет этнических татар. В 2000-е гг. репатриационная миграция уступила место временной трудовой, что сказалось на качественных характеристиках потока: стало меньше выходцев из крупных городов, снизился образовательный уровень приезжающих [5].

Таблица 1. Коэффициент миграционного прироста в 2013-2017 гг., ‰

Город	2013	2014	2015	2016	2017
Москва	9,09	5,75	9,20	2,36	8,97
Казань	8,32	7,92	3,53	5,42	4,45

Несмотря на высокие темпы миграционного прироста, традиционно обеспечивающего снижение среднего возраста населения [1, с. 29], в Москве в 2017 г. на 1000 человек в трудоспособном возрасте приходится 708 в нетрудоспособном (252 – моложе трудоспособного возраста, 456 – старше), а

коэффициент демографической нагрузки составляет 70,8%. Ситуация по Казани аналогична: на 1000 человек в трудоспособном возрасте приходится 727 в нетрудоспособном (321 и 406 моложе и старше трудоспособного возраста соответственно), коэффициент демографической нагрузки равен 72,7%. Население обоих рассматриваемых городов стремительно стареет (согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрасте старше 65 лет превышает 7%): среди москвичей 26,8% населения старше трудоспособного возраста, среди казанцев – 23,5%. В целом, в российской столице данная проблема стоит несколько острее, несмотря на то что трудоспособное население Казани испытывает бóльшую демографическую нагрузку. Значительно более высокая рождаемость в Казани в перспективе восполнит ее трудовые ресурсы [4, с. 33]; уже сейчас доля населения младше трудоспособного возраста Казани несколько превышает этот показатель по Москве (18,6% и 14,7%).

Первичный анализ основных демографических показателей по Москве и Казани, таким образом, демонстрирует низкие темпы движения рассматриваемых городов и страны в целом (так как Москва и Казань – российская и региональная столицы, находящиеся в числе передовых центров прогрессивного развития) к устойчивости. Демографическая обстановка в городах свидетельствует о недостаточной эффективности предпринимаемых в данной области мер: прирост населения положительный, но низкий; в Москве обеспечиваемый за счет миграции трудоспособной молодежи в стареющую коренную среду, а в Казани – за счет высокой рождаемости. В первом случае, когда исключительно внешний, экономический имидж города привлекает в него человеческие и финансовые ресурсы, налицо пренебрежение формированием его внутреннего, качественного имиджа. Второй случай представляется противоположным – при частичной совершенности первых шагов перехода к устойчивому развитию (стабилизация демографической ситуации) отсутствует видимый эффект от последующих, связанных с экономическим и инновационным развитием города. Суммарно анализ данных кейсов отсылает нас к проблеме системного планирования, последовательности и этапности мероприятий движения к устойчивости.

Использованные источники:

1. Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С. К проблеме государственного регулирования трудовой миграции в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 4. С. 24-30.
2. Данные по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_main.htm
3. За год население страны уменьшилось на почти 90 тыс. человек. [Электронный ресурс] // Татар-информ. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2019/01/24/640049/>
4. Кузнецов М. М. Демографический аспект формирования человеческого капитала Республики Крым // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 6. С. 30-37.
5. Решение Казанской городской Думы от 14.12.2016 №2-12 «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года». [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://base.garant.ru/22556097/>

6. Устойчивое развитие: концепция, принципы, цели. [Электронный ресурс] // Журнал «Устойчивый бизнес». URL: <http://csrjournal.com/ustojchivoe-razvitie-koncepciya-principyu-celi>
7. Ermolaeva P. O. In the labyrinths of the «sustainable city» concepts: the meta-analysis of contemporary studies // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2017. Special Edition December 2017. P. 1288-1293.
8. Karlenzig W. How green is your city? The Sustain Lane US City Rankings. Post Carbon Institute, California, 2007.
9. Yanitsky O. N. Russian Megalopolis: Processes of Divergence, Separation and Integration of its Agents // International Journal of Political Science (IJPS). 2018. Volume 4, Issue 3. P. 5-13.

УДК 316.346.32-053.6(470)

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Е.К. Рудакова, к.полит.н., зав.каф. международных отношений и политологии
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, факультет международных отношений,
экономики и управления, г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема диалога между государством и общественными группами (молодежью) по вопросу адаптации традиционных ценностей в массовом сознании российской молодежи в условиях глобальных вызовов и угроз.

За последние годы сложно упрекнуть российское государство в недостаточном финансировании молодежной политики, как на федеральном, так и на региональном уровне. На фоне многочисленных пропагандистских мероприятий государственных и околосударственных структур с участием молодежи, позитивных данных отчетов, может показаться, что многочисленные негативные антисоциальные тенденции маргинализации и аномии, фиксируемые социологами, крайне преувеличены [1, с. 10].

Тем не менее, по целому ряду важнейших показателей, молодежная политика в России очевидно неэффективна: продолжается дальнейшая радикализация молодежи и молодежного движения в России; падает общекультурный уровень и уровень политической культуры молодежи; наблюдается рост молодежной преступности и деструктивных явлений в молодежной среде; происходит дальнейшая девальвация и подмена ценностей в обществе; активно внедряются информационные манипулятивные технологии с целью использования молодежного ресурса в политических целях; продолжается раскол и противопоставления молодежи по линии «молодежь-старшее поколение», «молодежь-общество», «молодежь-власть» [2, с. 42].

Кризис легитимности государственной власти, наблюдаемый в ряде стран на постсоветском пространстве, заставляет по-новому взглянуть на роль и место ценностей в контексте нахождения диалога между властью и обществом. Ответ на вопрос о значении, классификации, роли, месте и формах адаптации ценностей и различного рода установок в массовом сознании граждан (российской молодежи как движущей силе любого общества) будет способствовать укреплению стабильности российского государства и переходу на новый уровень диалога власти и общества.

Современная тенденция трансформации и девальвации ценностей в российском обществе заставляет по новому взглянуть на их роль и место в системе взаимоотношений молодежи и государства. Видоизменение коммуникативных каналов активизации информации в массовом сознании и методов воздействия на массовое сознание приводит к поиску новых путей диалога между властью и молодежью по вопросам аккумуляции ценностей, а также их адаптации в массовом сознании с целью укрепления государственности в современной России.

Недостаточная эффективность молодежной политики последних лет, выражающаяся во всё большем отчуждении и радикализации молодежи, подтверждает отсутствие диалога и консенсуса государства и молодежи по основным вопросам современного общественно-политического развития. Отсутствие понимания, что именно молодежь в обществе является гарантом «ценностного договора», выполняя две важнейших аксиологических функции, с одной стороны, согласия, признания, подтверждения и консервации традиционных ценностей, а с другой – поиска и адаптации новых ценностей, - в условиях ценностного вакуума, отсутствия нравственного «компас», дегенеративных процессов в обществе и государственных структурах (коррупционность, падение морали и нравственности, потребительская культура), невостребованности, приводит к росту социального протеста и радикализации молодежного запроса, расколу по линиям «молодежь-старшее поколение», «молодежь-общество», «молодежь-власть», «молодежь-традиции», «молодежь-история». Социологические данные подтверждают рост молодежного недоверия по отношению к властным и общественным структурам, молодежь говорит о диктате и навязывании государством и обществом ценностей, которые преподносятся молодежи как данность, в «разжеванном» виде, не находят подтверждения в жизни, - всё это приводит к сильнейшему стрессу в молодежной среде, отчуждению, отмежеванию не только от общества и государства, но и от традиционных ценностей.

Данные процессы происходят на фоне неубедительной деятельности многочисленных молодежных квази- организаций и квази-проектов, которые по большей части реализуются «для галочки», во многом носят непрофессиональный характер, связанный с минимальным созидательным эффектом для молодежи, задействуют лишь незначительную часть российской молодежи, мотивированную на поддержку данных мероприятий либо за дополнительные бонусы в учебе, либо за помощь в продвижении по карьерной лестнице.

Тем временем продолжается агрессивная борьба за молодежное сознание и молодежный ресурс. С помощью активных информационных технологий манипуляции массовым сознанием, навязывания ценностных установок и моделей поведения, молодежь пытаются использовать в различных социально-политических целях. В этой связи актуальным является выявление эффективных механизмов формирования и трансляции ценностей как практически единственный механизм противодействия радикализации молодежи в современной России [3, с. 5-15].

Поставленная научная проблема носит междисциплинарный характер, призвана интегрировать накопленный опыт в области политологии, социологии, философии и психологии. По вопросу ценностей и ценностных установок в научной

среде отсутствует единый подход и трактовка, ценности являются сложным феноменом, зависящим от культуры конкретного общества.

Важным вопросом является теоретическая проработка исследуемой проблемы. Процессу кристаллизации, формирования, адаптации, утверждения ценностей в обществе, в том числе в молодежной среде посвящены работы Дробницкого О.Г, Кагана М.С., Здравомыслова А.Г., Тугаринова В.П., Ручка А.А., М. Вебера, Э. Дюркгейма, Р. Инглехарта, Ф. Знанецкого, М. Рокича, У. Томаса, К. Манхейма, С. Эйзенштадта, Л. Барлетта, Л. Генри, К. Гриффина, П. Гудмана, К. Дэвиса, Б. Кука, М. Мида, С. Холла и других. Проблема девальвации ценностей и технологий подмены ценностей исследованы в работах К.Х.Момджяна, Н.В.Мотрошилова, М.И. Новинской, Е.Г.Соколова, Н.С.Юлиной, Д.А. Леонтьева, Г.М. Андреевой, Е.П. Белинской, О.А. Тихомандрицкой, В.А.Антонова, В.В. Бовкуна, А.М.Байчорова, В.Н.Большакова, А.С. Власенко, П.С.Гуревича, Ю.Н.Давыдова, С.Н.Иконниковой, Т.В. Ищенко, А.В. Дмитриева, А.С. Запесоцкого, С.Н. Иконникова, Н.И. Лапина, В.Т. Лисовского, А.А. Козлова, Ю.С. Колесникова, Л.Я. Рубина, М.Н. Руткевич, В.В. Павловского. Ориентации студенческой молодежи исследованы в работах А.С. Власенко, В.Р. Вишневого, О.В. Виштак, Б.И. Говако, М.Б. Доброрадных, Т.В. Ищенко, Ю.В. Колесникова, М.В. Лисаускене, В.Т. Лисовского, В.Г. Немировского, Т.Э. Петрова, Б. Рубина, Л.Я. Рубиной, А.Н. Семашко, А.В. Соколова, П.А. Старикова, И.О. Щербаковой, В.В. Юдина, Левичевой В.Ф., Мяло К.Г., Сикевич З.В., Шкурина В.Н. и др. Грачёв М.А., Гребнева Т.Н., Дэвид Б., Зайковская Т.В., Никитина Т.Г., Шлобински и др. Проблема насаждения ценностных установок посредством современных коммуникационных каналов и информационных технологий (социальные сети, блоги, твиттер, продвижение в сети), описание процессов масштабных сдвигов в технологиях и общественном сознании во всех сферах жизни общества рассмотрены в работах Ф. Уэбстера, Э. Шмидта, Дж. Коэна, И.Т., В.А. Герасевича, Н.В.Баловсяка, А. Лактионова, Д.Е. Музы, В.В. Година, С.П. Капицы, В.А. Никитова и др.

Данная проблемы носит выраженный прикладной характер противодействия навязыванию деструктивных технологий в молодежной среде посредством интренет-технологий и формированием ценностей. Данная задача является приоритетной и в мире нет центров, которые ей целенаправленно занимаются. Есть центры, которые исследуют интернет технологии и их влияние, разрабатывают конкретные методики, рассчитанные на молодежь. Так, можно назвать Американский стратегический исследовательский центр RAND. Разработкой и выявлением новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций, который помимо исследований молодежи, семьи, ценностей, занимается проблемой роли интернета в радикализации сознания. Например, «Radicalisation in the digital era. The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism» (Inesvon Behr, Anais Reding, Charlie Edwards, Luke Gribbon), «Internet Freedom and Political Space» (Olesya Tkacheva, Lowell H. Schwartz, Martin C. Libicki, Julie E. Taylor, Jeffrey Martini, Caroline Baxter), «Институт управления и

социально-экономического развития», Институт PR в современной России и др. [4, с. 82].

Необходимость поиска новых смыслов и трансформации контекстов ценностного измерения в массовом сознании российской молодежи с активизацией или нивелированием внутривнутриполитических и внешнеполитических угроз в виде деятельности негативного характера радикальных групп молодежи, дабы не допустить девальвации российской государственности и обеспечить национальную безопасность России – важная стратегическая задача.

Использованные источники:

1. Динамика ценностного сознания российской молодежи в контексте современных политических и социокультурных процессов в России // Итоги социологического исследования НГЛУ им. Н.А. Добролюбова под ред. Е.П. Савруцкой. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2014.
2. Рудакова Е.К., Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Динамика отражения в сознании молодежи России межэтнических отношений // Актуальные проблемы евразийской безопасности. 2015. С. 40-44.
3. Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Эминов Д.С. Гендерные стратегии «мягкой силы» НПО как инструмент реформирования культурного кода общества и государства в России // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 6-8.
4. Рудакова Е.К. Проблемы и пути противодействия распространению экстремистской идеологии в сети Интернет // Вестник академии военных наук. 2014. № 2(47). С. 80-95.

УДК 316.35

**ЦЕННОСТИ, ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ И СТРАТЕГИИ СЕМЕЙНО-
БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ
ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. КРАСНОЯРСКЕ)**

И.Г. Синьковская, доцент, канд. социол. наук., доцент

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, Институт социального инжиниринга, г. Красноярск, Россия

И.В. Малимонов, старший преподаватель

Сибирский федеральный университет, Институт педагогики, психологии и
социологии, г. Красноярск, Россия

Понимание семьи как основы для воспитания и социализации будущих поколений требует усиленного внимания к ее проблемам. Доступность разводов и снижение меры ответственности супружеских сторон за качество семейной жизни, распространение сожительства как альтернативы официальному браку способствует увеличению неполных семей, воспитывающих несовершеннолетних детей.

Молодежь, как особая социально-демографическая группа, выступает непосредственным субъектом семейно-брачных отношений, поэтому их включенность в данную практику в соответствии с социально одобряемыми нормами и ценностями для общества, является гарантом стабильного и устойчивого развития. Однако, за последние десятилетия в России наблюдается изменение традиционных семейных ценностей и взглядов на брачные отношения, что приводит к разнообразию взглядов молодежи на брак и семью и как следствие – к разнообразию семейных структур [1, с.114-118].

Поэтому изучение установок современной молодежи на вступление в брак и создании семьи, изучение ценности семьи в системе жизненных планов молодых людей, а также особенностей их семейно-брачного поведения позволит формировать социальную политику с учетом выявленных тенденций. В г. Красноярске в 2018 году было проведено исследование семейно-брачного поведения молодежи. Выборочная совокупность – квотная пропорциональная, репрезентативная по полу, району проживания (выборка составила 586 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет). Для изучения семейно-брачного поведения молодежи были выделены такие индикаторы как: добрачное поведение, брачное поведение, репродуктивные установки, супружеское поведение, родительское поведение.

Исследование показало, что около 79% молодежи безоговорочно ориентированы на создание семьи и всего лишь 5% высказало нежелание ее создавать. Тем самым, восприятие семьи как высшей социальной ценности, и её создание как обязательный этап жизненной стратегии всё еще является определяющим. Уточняющий открытый вопрос, относительно сомнения или нежелания создавать семью, выявили ряд обоснований: «одному намного удобнее»; «без семьи проще»; «все равно развалится»; «не хочу возиться».

Изучение добрачного поведения (периода с момента знакомства с потенциальным брачным партнером до заключения брака) показало, что наиболее значимыми фильтрами брачного отбора выступают социологические («близость – пространственная доступность» и «гомогамия – «похожесть») и психологические фильтры (чувство любви, комплиментарность потребностей, личностные характеристики). Так индексный анализ показал, что наиболее важными качествами при выборе брачного партнера являются его физическая привлекательность, общность взглядов, профессиональная состоятельность.

Таблица 1. Представления молодежи о наиболее значимых качествах идеального брачного партнера

Какие качества потенциального партнера Вы считаете определяющими при решении вступить с ним в брак?	юноши средняя оценка	девушки средняя оценка
Физическая привлекательность	3,94	3,96
Высшее образование	2,13	3.4
Профессиональная состоятельность	2,9	3.6
Материальная обеспеченность	2,9	3.2
Общность взглядов на брак и семью	3.9	3.9
Общность профессиональных и/ или личностных интересов	2.4	2.3
Дружеские отношения ваших родителей	2.1	2.3
Высокий социальный статус и материальная обеспеченность	2.9	3.1

Значимо, что ситуация знакомства постепенно переносится из объективно существующей реальности (на учебе, работе, в компании друзей и родственников) в виртуальную реальность (социальные сети, сайты знакомств).

Таблица 2. Представления молодежи о предпочтительных местах знакомства

Где есть шанс встретить будущего супруга?	юноши средняя оценка (индекс)	девушки средняя оценка (индекс)
Социальные сети	3,4	3,6
Сайты знакомств	2,4	2.8
Учеба	2,9	3.1
Работа	2,9	2.9
В среде друзей	3.1	3.1
В среде знакомых родительской семьи	2.1	2.6
В путешествии и др.	2.1	2.0

Исследование выявило искажения понимание респондентами содержания терминов «сожитительство», «гражданский брак» и «официальный брак», так последние два термина расцениваются большинством как синонимы (80%), но 20% респондентов содержательно объединяют «сожитительство» и «гражданский брак». Ряд дополнительных пояснений участников исследования выявил их негативное отношение к понятию «сожитительство», ассоциируя его с такими понятиями как: «вульгарно», «временно», «без любви», при этом, допустимость сожитительства как этапа добрачного поведения отмечается большинством респондентов – так считают его: «обязательным» (56%) и «вполне допустимым» (36%). Оптимальная продолжительность сожитительства перед заключением брака варьируется от 3 месяцев (18%) до полутора лет (34%), около 3% опрошенных (исключительно юношей) отметили, что продолжительность должна быть не менее 3 лет.

Брачное поведение, под которым понималось совокупность действий, сопровождающих вступление партнеров в брак, предполагает следующие действия: знакомство родителей, помолвка, свадебная церемония.

Таблица 3. Индексный анализ оценок молодежью необходимых действий при вступлении в брак

Какие традиции Вы хотели бы соблюдать при вступлении в брак?	юноши средняя оценка (индекс)	девушки средняя оценка (индекс)
Официальное предложение руки и сердца в присутствии родных	2,1	3,3
Знакомство родителей	3,1	3.4
Свадебная церемония с большим количеством гостей	2,5	3.3
Заключение церковного брака совместно с гражданским	1,9	2.6
Разные свадебные ритуалы (выкуп невесты и др.)	2.0	2.6

Изучение репродуктивных установок молодежи показало неготовность большинства респондентов (как девушек (78%), так и молодых людей (57%) рожать совместного ребенка в отношениях «сожитительства». Данная установка у девушек коррелирует с суждениями «нет уверенности в будущем», «нет стабильной семьи», «ребенок будет расти в неполноценной семье». У молодых людей доминирует суждение «я не готов к ответственности за семью». Итогом оценки репродуктивного поведения молодежи в сожительстве была установка на аборт в случае незапланированной беременности среди 34% девушек и 56% молодых людей. Около 44% девушек готовы были родить ребенка при условии заключения официального брака. Гендерные отличия репродуктивных установок молодежи представлены в таблице 4.

Таблица 4. Характеристика гендерных особенностей репродуктивных установок молодежи

показатели	юноши	девушки
<i>Оптимальный протогенетический интервал (время между вступлением в брак и рождением первенца)</i>	2.4 года	1,8 лет
<i>Оптимальный интергенетический интервал (средняя длительность периода между последовательными рожденьями).</i>	4,1 год	4,6 лет
<i>Оптимальное количество детей в браке</i>	2.1	2,8
<i>Наличие установки на определенный пол ребенка</i>	62%	29%
<i>Установка на применение контрацепции</i>	99%	99%
<i>Установка на искусственное прерывание беременности</i>	87%	58%
<i>Установка на усыновление</i>	39%	53%

Изучение супружеского поведения, понимаемого как устойчивые практики взаимодействия мужа и жены для сохранения стабильности и функциональности семьи, выявило ряд факторов, с точки зрения респондентов, придающих семье устойчивость: эмоциональную удовлетворенность супругов, эффективность решения межличностных проблем, сексуальное удовлетворение, наличие детей, материальный достаток, ощущение супругами себя единым целым. Для мужчин более привлекательно традиционное ролевой распределение, женщины предпочитают эгалитарную модель ведения совместного хозяйства.

Таблица 5. Оценка молодежью факторов, способствующих стабильности семьи и брака

показатели	юноши	девушки
<i>Наличие детей</i>	3.7	3.6
<i>Сексуальное удовлетворение</i>	3.95	3.1
<i>Материальный достаток</i>	3.1	3.3
<i>Наличие совместного досуга</i>	3.1	3.3
<i>Эмоциональная удовлетворенность отношениями супругов</i>	3.9	3.9
<i>Общность хозяйственных обязанностей</i>	2.6	3.5
<i>Четкость ролевой регламентации семейных обязанностей</i>	3.4	2.8
<i>Ощущение супругами себя единым целым</i>	3.6	3.9
<i>Эффективность решения межличностных проблем</i>	3.9	3.9
<i>Профессиональная состоятельность супруга</i>	3.1	3.9
<i>Профессиональная состоятельность супруги</i>	3.4	2.3
<i>Наличие свободное времени (внесемейного времени) у супругов</i>	3.7	3.1
<i>Отсутствие контроля со стороны супруга</i>	3.8	3.5
<i>Доброжелательные отношения с родными супругов</i>	3.1	3.3

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов: в сознании молодежи семья и брак выступает в качестве значимой социальной ценности и рассматривается ими как обязательный этап их жизненных стратегий. Имеют место гендерные различия в оценках сожителства как этапа добрачного поведения. Семейно-брачное поведение в основном базируется на традиционных семейных ценностях, но в ряде случаев имеет место склонность к эгалитарной системе. Возможность удовлетворения гедонистических потребностей молодежью рассматривается как значимый фактор создания и стабильности семьи.

Использованные источники:

1. Айснер Л.Ю., Андреева Ю.В., Богдан О.В., Ерошина А.А. и др. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного Российского общества: коллективная монография / Ульяновск: изд-во «Зебра», В. 2. 2017. 286 с.
2. Малимонов И.В., Синьковская И.Г., Рахинский Д.В., Король Л.Г. Влияние экономических факторов на демографический процесс рождаемости в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(61). в 3-х ч. Ч. II. С. 114-118.
3. Синьковская, И.Г. Гендерные стратегии студенческой молодежи // Сб. научных трудов межд. н-п. конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве, транспорте 2011» Том 16. Педагогика. Психология и социология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 89-91.
4. Сорокин П. А. Из речи на собрании в Петербургском университете 22 февраля 1922 г. // Дальняя дорога. М.: Изд-во «Терра», 1992. 303 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ И ДОНЕЦКА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ

Ситнова Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры ГиСЭД Черноморского высшего военного морского училища им. П.С. Нахимова, г. Севастополь. E-mail: sitnova.irina@Gmail.com

Аннотация: в статье делается попытка сделать первичный (пилотажный) сравнительный анализ двух сообществ Севастополя и Донецка. Эти регионы вышли из юрисдикции Украины и уже четыре года находятся в поиске становления своей идентичности. Необходимость определения методологии исследования очевидна. Поэтому поиск методики для будущего сравнительного анализа этих социальных образований и является целью данного исследования.

Ключевые слова: социальная идентичность, самоидентификация, сравнительный анализ.

Регионы Донбасса и Крыма переживают перемены, иногда связанные с потрясениями и невозполнимыми утратами, сталкиваются с разными вызовами, на которые реагируют специфическим образом, формируя новые практики взаимодействия с внешним Миром, сохраняя и изменяя идентичность. Непременным и болезненным следствием трансформации сообществ двух городов, вышедших из-под влияния Украины после русской Весны 2014 года – Донецка и Севастополя, становится изменение восприятия людьми окружающей действительности и самих себя, своей идентичности.

В 2017 году было проведено пилотажное исследование жителей Севастополя и Донецка, целью которого было определиться с изменениями идентичностей этих городов в период трансформаций.

Исследование идентичности в данных регионах проходило с помощью разных методов уже апробированных в разных трансформирующихся сообществах, в Польше, Монголии, Китае. Некоторые методики были сразу отвергнуты респондентами, вызвали их не понимание. В ситуации военных действий, было важно сформировать логику исследования.

В итоге инструментарием исследования стала методология В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой, которую они использовали в сравнительном исследовании «Россияне и поляки о своём самочувствии в условиях общественных перемен» в 2000 годах. Для целей нашего исследования мы использовали идею «сортировки карточек», которую заимствовали из этого сравнительного исследования поляков и россиян. По аналогии с методикой В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой, автор данного исследования вводит двенадцать критериев идентичности, наиболее важными из которых, можно назвать такие как, стратификационные критерии (бедный или обеспеченный); классовые критерии (предприниматель, рабочий, крестьянин, представитель интеллигенции); этнические критерии (русский/украинец, представитель своей национальности); этно-культурные критерии («приверженец русской национальной идеи»); политические критерии (сторонник политической партии, член политической организации, сторонник «сильной руки»); индивидуальные критерии

(«хозяин своей судьбы», «такой же, как все», «тот, кто принимает судьбу такой, какая она есть», «человек с будущим», «человек без будущего») и др. Все критерии были определены на карточках, которые и предлагалось респондентам проанжировать по степени важности. Выбор каждой карточки фиксировал приоритет, лежащий в основе социальной идентичности. Таким образом, для каждого респондента формировался конкретный набор релевантных ему социальных определений, формирующих Я-идентификацию. Психологический отбор карточек, таким образом, связан с *когнитивными структурами психики человека, интерприоризированных в различные представления о себе, а значит составляющие идентичность.*

Краткие выводы исследования:

Представления Дончан о своей общности более размыты и неопределенны, при этом основным мотивом солидаризации стал поиск опоры в любых общностях. В Донецке растёт число людей ориентированных на взаимную ответственность, на принятие активной гражданской позиции, ориентированных на собственные силы, определяющие свою идентичность как «хозяин своей судьбы». Дончане решают свои проблемы сами, они чаще, чем крымчане считают, что их благополучие зависит только от них самих. В условиях войны, Дончане оставляют за государством роль принятия решения, при этом они не чувствуют собственной причастности к проводимым мерам и ответственности за их воплощение. Отчуждение от государства привело к автономизации приватной сферы. Адаптация дончан к условиям экстремальным, военным, привели к тому, что дружественные и семейные отношения стали единственным надёжным ресурсом для выживания в условиях военных действий.

Крымчане чаще, чем дончане ориентируются на поддержку других. При выраженном стремлении солидаризироваться, Крымчане более пассивны, чем дончане, проявляют политическую апатию, отстранённость. Люди в Севастополе живут семьёй и работой. Молодое поколение Севастополя идентифицирует себя как «жителей своей местности», подчёркивая территориальную зависимость как «я крымчанка/крымчанин». Молодой севастополец ориентирован на личные ресурсы (молодость, здоровье, красоту), на лучшие перспективы, поскольку считает себя «человеком с будущим», высоко оценивает свою профессиональную состоятельность как «представителя своей профессии», «хозяина своей судьбы», славянина, европейца.

В обоих социальных образованиях имеет место маргинализация старых ценностей. Часто в субъектных оценках наблюдаются агрессивные реакции на вопросы, связанные с «выигравшими» и «проигрывающими». Различия дончан и севастопольцев, их разная эмоциональная реакция на вопросы личной значимости, проявляется в портретных характеристиках и оценках части населения, которая **«выиграла от изменений»** после Русской Весны 2014 года. Жители Донецка реагируют непонимающе агрессивно на вопросы «успешности и неспешности» людей, «поскольку в условиях войны выигрывают только политики». Жители Севастополя констатируют резкое усиление давление на малый бизнес, резкое

падение в доходах в этой сфере экономической жизни, дифференциацию неравенства в доходах в разных сферах жизни.

В обоих образованиях произошла дифференциация «культурного» и «политического» капитала. Так для Севастопольцев характерна опора на политический капитал. Респонденты Севастополя демонстрируют готовность к взаимной ответственности в принятии активной гражданской позиции, на первый план выходят **политические ценности гражданства** (гражданин России, гражданин Великой Державы, славянин, приверженец российской национальной идеи, представитель интеллигенции, россиянин, сторонник жёсткого порядка в стране, тот, кто принимает судьбу, какая бы она не была, гражданин страны, которая перестала быть Великой Державой, но считают что в современной ситуации от них уже ничего не зависит).

Опора на культурный капитал, стала более характерна для жителей Донецка, которые констатируют открытость к восприятию культурных ценностей, не смотря на то что, по периметру города идут боевые действия. Наша коллега, проживающая на территории Донецка, констатирует факт, что «застраивание на материальных ценностях в сложившейся ситуации не минуемо влечёт к смерти», поскольку «всё нажитое за десятилетие имущество можно потерять в считанные мгновения». Поэтому дончане спокойно реагируют на материальные потери, главной ценностью в сложившейся ситуации является ценность «жизни».

Выводы:

1. Для самой России выстраивания отношений с новыми образованиями ДНР, ЛНР и Крымом, можно рассматривать как новый этап модернизации.
2. Для Севастопольцев, которые в определённом смысле завершили свой транзит, став одним из субъектов Федерации России, идея выстраивания своей идентичности является более важной, чем для дончан.
3. Базовыми универсальными опорами в обоих образованиях выступают первичные ценности семьи, основным адаптационным ресурсом становятся ближайший круг общения. Можно констатировать факт, что крымчане ощущают в большей степени социальную депривацию, тогда как дончане – акционистскую депривацию.
4. Для дончан и севастопольцев одинаково важны большие воображаемые сообщества, в виде этноса и государства.
5. Личная значимость у севастопольцев и дончан - различны, у севастопольцев завышенная самооценка по поводу собственных возможностей, они позитивно оценивают свой вклад в Русскую Весну, дончане – игнорируют личные оценки.

Использованные источники

1. Ядов А.А., Данилова Е.Н. Россияне и поляки о своём самочувствии в условиях общественных перемен// Социологические исследования № 7. сс. 54-65.
2. Ядов А.А., Данилова Е.Н. Россия и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций. (1998-2002 гг.) Монография. Издательство: Русской Христианской гуманитарной академии Санкт-Петербург 2006.

УДК 32.019.5

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА**

Ю.Г. Тамбиянц, д. филос. н., доцент

Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Рассматриваются идеологические аспекты российской региональной политики в контексте глобализационных процессов современности. Условием адекватных ответов на имеющиеся вызовы национальная консолидация, что актуализирует проблематику идеологических процессов «на местах». Автор полагает, что эффективная региональная идеология современной России должна соответствовать ряду условий: отражать «дух времени», а также отечественную цивилизационную идентичность и, в то же время, опираться на местные особенности.

Ключевые слова: идеология, регион, глобализация, классовый миф, национальный миф, цивилизационное противостояние.

Стремительная динамика современного мира предполагает увеличивающееся разнообразие вызовов внешнего и внутреннего плана. Кроме того, изменения на глобальном уровне дают некоторый шанс России восстановить утерянное несколько лет назад положение. Неслучайно в содержании последнего послания президента В. Путина ставятся цели национального прорыва [5]. Тем не менее ситуация может разрешиться как впечатляющим взлетом, так и катастрофическим падением. Вероятность второго варианта возрастает при просчетах региональной политики, что тем более актуально для России. Как показывает ряд исторических примеров, очаг регионального недовольства при умелой поддержке извне вполне может стать причиной краха целой национальной системы.

С нашей точки зрения, современное российское общество испытывает ряд вызовов, в той или иной степени связанные как с глобальными процессами, так и с внутренней ситуацией.

Во-первых, с полупериферийным статусом России в современной мир-системе прежде всего связана *социально-экономической проблематика* – «частичная» (парциальная) модернизация, отраслевой дисбаланс, углубляющееся социальное расслоение, для характеристики которого вполне уместным представляется категория социальной поляризации.

Во-вторых, учитывая множество этносов российского общества, нельзя не принимать во внимание явление *микронационализма*, заявившего о себе во второй половине двадцатого столетия и непосредственно связанного с глобализацией. В культурном плане реакцией на глобальный универсализм является реанимирование элементов культурной традиции, часто носящей этнический характер. В политическом смысле при ослаблении суверенитета национального государства создаются весьма благоприятные условия для развития различного рода

межэтнических и межнациональных конфликтов, что является обратной стороной процессов формирования «глобального гражданского общества» [4, с. 87]. Отсюда региональный сепаратизм считается явлением сопровождающим глобализацию, что далеко не всегда вызывает «мирные» последствия. По мнению М.Портера, в условиях глобализации именно регион становится ключевой единицей [Цит по: 2].

В-третьих, в последние годы усиливается *цивилизационное противостояние* между Западом и Россией, на которое обращали внимание еще 15-20 лет назад такие теоретики как З. Бжезинский, А.Уткин, М. Делягин. [1, с. 335-343] На наш взгляд, данное цивилизационное противостояние приобретает идеологический смысл, что иллюстрируется исследованиями политического сознания. Дифференциация респондентов на «западников» и «антизападников» выявляется куда четче, чем на сторонников либерализма, консерватизма и социализма. [6, с. 206].

Условием выработки адекватных ответов на вызовы современные является обеспечение национального (общественного) единства России, что справедливо подчеркивается в президентских посланиях. В этом плане трудно переоценить роль цивилизационной идеологии, которая не может не варьироваться применительно к тому или иному российскому региону. Но при этом, с нашей точки зрения, национальные идеологические процессы определяются двумя главными субъектами – государством и обществом, взаимодействие между которыми может иметь различные варианты. В то же время, иррациональная природа идеологии предполагает мифологическую составляющую, во многом предопределяющую практически- мобилизационную ее функцию. Формирование идеологии происходит при той или иной степени воздействия классового мифа и национального мифа. Классовый миф в основном исходит из чаяний социальной справедливости и во многом «привязан» к социально-экономической проблематике. Национальный миф более укоренен в исторической и культурной традиции, хотя и варьирует свои формы в зависимости от ситуационных условий. Между обоими мифами часто возникают противоречия, хотя отнюдь не исключены союзные отношения, что часто проявляется во внешнеполитических вопросах. В условиях капитализма вполне естественно актуализация классового сознания, что в общем и целом способствует дезинтеграционным тенденциям, которым пытается противостоять национальная мифология.

Целостности государственного национального сознания может угрожать региональный сепаратизм, для которого в России существуют ряд условий. Во-первых, это очень значительные диспропорции социально-экономического развития регионов, что порождает культурные и политико-экономические следствия. Например, Краснодарский край является благополучным регионом, что предполагает относительно высокий уровень жизни населения с одной стороны. Однако его густозаселенность, интенсивный уровень отношений обмена, а также ряд иных факторов породил здесь особый культурно-антропологический тип, который у жителей других регионов получил пренебрежительную характеристику «кубаноида». Кроме того, удачная география края (морское побережье, субтропики) дает повод для экспансии бизнесменов из Москвы, Санкт-Петербурга, вызывающей

недовольство краевых жителей, что мало способствует интеграционным настроениям.

Во-вторых, множество этносов, населяющих Россию. Следует сказать, что отечественная региональная административная политика традиционно формировалась при учете этнического фактора, что имело неоднозначные последствия – в условиях СССР позволяло худо-бедно сосуществовать в рамках одной административной единицы различным этносам, однако после развала советской системы стимулировало в отдельных случаях жесткие столкновения (осетино-ингушский конфликт) или попытки регионально-этнического сепаратизма (Чечня).

В современной России объективные обстоятельства скорее усиливают точки разрыва между классовым и национальным мифами, ослабляя возможности их союза. Приходится констатировать ослабление эффекта от «крымского консенсуса», когда ряд шагов на высшем уровне вызвал одобрение большинства россиян, возродив надежды на восстановление державного имперского величия [6, с. 205]. В последние годы государственная власть воспринимается как выражающая в большей степени интересы правящих групп, чем всего общества, что демонстрируют многочисленные общественные дискуссии по поводу пенсионной реформы.

Упомянутый разрыв используется в цивилизационном противостоянии Запада и России, проходящем на идеологическом уровне. Помимо традиционных либеральных ценностей, транслируемых различного рода западными источниками (ВЕДЦ, «Дом свободы», Фонд Сороса и др.), используется давление на «болевы точки» того или иного общества, среди которых классовое расслоение, разгул коррупции и др. [4] Подобная тактика, как известно, является составной частью технологии «бархатных революций», которые в основном затронули постсоветское и постсоциалистическое пространства. Как показывают данные социологических исследований, среди россиян имеется немалая доля тех, для кого западные ценности являются преобладающими [6, с.206].

На сегодняшний момент региональная идеология России должна учитывать следующие моменты.

1) *Соответствие духу времени.* Это предполагает с одной стороны использование универсальных категорий, популярных в современном мире (свобода, демократия, права человека и пр.), но в то же время носящих отпечаток национальных особенностей (например, концепт «суверенной демократии», используемый В.Сурковым). С другой стороны, современная идеология (государственная, региональная) «обречена» на открытый характер в условиях быстро меняющихся внутренних и внешних обстоятельств.

2) *Отражение российской цивилизационной идентичности,* которая по идее должна выступать базовой составляющей российского национального сознания. Здесь предполагаются ценности державности, патриотизма, солидарности. Еще несколько лет назад несомненной была активизация этих ценностей в условиях актуализации крымско-украинской проблематики. Однако с течением времени и под влиянием классовых противоречий, предполагается их ослабление.

3) *Основываться на конкретной региональной специфике*, предлагая собственный идейный «конек». При этом здесь возможны различные вариации глобальных и местных элементов. Например, в Белгородской области уже несколько лет декларируются и практикуются принципы устойчивого развития – концепции, разработанной западными учеными. В Краснодарском крае таким «коньком» может стать реанимирование казачьих культурных традиций, которые вполне вписываются в цивилизационную идеологию России.

Использованные источники

1. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: Эксмо, 2003 – 756 с.
2. Жирнель К.Э. Глобализация и регионализация современной экономики [Электронный ресурс]: URL: www.krc.karelia.ru/doc_download.php?id=3456&table_name.
3. Полянников Т. Л. Прокопов Г.В. Синдром цветных революций // Свободная мысль. XXI. 2005. № 6. С.148-160.
4. Полянников Т.С. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты // Политика. 2006. №3. С. 67-95.
5. Послание Президента Федеральному Собранию 2018 г. [Электронный ресурс] URL: kremlin.ru
6. Тамбиянц Ю.Г. Цивилизационная идеология на современном этапе / Духовно-нравственные основы российской идеологии на современном этапе. Краснодар: Диапазон-В, 2017 –С. 200-206.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЯН

О.В. Теняева

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования гражданской идентичности студенческой молодежи как социально-демографической группы, спецификой которой является неопределенность социального положения и завершение формирования Я-концепции в аспекте развития гражданского самознания и самоопределения.

Ключевые слова: гражданская идентичность, статус гражданской идентичности, студенческая молодежь.

Модернизация и демократизация современного российского общества предъявляет новые требования к гражданскому самоопределению молодых людей, подразумевая переход на новый уровень осознания себя как гражданина. На этом фоне одной из важнейших задач является формирование гражданской ответственности молодежи в условиях изменяющихся форм, целей и способов гражданского поведения, определение новых критериев самоидентификации с обществом, что, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию российского общества как пространства законности и порядка, патриотизма и национальной гордости.

Рассматривая процесс становления гражданской идентичности как у отдельной личности, так и уровне коллективного сознания, нельзя не отметить его взаимосвязь с состоянием общества и теми процессами, которые в нем происходят. С одной стороны, гражданское общество, являясь внешней средой управления самореализацией и самоактуализацией молодежи, представляет собой пространство личностного становления и сферы самопроявления граждан, что обеспечивает идентификацию личности в условиях процессов и изменений социальных структур, которые характерны для общества на определенном этапе его существования. С другой – социально-психологическое совершенствование личности как субъекта общественной жизни, отражающего основные векторы развития общества, способно содействовать обеспечению стабильности общества, повышению доверия к государству и власти [2].

Идентичность представляет собой социализированную часть сознания, способствующую удовлетворению основную потребность индивида – быть включенным в связи, возникающие в процессе социального взаимодействия – и отражает изменения в сознании людей, обусловленные восприятием социально-политических и экономических процессов, протекающих в стране.

Гражданская идентичность как структурный компонент социальной идентичности является результатом процесса самоотождествления субъекта с

государством, концепцией и направлением его развития во всех социокультурных измерениях, соотношения индивидом или группой себя с обществом [5]. При этом важно отметить, что более значимым является не то, к какой социальной группе объективно принадлежит человек, а то, какая группа является для него группой соотношения – с какой именно группой он себя отождествляет, историю и культуру какого сообщества он считает своими. При формировании гражданской идентичности такой группой должна выступать нация, поскольку в этом случае появляется особый смысл – готовность и стремление приносить пользу обществу, отражать ценности и побуждения проявления социальной активности. В то же время необходимо отметить, что гражданская идентичность не тождественна гражданству, а имеет личностный смысл, определяющий целостное отношение к социальному и природному миру.

С точки зрения философской антропологии, гражданская идентичность понимается как динамическая система качеств личности, которая воспринимает и позиционирует себя в качестве члена гражданского общества, активного актора как самоизменений, так и общественных преобразований, способного нести ответственность за принятые решения в отношении социально-значимых событий [4].

Оценка уровня сформированности гражданской идентичности, предполагает наличие двух уровней. Это формально-правовая принадлежность – определение себя как гражданина через атрибуцию (напр., «россияне») и национально-государственное самосознание – внутреннее осознание индивидом принадлежности к полиэтнической общности, осознание всенационального единства [1]. Некоторым исследователям эти уровни представляются как разграничение двух видов идентичности: государственной и гражданской, наполняя государственную идентичность ценностно-культурным компонентом и территориальной принадлежностью, в то время как гражданская идентичность подразумевает «осознание прав и обязанностей». Такое разделение представляется нецелесообразным, поскольку в психологическом смысле довольно сложно разделять когнитивную и эмоционально-ценностную составляющую оценки и понимания личностью понятий «гражданин» и «житель страны».

На современном этапе отмечаются трудности в формировании и развитии гражданской идентичности россиян. Основным препятствием, как это не парадоксально, являются традиции российского управления, сформировавшие у большинства населения пассивную гражданскую позицию и закрепившиеся в коллективном бессознательном россиян. В то же время изменения, которые происходят в стране: территориальных очертаний, политического устройства, этнического состава, стратификации, ценностных ориентаций – требуют переосмысления отношения к себе как к гражданам государства, переоценки своих возможностей и перспектив, наполнение социальных отношений и процессов новым смыслом [3].

Молодежь, являясь самой динамичной и мобильной социально-демографической группой, больше других готова к изменениям и развитию, более гибко реагирует на все процессы, происходящие в обществе. В то же время, среди

современной молодежи наблюдаются тенденции к ослаблению патриотических чувств, гражданская пассивность, отмечается невысокий уровень осознания идей российской государственности. Нельзя забывать, что от степени осознания молодыми людьми идеи гражданственности и патриотизма зависит социальный мир, сплоченность местного сообщества и стабильность государства.

Развитие личности представителей молодого поколения определяется их способностью интериоризировать сформированную в социуме систему отношений и ориентаций, в том числе и систему взглядов и ценностей, характеризующих активную гражданскую позицию и готовность индивида проявлять сопричастность к проблемам общества, чувство гражданского долга, толерантность, уверенность в необходимости реализации своей гражданской позиции [6].

Для исследования динамики развития гражданской идентичности была использована авторская методика (МСГИЛ: авторы Т. Беспалова, О. Теняева), которая дает возможность оценить сформированность гражданской идентичности личности (общий показатель) и выраженность включенных в нее компонентов - гражданской самоидентичности; морально-нравственных установок; социальной дистанции; субъектности. Методика включает в себя 23 пары противоположных утверждений, позволяющих оценить особенности собственной гражданской позиции респондентов. Уровень сформированности шкал определялся с помощью статистического метода стандартного отклонения (среднеквадратического отклонения – σ - сигма).

Исследование проводилось среди 108 студентов гуманитарного профиля Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина и 118 обучающихся 10-11 классов школ города Рязани. Однородность выборки обеспечивалась ее репрезентативностью.

Проведенное исследование позволяет отметить, что у школьников и у студентов наблюдаются отличия величины общего показателя гражданской идентичности личности, который указывает на наличие чувства принадлежности к гражданскому обществу, готовность к осознанному осуществлению социальной значимой деятельности, стремление отстаивать и распространять свою точку зрения, касающуюся активной жизненной позиции. Для большинства студентов (64%) характерен средний уровень сформированности гражданской идентичности. Это указывает на то, что они находятся в ситуации построения своего жизненного пути, активной оценки и понимания процессов, которые происходят в обществе, выработки собственной гражданственности. Среди школьников средний уровень характерен для меньшего количества респондентов – 38% (рис. 1).

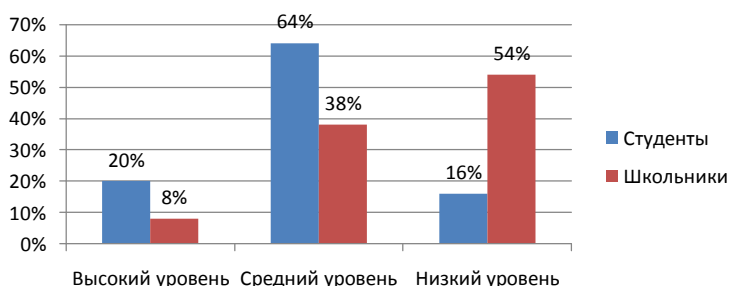

Рисунок 1. Общий уровень гражданской идентичности у студентов и школьников

Высокий уровень сформированности гражданской идентичности характерен для 20 % студентов и 8% школьников. Их характеризует уже сформированная система ценностей, определяющих активную гражданскую позицию, понимание своей ответственности перед обществом как гражданина. Позитивная гражданская идентичности придает осмысленность жизни, позволяет намечать для себя долгосрочные цели, выполняя мотивационную функцию на пути к нравственному и личностному развитию.

Низкий уровень гражданской идентичности характерен для 16% студентов и 44% школьников. Это значит, что события, которые происходят в обществе и необходимость собственной активности не подвергаются ими критической оценке и осмыслению. У них отсутствует осознание себя как значимых акторов социального взаимодействия, стремление приносить пользу людям, включаться в деятельность, результат которой может способствовать развитию сообщества, в которое они непосредственно включены, и общества в целом. Такая пассивность препятствует развитию гражданственности, формированию чувства сопричастности обществу и государству.

Результаты исследования позволяют делать вывод о том, что в период обучения как в школе, так и в высшем учебном заведении, для большинства молодежи характерна несформированная гражданская идентичность, причем некоторые из них стремятся к ее активному формированию, в то время как другие не придают этому никакого значения. Эта позиция делает период обучения благоприятным для формирования и развития гражданского самосознания молодежи, обеспечивая тем самым, благоприятные условия для развития гражданского общества в целом, поскольку формирование гражданской идентичности как организованный целенаправленный процесс может обеспечить готовность индивида к интеграции с обществом через приобщение к общим социальным ценностям и целям, которые наполняются конкретным содержанием

через социокультурный контекст и должны приобрести форму осознанной потребности индивида.

Список литературы

1. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии / Ю.В. Арутюнян // *Общественные науки и современность*. 2009. №4. С.91-97
2. Беспалова Т.М. Патриотизм и ответственность как детерминанты становления гражданской идентичности личности// *Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Т. В. Кирилловой. Рязань: Академия ФСИН России, 2018. С. 328-336.*
3. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробишева // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.*
4. Семенова Ю.А. Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире: философско-антропологический аспект: дис. ...к. философ. н.: 09.00.13. Челябинск. УГПУ, 2012 г. С.33/
5. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность современной молодежи: социокультурный анализ: на примере республики Адыгея: дис. ...канд. социолог. н.:22.00.06. – Адыг. гос. ун-т.- Майкоп, 2010. С. 10/
6. Bepalova T., Tenyaeva O. Patriotism And Civic Identity As Basis Of Professional Competence Of Military Students. Conference: 18th PCSF 2018 - Professional Culture of the Specialist of the Future. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 28-30 November 2018.P. 392-397.

УДК 316.442

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ДВУХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ О СЕЛЬСКОЙ РОССИИ²

И.В. Троцук, д.социол.н., доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

В отечественной научной и публицистической литературе сложилось несколько устойчивых дискурсивных форматов презентации своеобразной биполярности пространственно-социальной структуры российского общества, полюсами которого выступают город и село, но не как противоположные точки «сельско-городского континуума» в трактовке П.А. Сорокина [см., напр.: 13], а как обозначения разных способов социально-экономического и повседневного существования в заданном пространственно-временном контексте – и в целом, и применительно к отдельным аспектам жизнедеятельности, в частности, к предпринимательству. В статье дана краткая характеристика данных двух типов социологического дискурса с точки зрения их сходств и различий в описании нынешних российских сельских реалий и подчеркнута необходимость их продуманного сочетания в изучении новых тенденций сельского развития.

В последние годы в социологическом дискурсе оформилось две устойчивые модели концептуализации жизни сельских сообществ. Во-первых, это публикации по результатам применения отдельных качественных методов или их сочетаний (с сильной антропологической и этнографической «интонацией»), в которых в деталях воссоздается целостная картина жизни отдельных сел [см., напр.: 10]. Как правило, речь идет о кейс-стади, где сельские реалии рассматриваются через разные «призмы»: исторического прошлого, нынешних проблем, перспектив сельского сообщества с опорой на его внутренние ресурсы или внешнюю поддержку, регионального контекста социально-экономического развития (расселенческие, экологические, миграционные, институциональные и неформальные практики и пр.) и т.д. Подобные «реконструкции» прошлого и настоящего сельских поселений на основе социобиографических данных и метода «устной истории» не всегда дополняются анализом статистических сводок о численности жителей, состоянии промышленного производства, жилого фонда и транспортного сообщения, функционировании учреждений социальной инфраструктуры, инвестициях и доступности заемных средств для сельских предпринимателей и т.д. Встречаются и чисто крестьяноведческие проекты в формате «путеводителей по крестьянским производственно-экономическим и социально-культурным мирам», которые

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект №18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

игнорируют социально-статистические данные, поскольку для исследователей главное – развенчать устойчивые стереотипы о непреодолимой патриархальности, архаичности, неразвитости, отсталости и неполноценности сельской жизни [см., напр.: 1; 5].

Второй условный социологический дискурс, напротив, утверждает возможность и необходимость использования мягких методик только в контексте и на базе масштабных оценок экономических и институциональных трансформаций, полученных в ходе статистических и социологических обследований. Прежде всего, это многочисленные работы о противоречиях российского аграрного реформирования и сельского развития в прошлом и настоящем [см., напр.: 2; 6; 8]. Обычно они обязательно включают в себя общую характеристику трансформационных процессов, переживаемых российской деревней: последовательные шаги государства по встраиванию аграрной экономики в новое институциональное пространство посредством радикальных преобразований земельных, имущественных и административных отношений, «лабиринтообразность» реформ на фоне инерционности базовых социальных институтов и недостатка государственного контроля, «институциональные ловушки» – парадоксальные и устойчивые неэффективные нормы поведения, существенные региональные различия и т.д. [см., напр.: 13]. После такой общей характеристики авторы фокусируются на каком-то отдельном сюжете, например, пытаются дать точный диагноз «земельному вопросу» или «продовольственной безопасности», но в результате все равно делается вывод о непродуманном реформировании и чрезмерных «государственных упрощениях», т.е. экстремальных транзакционных издержках: «Независимо от интенций государства как тотального планирующего органа, любые попытки осчастливить всех подданных сверху с помощью некоторого единого плана или схемы действий заведомо губительны... по причине принципиальной несводимости богатства и разнообразия исторически сложившихся условий человеческого бытия к какой-либо единой схеме» [9].

Преимущество второго типа социологического дискурса в концептуализации нынешних сельских реалий состоит в фиксации характерной для российского общества многоукладности [3]. Понятия «социально-экономический уклад» и «многоукладность» позволяют избежать традиционных ограничений макро-подхода (когда сложно увидеть детали реальной жизни через призму абстрактных институциональных схем) и микро-подхода (когда поиск причин социальных проблем сводится к анализу индивидуальных жизненных траекторий и устойчивых групповых форм поведения), поскольку требуют учета географических условий, институционального контекста и ценностных ориентаций и установок разных групп, выдерживают баланс теоретического и эмпирического анализа и сочетают статистические обобщения с «голосами снизу». Например, такой подход объясняет формирование устойчивых «черных дыр» на периферии административных областей и ареалов относительно стабильного продуктивного сельского хозяйства [см., напр.: 4], дополняя и корректируя статистические данные полуформализованными интервью с представителями местных сообществ и административно-хозяйственных элит.

Несмотря на очевидные различия двух социологических дискурсов, их объединяет два постоянных сюжета. Во-первых, доминирующей оценкой действий властей всех уровней в обоих дискурсах выступает имитационность [см., напр.: 11]: местные власти, рапортуя об успешном реформировании, и местные предприниматели, претендуя на переход на капиталистический формат работы, на деле старательно поддерживают сложившийся еще в советский период «статус кво», т.е. создают не реальный институт частной собственности, не реальную потребительскую кооперацию или деятельное местное сообщество, а лишь красивый фасад такой социальной организации, маскирующий сохранение практически монопольного контроля над земельными ресурсами в руках местных элит. Местные власти имитируют выполнение требований региональных и федеральных органов, чтобы сохранить устраивающее их положение дел; руководители сельскохозяйственных предприятий, созданных на базе бывших колхозов, имитируют выполнение законов так, чтобы их отчетность устраивала все контролирующие инстанции, но реально ситуация не менялась; фермеры (главы семейных и крестьянско-фермерских хозяйств) имитируют следование всем правилам, на деле изобретая все новые неформальные способы обхода препон для социально-экономического выживания в условиях неустойчивой и непредсказуемой жизни [см., напр.: 7].

Другой устойчивый сюжет обоих социологических дискурсов в описании российских сельских реалий – это выбивающиеся из общей логики явления. Причем если имитационность презентуется в обоих дискурсах в пессимистически-обреченных тонах, то нехарактерные для российской действительности «кейсы», напротив, описываются с воодушевлением. Например, никто не ставит под сомнение тот факт, что общая траектория и механизмы депопуляционных процессов в сельской России сложились еще в середине XX столетия, когда волонтаристское реформирование сельскохозяйственных производств, «перекосы» в размещении объектов инфраструктуры, политика «стирания различий между городом и деревней» и пр. обусловили обезлюдение села вследствие миграции наиболее трудоспособного поколения в города, и молодежь продолжает вымываться из сел, что углубляет депрессию территорий, где остаются лишь представители родительских поколений. В последней четверти века наметились разнонаправленные процессы дифференциации, поэтому в сельской России оформились «территории роста» (увеличение или стабилизация плотности населения при небольшом сокращении или расширении сельскохозяйственных угодий и при увеличении урожайности), «территории стагнации» (уменьшение плотности населения при сокращении сельскохозяйственных угодий и стагнации урожайности) и «территории сжатия» (уменьшение плотности населения при значительном сокращении сельскохозяйственных угодий и стагнации урожайности). Тем удивительнее, что в традиционных «территориях сжатия», в Нечерноземье, наметилась позитивная тенденция: успешные сельхозпредприятия и крестьянско-фермерские хозяйства, созданные еще в 1990-е годы, переходят в руки поколения детей их руководителей/основателей, и в то же время в село приходят

новые фермеры в возрасте 28-42 лет, которые восполняют поколенческий «пробел» в структуре села.

В итоге на селе постепенно складывается новый местный предпринимательский слой (пусть пока и очень небольшой). Свидетельства тому обнаруживаются даже в традиционно депрессивной зоне российского села – в Нечерноземье: в 2018 году мы провели эмпирические исследования в формате кейс-стади методом биографических интервью в Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях. Несомненно, проблемы, с которыми сталкиваются российские сельские территории, до сих пор не решены, но в селе остаются или приезжают молодые предприниматели, которые поддерживают экономику села и сохраняют местные сообщества, восстанавливая их прежнюю «нормальную» социально-демографическую структуру. А оптимальная стратегия для описания воспроизводства и обновления сельского предпринимательского слоя – это эмпирическая и аналитическая «многоукладность» методик и текстов: последние должны сочетать статистические данные, экспертные оценки, результаты массовых опросов, биографических интервью и включенных наблюдений, чтобы в контексте макропоказателей можно было «увидеть» реальных людей со всеми повседневными перипетиями их биографических траекторий.

Использованные источники:

- 1 Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009.
- 2 Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
- 3 Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы / Отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М., 2009.
- 4 Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
- 5 Скотт Дж. Бегство от государства и предотвращение государства: роль культуры и сельского хозяйства / Пер. с англ. И.В. Троцук // Крестьяноведение. 2017. Т.2. №4.
- 6 Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- 7 Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М., 2010.
- 8 Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- 9 Фрумкина Р. «Подчиняюсь, но не повинуюсь». Рецензия на книгу Дж. Скотта «Благими намерениями государства» [Электронный ресурс] // URL: <http://polit.ru/article/2006/08/08/skott>.
- 10 Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992-2002. М., 2005.
- 11 Allina-Pisano J. The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge University Press, 2008.
- 12 Sorokin P., Zimmerman C.C. Principles of rural-urban sociology. New York, 1929.
- 13 The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia / Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Ed.) Vol.1. Münster, 2003.

ПОРТРЕТ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМЧАН В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА В СОСТАВ РФ

С.н.с. КФ ФНИСЦ РАН, к. соц. н., Узунова О.Ю.

E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Н.с. КФ ФНИСЦ РАН, к. филос.н., Иванова Р.А.

E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Директор Фонда поддержки предпринимательства Крыма, Зеленский Д.Г.

E-mail: fond@frbk.ru

Аннотация. В статье осуществлена попытка набросать основные черты портрета национально-культурной идентичности крымчан. Для этого была осуществлена концептуализация понятия идентичности, обозначены её виды. Также был рассмотрен временной аспект в формировании национально-культурной идентичности: через призму исторической специфики зарождения крымской региональной идентичности в статье обозначены региональные черты среднестатистического жителя Крыма. В статье обозначены ключевые причины неуспешности украинской стратегии влияния на формирование национально-культурной идентичности крымчан в сравнении со стратегией российской стороны. Обозначены идентификационные приоритеты молодёжной прослойки Республики Крым как преобладающей в будущем части нынешнего общества.

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, Республика Крым, интеграция, национально-культурная сфера, идентификационные приоритеты.

Понятие идентичности личности включает в себя личностную и социальную компоненты. Под идентичностью принято понимать осознание группой своих представлений, норм, интересов и проблем [1, с.72]. Каждый человек в различной степени испытывает чувство сопричастности, лежащее в основании идентичности, к чему- либо кому-нибудь. Сегодня на фоне роста международной напряженности происходит постепенная переоценка укрепившихся ранее ценностей и генерация новых, а потому вопросы идентичности становятся ключевыми.

Идентичность варьируется в зависимости от степени идентификации и формируемой ею поведенческой системы. Согласно этим критериям можно выделить такие виды идентичности:

- полная идентичность, в рамках которой происходит практически стопроцентное самоотождествление личности с территорией, этносом, социальными институтами, наряду с такой же активной вовлеченностью в эти явления, процессы;
- частичная, положительно ориентированная идентичность, характеризующаяся средним уровнем деятельной активности относительно объекта самоидентификации;
- частичная, преимущественно нейтрально ориентированная идентичность, с пассивно позитивным алгоритмом отношений к объекту самоидентификации;

- выраженное отсутствие идентичности;
- частичная, преимущественно нейтрально ориентированная идентичность, придерживающаяся пассивно негативного алгоритма поведения по отношению к объекту самоидентификации;
- частичная, негативно ориентированная идентичность, которой свойственно поведение средней активности относительно объекта самоидентификации;
- полное отрицание идентичности, которое характеризуется почти стопроцентным признанием своей нетождественности этносу, территории, социальному институту и такой же активно негативной позицией по отношению к ним [1, с.75].

Очевидно, на формирование устойчивой социокультурной идентичности влияние оказывают в большей степени события прошлого, нежели настоящего (под его влиянием складывается скорее ситуативная идентичность) или будущего. А потому необходимо ориентироваться в процессах, связанных с идентичностью, вовремя определять угрозы в данной сфере, вырабатывать рекомендации, касающиеся сознательного и целенаправленного, государственно-ориентированного конструирования образа прошлого.

В частности, истоки зарождения крымской региональной идентичности исторически располагаются в периоде русско-турецких войн конца XVIII в. и присоединении Крыма к России. Именно в этом контексте произошло противопоставление региональной и общенациональной украинских исторических идентичностей, «украинизация памяти», которая стремилась опереться на ранние периоды истории (до 1654 г.), а оказывалась чужеродной и не закрепились.

Важным элементом российской национально-культурной и государственной идентичности, как показали события последних двух с половиной десятилетий, является крымский вопрос. Под таковым подразумевается совокупность политических, социальных, культурных, исторических и психологических проблем, связанных с государственной принадлежностью Крымского полуострова. Вхождение Крыма в состав Российской империи, неоднозначная семантическая нагрузка, сопровождавшая историю полуострова в течение XIX и первой половины XX в., сомнительная с точки зрения права, здравого смысла и эмоционального состояния населения СССР передача Крыма в состав УССР, и, наконец, распад Советского Союза, сопровождавшийся отделением Крыма от России, обусловили специфический вектор восприятия Крыма российским обществом.

Специфически региональными чертами Крыма можно назвать:

- во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. нацисты использовали для социально-политической дестабилизации СССР этнонациональную мобилизацию;
- сталинские депортации и ограничения в правах большого количества людей приводили к протестной этнонациональной мобилизации как к способу стихийного противостояния тоталитарным практикам государственной власти в форме этнической солидарности;
- в период «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» вводились некоторые ограничения для части национальной интеллигенции;

- неоднократные попытки «украинизации Крыма», осуществлявшиеся в середине пятидесятых и шестидесятых годов XX века;
- в период перестройки имелись проблемы с возвращением крымских татар в Крым, обострившиеся с распадом СССР, поскольку государство, инициировавшее их возвращение в Крым, перестало существовать;
- в период независимости Украины возникли проблемы, связанные с использованием фактора крымских татар как сдерживающего русофильские настроения в Крыму и как базы международного терроризма;
- после возвращения Крыма в состав России появились проблемы, обусловленные расколом в среде публичных носителей символических ресурсов этнополитической мобилизации в контексте аспектов международной стратегии России, осуществляющей перезагрузку своего международного политического статуса [2, с. 403].

К большому сожалению, некоторые исследователи забывают о такой важнейшей составляющей самоидентификации членов общества, какой является историческая память, фундамент образа прошлого. В то же время следует согласиться с точкой зрения И.Е. Козновой [3], согласно которой существует тесная взаимосвязь между ментальными установками людей, их памятью и поведением. Ментальность – это непрерывный опыт социума, проявляющийся как цепь опытов поколений. Ментальность как память передается в виде психических, логических, лингвистических и других образов и структур, а также в виде текстов. Ментальные установки людей определяют характер и особенности исторического процесса.

Не последнюю роль особенности менталитета играют в формировании так называемой «региональной идентичности». Под региональной идентичностью понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [4]. Понятие Родины связывается сегодня преимущественно с так называемой «малой Родиной» или «малым социумом».

Для части крымчан именно региональный фактор по влиянию на специфику идентичности оказывается одним из ключевых. Наряду с этнической и национальной идентичностью региональная принадлежность может выступать в качестве стойкой составляющей идентичности.

Возвращение Крыма в состав России породило комплекс исторических событий глобального масштаба. События весны 2014 вызвали геополитические сдвиги общемирового характера и серьезнейшим образом повлияли на мироощущение миллионов россиян, скорректировав их представления о собственной идентичности. Не меньшее значение они имели и для ментальности крымчан.

Украина более 20 лет активно целенаправленно конструировала новую историческую память на территории бывшей АРК, пытаясь если не изменить, то хотя бы откорректировать национальный код крымского населения. Почему же украинская историко-политическая легитимация оказалась неэффективной в отличие от российской политики памяти? Как минимум потому, что преподавание истории в крымских школах транслировало именно то самое региональное

историческое мировоззрение, ограждая молодёжное сознание от доминирования в нём общегосударственных тенденций украинизации.

Факторами, определившими успешность российской национально-культурной политики, были:

- наличие заведомо общепризнанных «рамки памяти» (для России подобными рамками стало наличие «базового сюжета», тогда как украинская сторона ничем подобным не обладала);

- контроль над «местами памяти», их своевременная поддержка и актуализация;

- взаимодействие между экономической, социальной и исторической политикой;

- соответствие внедряемых мифологем уже сформировавшемуся мнемоническому ландшафту и учет существующих тенденций в коллективной памяти;

- выработка эффективной системы возможных и нужных способов информационной безопасности, нейтральности проявлений информационной агрессии.

Анализируя материал таблицы, приводимой ниже, мы видим, что высшей степенью идентичности в 2006 году отличались семья, близкие, друзья, которые практически во всех регионах индексируются от + 0,69 до + 0,86. Такой тип идентичности можно назвать семейным, кровнородственным, идентичностью в разрезе малых групп и общностей.

Показатели степеней самоидентификации респондентов

Субъекты самоидентификации	АР Крым
Семья, близкие, друзья	0,85
Коллеги, товарищи по работе	0,67
Сверстники по возрасту	0,53
Люди той же национальности	0,35
Жители той же области (республики)	0,33
Жители того же города, села	0,40
Люди того же достатка	0,39
Люди той же профессии, рода занятия	0,25
Люди, близкие по политическим взглядам	0,21
Сторонники той же партии, блока	0,09
Те, которые говорят на том же языке	0,45
Сторонники вступления в НАТО	0,07
Сторонники сближения с Россией	0,72
Сторонники рыночных преобразований	0,21
Сторонники плановой экономики	0,23

Тем не менее, данные, полученные нами в процессе работы с Лабораторией Игоря Задорина («Циркон») в 2016 году [5] отличаются от данных, полученных десять лет назад, и демонстрируют новые тенденции в идентификации крымчан:

Таблица 2.

Посмотрите на этот список (карточку) и скажите, пожалуйста, кем Вы лично считаете (ощущаете) себя в первую очередь?

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Жителем своего города, района, в котором живете	23,2
Жителем своего региона (области, края)	20,4
Россиянином, гражданином России	41,6
Гражданином СНГ, Союза стран бывшего СССР	6,0
Европейцем, жителем Европы	0,4
Гражданином мира, жителем планеты Земля	5,6
Другие ответы	1,6

Исходя из полученных данных, можно заключить, что на фоне присоединения Крыма к России резко возрос процент крымчан, идентифицирующих себя в первую очередь с российским гражданством.

Об идентификатах и идентификационных приоритетах молодёжи – прослойки общества, представителям которой предстоит жить в интегрированном Крыму и поддерживать национально-культурную идентичность – можно судить из опроса крымской студенческой молодёжи. Согласно результатам опроса, доминирующее большинство респондентов интересуется историческое прошлое России, они четко выделяют значимые для них эпохи в истории России:

- 53,1% – Великая Отечественная война;
- 42,2% – Времена царствования Екатерины I и Екатерины II;
- 44,5% – Эпоха Петра I
- 35,5 % – Россия в начале XX в. ее участие в Первой мировой войне;
- 30,8% – Революция 1917 г. и гражданская война в России 1918 – 1922 гг.;
- 28,4% – Советский период 20-х-30-х гг.
- 26,1% – Киевская Русь;

На вопрос – «Что в истории России вызывает у Вас наибольший интерес», большинство (50,7%) выбрало вариант ответа: «великие люди российской истории». Другие варианты ответом расположились следующим образом:

- достижения в литературе и искусстве, в науке и технике, социально-политические – 47,4%;
- становление и развитие российского государства – 36,5%;
- экономическое развитие страны – 23,2%;
- события военной истории – 35,5% (более 50% – это молодые люди);
- развитие своего региона – 22,7%.

Следующим образом распределились источники, из которых обучающиеся получают знания об истории России:

- кинофильмы – 70,6%;

- учебники – 62,1%;
- на уроках истории – 55,9%;
- музеи и экскурсии – 51,2%;
- рассказы людей старшего поколения – 46,9%;
- телепередачи – 43,1%;
- мемуары и художественная литература – 34,1%;
- специальная историческая литература – 30,8%.

Совершенно неинтересны молодому поколению журналы и газеты –12,3%, а также радиопередачи 3,8%, что, отражает изменение информационного пространства, а именно доминирование сети Интернет.

Как выяснилось, подавляющее большинство наших респондентов беспокоит вопрос искажения истории России и Крыма в современных публикациях: около 52,6% опрошенных считают, что искажение присутствует отчасти, а около 29,9% – что искажается во многом, затруднилось ответить 14,7% опрошенных, а 2,8% не видят искажения вообще. Впрочем, когда было предложено уточнение искажаемых исторических событий и периодов, большинство оказалось не готово конкретизировать, выбирая графу «все периоды» – 50,7% или указывают – «затрудняюсь ответить».

Тем не менее, по мнению обучающейся молодежи наиболее искажаемыми периодами оказались:

- Советский период 20-х – 30-х годов –21,3 %;
- Революция 1917 г. и гражданская война в России 1918 - 1922 гг. – 19,1%;
- Великая Отечественная война – 18%
- Период перестройки и реформ 90-х гг. – 12,3%;
- Россия в начале XX века и ее участие в Первой мировой войне – 10,4%.

Более половины опрошенных – 54% считают, что Россия была и остается великой мировой державой, и лишь примерно 23,2 % склонны считать, что Россия перестала быть великой мировой державой, но может стать ею. Положительное отношение сохраняется и в оценке влияния на мировое развитие Российского государства в области культуры, науки, а главное защиты международного миропорядка.

На вопрос «Является ли возвращение Крыма исторической закономерностью?» положительно ответили 41,2% респондентов, чуть более 13,3% считают это событие исторической случайностью. 32,2% респондентов уверены, что вхождение Крыма в состав РФ – подготовленное мероприятие, вызванное возможным внешним вмешательством. Опрошенные практически единодушно отметили, что вхождение Крыма в состав Российской Федерации оказало положительное влияние на развитие страны, но не оказало значительного или отрицательного влияния на мировое развитие в целом.

В завершение анкетирования предстояло выяснить, желает ли крымская молодежь уехать из России? Ответы распределились следующим образом:

- 34,6% респондентов предпочитают жить в России даже при плохом развитии событий;
- 24,6% затрудняются ответить, то есть просто не задумывались на этот счет;

- 17,1% хотят уехать временно;
- 16,1% хотели бы, но не имеют возможности;
- 7,6 % хотят уехать навсегда из страны и собираются это сделать.

Подавляющее большинство опрошенных согласилось с высказыванием:

- «Русский народ – создатель великой культуры» – 57,3%;
- «Русский народ – освободитель» – 49,8%;
- «Русский народ – защитник народов» – 48,8%;
- «Русский народ – строитель» – 38,4%;
- «Русский народ – высоконравственный» – 27 %.

Для выяснения положения дел в области формирования региональной исторической памяти крайне важно было выяснить, знают ли наши респонденты год основания населенного пункта, в котором они проживают, и 49,8% опрошенных дали положительный ответ, но 20,4% не знают, а 29,9% знают приблизительно.

Около 89% респондентов указали, что в их семьях хранятся фотографии бабушек, дедушек, более далеких предков, так же ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки родителей и других родственников; немногие (24,6%) – предметы домашней утвари; а вот старинные вышивки, кружева и другие украшения – 35,1% опрошенных.

На вполне «цивилизационный» вопрос о культуре, представителем которой себя считает респондент, 41,7 % ответили – русской; к русской многонациональной отнесли себя 32,2%, а к советской многонациональной причислили себя 4,5% [6, с. 163-165].

Таким образом, можно коротко заключить, что национально-культурная интеграция крымчан в российское общество происходит вполне успешно. В свою очередь, присоединение Крыма кардинально изменило внутрироссийское историко-политическое пространство, дало старт процессу интеграции «народа» и «власти», а Выборы Президента Российской Федерации продемонстрировали высокую явку и единодушные выборы крымчан [7].

В принципе, в Крыму, как и в других регионах Юга России, существуют предпосылки и условия для перехода к общероссийской идентичности, которая должна конструироваться на конституционной основе, однако в результате существующих этнорегиональных отличий эти процессы будут длительными и сложными. Конечно, Россия активно ищет пути, которые позволили бы избежать коллизий. Тем не менее, универсальной формулы пока что не выработано.

На данном этапе основная задача, которую необходимо выполнить для облегчения национально-культурной интеграции крымчан в российское сообщество заключается в создании нового коммуникативного пространства. В процессе формирования нового коммуникативного пространства имеет смысл проводить слушания на различных уровнях касательно различных вопросов, в которых принимали бы участие все местные общины и национальные организации Крыма. Чем больше будет межличностных контактов между представителями различных этнических групп, тем меньшим будет потенциал этнической политической мобилизации.

Список литературы

1. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Идентичность: особенности социологического дискурса // *Caucasian Science Bridge*, 2018, 1 (2). –с.71-78
2. Хлезов А.А., Латышева Е.В., Чигрин В.А. Опыт исследования исторической памяти и национально-культурной идентичности населения Республики Крым. – Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Под редакцией А.Ю. Дворниченко. 2018. – с.401-406
3. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000 – 207 с.
4. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // *Социс*, 2005. –№ 3. – с. 13-23
5. «Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны». – Социологическая мастерская Задорина, 2016 г.
6. Хлезов А.А., Латышева Е.В., Чигрин В.А. Российская национально-культурная идентичность: опыт исследования исторической памяти молодежи Республики Крым // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки*, 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 158-169.
7. Обращение Президента Российской Федерации. – Режим доступа. URL:https://www.discred.ru/publ/obrashhenie_prezidenta_rossijskoj_federacii_18_marta_2014_goda/1-1-0-232 (дата обращения: 13.05.2019)

УДК 316.42

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ СРЕДЫ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ(2006-2019 ГГ.)**

С.В. Устинкин д.и.н., профессор, директор ПРИФ ФНИСЦ РАН, декан ФМОЭУ
НГЛУ им Н.А. Добролюбова, **Е.П. Савруцкая** д.филос.н., профессор НГЛУ
им.Н.А. Добролюбова; **Н.М. Морозова** зам.директора ПРИФ ФНИСЦ РАН, доцент
каф. Международных отношений и политологии НГЛУ им Н.А. Добролюбова,
г.Н.Новгород, Россия

Аннотация. Постоянный мониторинг состояния молодежной среды дает возможность целенаправленно корректировать содержание, формы, средства и методы государственной молодежной политики. Сохранение социально-политической стабильности российского общества, обеспечение устойчивого развития государства требуют повышения эффективности работы с молодежью, как власти на всех уровнях, так и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, ценностные ориентации молодежи, негативные тенденции в отношении к политике, рост недоверия к власти, запрос на социально-политические реформы

Коллектив ученых НГЛУ им. Н.А. Добролюбова много лет изучает ценностные ориентации учащейся молодежи: школьников, студентов средних учебных заведений и ВУЗов Нижегородской области. Замеры проводились в 2005-2006, 2011, 2014 [1], 2015, 2016 и 2018 гг. В каждом исследовании приняло участие порядка 3000 респондентов.

Полученные данные отражают сложную, противоречивую картину трансформации ценностных ориентаций обучающихся. Наряду с сохранением, безусловно, позитивных качественных характеристик молодежи России, можно констатировать наличие ряда тревожных тенденций в отношении молодежи к политикам, политическим партиям, депутатам разного уровня, власти в целом. Приведем наиболее существенные данные по отношению молодежи к политике и политикам.

Сравнительный анализ результатов исследований, проведенных в 2006, 2011, 2014 и 2015 годах, показал положительную динамику, хотя и с заметными колебаниями, качественных и количественных характеристик состояния среды учащейся молодежи [2, с.9].

В 2016 г. в настроениях молодежи происходят изменения - было зафиксировано ухудшение отношения молодежи к акторам политической системы. Несмотря на то, что процент этих изменений небольшой и колеблется в диапазоне 3% -9%, налицо формирование негативной тенденции, свидетельствующей о трансформации ценностных ориентиров.

Прежде всего, обращает на себя внимание изменение в худшую сторону по сравнению с 2015 годом оценочного отношения молодежи к партиям и чиновникам.

Так, самая высокая оценка деятельности партий среди учащейся молодежи за все десять лет проведения исследований зафиксированы в 2015 году и составила 43,5% опрошенных [2, с.9]. Однако в 2016 году положительные количественные и качественные характеристики оценки учащимися деятельности партий составили 39,0%, т.е. сократились на 4,5 %. Эта тенденция сохранилась согласно данным опроса и концу 2018 (34,2%), в целом сокращение положительных ответов по рассматриваемым показателям произошло в пределах 9,3%.

Что касается оценки «нужности» чиновников, то здесь негативный показатель по итогам опроса 2018 года увеличился на 6,5% по сравнению с данными опроса, проведенного в 2016 году. Отрицательная оценка респондентами отношения партий к мнению избирателей также изменилась в худшую сторону - если разница между показателями опросов 2015 и 2016 годов составила 4,9%, то этот показатель опроса 2018 года в сравнении с данными опроса 2016 года оказался равным 5,8% от общего числа опрошенных.

Одним из блоков в исследовании социально-политических качественных и количественных характеристик состояния среды учащейся молодежи стало изучение отношения к политическим партиям. В 2006 г. с конкретной партией соотносило себя 26,4% опрошенных (при это было 20,6% колеблющихся и 53% неопределившихся) [1, с.44-45]. Изменение этих показателей согласно данным опросов происходило неравномерно. Самый высокий положительный показатель, равный 37,5%, при 28% затруднившихся с ответом и 34,6% тех, кто в целом не смог идентифицировать себя с деятельностью какой-либо партии, оказался в 2011 году. Что касается сравнения 2014 и 2016 гг., то количество тех молодых людей, которые подобный выбор не сделали, сократилось на 7,6% при 31,2% затруднившихся с ответом. Разница между смежными 2015 и 2016 гг. по рассматриваемому вопросу оказалась небольшой. Однако уже в 2018 году в качественных и количественных характеристиках сознания молодежи произошли существенные изменения в худшую сторону. Так, количество тех респондентов, которые идентифицируют свои политические приоритеты с какой-либо партией, в 2018 году составило 27,4%, т.е. по сравнению с 2016 годом сократилось на 5,7% при увеличении на 4,1% количества тех, кто с данной позицией не согласен. При этом количество затруднившихся с ответом по сравнению с данными опроса, проведенного в 2006 году, увеличилось на 12,2%.

Особое значение играет оценка молодежи уровня своей собственной политической активности.

Современная молодежь ориентирована на осуществление демократических процессов в России. Причем реализацию демократических преобразований респонденты во многом связывают с собственной активностью (Таблица 1)

Таблица 1

Готовность молодежи к социально активной деятельности (в % по годам)

		2006	2011	2014	2015	2016	2018
Я хотел бы когда-нибудь принять участие в работе партии или политической молодежной организации	Полностью согласны	16,9	12,7	13,9	14,9	15,0	15,3
	Скорее согласны	22,0	20,8	21,6	22,3	22,5	19,2
	Затруднились ответить	18,2	26,5	19,7	21,0	22,1	22,9
	Скорее не согласны	17,2	22,4	19,8	19,8	17,8	17,5
	Не согласны	25,7	17,6	25,1	20,5	22,6	28,2

Данные, приведенные в Таблице 1 показывают, что с одной стороны российская молодежь готова к общественной, социально-политической активности (в 2011 г. – 33,5%, в 2016 г. – 37,5% [3, с.11-12], 2018 г. – 34,5%). С другой стороны, высока доля социально и политически пассивных молодых людей (в 2018 г. их доля составила 45,7%, при 22,9% респондентов, затруднившихся с ответом).

Возникает вопрос: «Как же оценивать данные показатели общественной активности молодых?». С одной стороны, потенциальная общественная активность российской молодежи является позитивным фактом, т.к. на фоне растущей политической пассивности молодежи западных стран российская молодежь готова приложить силы к осуществлению общественно значимых целей, т.е. в своих желаниях и устремлениях она имеет достаточно оснований для своей партийной и гражданской идентификации. Однако необходимо, чтобы политики повернулись лицом к молодежи, т.к. ниша позитивной политической активности молодых людей может быть заполнена наркотиками, различными деструктивными культурами, участием в различного рода профашистских, экстремистских организациях [3, с.11-12].

Молодежное сознание ориентировано на восприятие государства и сопряженных с ним политических институтов, как гаранта стабильности и порядка, что можно объяснить особенностями национальной политической культуры. Подобные количественные и качественные характеристики сознания учащихся с небольшими колебаниями сохраняются и в настоящее время, занимая первое место по шкале социальной значимости. На втором месте по данным исследования 2018 г. находится показатель защиты прав на свободное выражение своего мнения, на третьем – борьба с повышением цен; на четвертом – возможность граждан влиять на политику.

Сравнительный анализ представленных в таблице 2 результатов опроса по оценке респондентами эффективности функционирования политической и экономической систем России показывает: во-первых, если для результатов опроса 2016 года характерна, хотя и незначительная, но положительная тенденция роста количественных и качественных показателей в оценках деятельности политической и экономической систем РФ, то по результатам опроса 2018 года произошел значительный спад положительных характеристик.

Таблица 2

Оценка эффективности функционирования политической и экономической систем России, %

	Полностью согласны	Скорее согласны	Затруднились ответить	Скорее не согласны	Не согласны
Политики и госаппарат в России хорошо выполняют свои функции и не требуют существенных изменений	2006 г. - 2,9	2006 г. - 11,9	2006 г. - 19,9	2006 г. - 35,5	2006 г. - 29,8
	2011 г. - 1,9	2011 г. - 11,1	2011 г. - 24,7	2011 г. - 33,8	2011 г. - 28,5
	2014 г. - 3,3	2014 г. - 11,9	2014 г. - 28,1	2014 г. - 32,1	2014 г. - 24,6
	2015 г. - 6,1	2015 г. - 20,3	2015 г. - 34,0	2015 г. - 25,8	2015 г. - 13,1
	2016 г. - 7,1	2016 г. - 19,8	2016 г. - 31,4	2016 г. - 26,0	2016 г. - 15,7
	2018 г. - 2,8	2018 г. - 12,0	2018 г. - 28,1	2018 г. - 29,5	2018 г. - 27,6
	Экономическая система в России хорошо функционирует и не требует существенных изменений	2006 г. - 3,9	2006 г. - 9,1	2006 г. - 20,8	2006 г. - 33,0
2011 г. - 3,1		2011 г. - 11,5	2011 г. - 24,9	2011 г. - 34,9	2011 г. - 25,6
2014 г. - 2,2		2014 г. - 11,6	2014 г. - 29,7	2014 г. - 33,2	2014 г. - 23,3
2015 г. - 4,4		2015 г. - 11,7	2015 г. - 32,4	2015 г. - 30,5	2015 г. - 20,8
2016 г. - 5,0		2016 г. - 11,4	2016 г. - 29,4	2016 г. - 27,8	2016 г. - 26,4
2018 г. - 2,9		2018 г. - 8,7	2018 г. - 26,9	2018 г. - 30,2	2018 г. - 31,3

Как видим запрос на реформы по совершенствованию экономической и политической систем РФ в молодежной среде весьма значителен. Это, в случае ухудшения международной обстановки и совершения властью серьезных просчетов

в осуществлении социальной политики, нарушения принципа социальной справедливости, может спровоцировать участие молодежи в протестных акциях.

В динамике ценностного сознания молодежи сохраняются высокие показатели затруднившихся с ответом, что является в значительной степени результатом просчетов информационной политики в работе с молодежью.

Таким образом, проведенные исследования показывают, во-первых, подвижность ценностных ориентаций российской молодежи. Во-вторых, их зависимость от влияния социальных факторов, среди которых Интернет, институт семьи, образования, друзья [4, с.15-25]. В-третьих, исследования 2018 г. вскрывают негативные тенденции в изменении ценностных ориентаций учащихся, что, при воздействии ряда внешних и внутренних факторов, может привести к массовому недовольству, протестным акциям, дестабилизирующим социально-политическую ситуацию в стране. В связи с этим необходим регулярный мониторинг настроений и социально-политической активности молодежи, на основании которого необходимо повышение эффективности работы с молодежью органов власти и институтов гражданского общества.

Использованные источники:

1. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006–2014 гг.) (под общ. ред. Е.П. Савруцкой). 2014. Н. Новгород: НГЛУ; СПб: Изд-во РХГА. 232 с
2. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Бикметова Т.А., Никитин А.В. Ценностные ориентации молодежи в её отношении к системе политических институтов современной России // Власть. 2017 №.5 с.8-17;
3. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Бикметова Т.А., Никитин А.В. Ценностные ориентации молодежи в её отношении к системе политических институтов современной России // Власть. 2017 №.5 с.8-17. С.11-12
4. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Семенов Д.В. Влияние семьи и институтов образования на формирование ценностного сознания молодежи // Власть. 2018. №.9. С.15-25

УДК 316.4

**МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ МАЛЫХ ГОРОДОВ КАК ФАКТОР
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА
ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

О.Ю. Филькина, к.ист.н., доцент

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
факультет социологии и управления, г. Рязань, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема миграция молодежи из малых городов как фактор образовательной мобильности в контексте социологического подхода. Миграция молодежи из малых городов России приобретает значительные масштабы и особую социальную значимость. Особое внимание в статье уделено определению факторности миграции молодежи из малых городов Рязанской области.

Молодежь является важнейшим ресурсом развития государства в целом, и отдельных территорий в частности. Представители молодого поколения осуществляют инновационную деятельность, вносят вклад в творческий потенциал развития общества, представляют собой мощнейшую трудовую опору и выполняют важнейшую функцию воспроизводства населения.

Молодежь наиболее мобильная часть населения, которая активно участвует в миграционных перемещениях.

В российской социологической практике изучение внутренней миграции молодежи базируется преимущественно на данных выборочных опросов выпускников школ [5, с. 78], либо опросов студентов относительно совершенных ими миграций и намерений переехать [6, с. 119-120]. Современная социологическая наука испытывает необходимость детального изучения процесса внутренней миграции молодежи в контексте регионального развития внутренних миграционных процессов в целом, и из малых городов в частности.

Миграция молодежи из малых городов России может быть охарактеризована как процесс, который имеет сложную структуру и активно влияет на социальную, политическую, экономическую, демографическую и другие сферы развития российского общества.

Миграция молодежи из малых городов определяется рядом причин. Наиболее значимой причиной является возможность получения образования в региональных столицах и крупных городах. Молодые люди не в состоянии получить даже среднее профессиональное образование там, где они проживают, поэтому их переселение отчасти является вынужденным. Крупные города более приемлемы для проживания молодежи, имеют развитую социальную инфраструктуру, перспективы получения образования, возможности карьерного роста и высокого уровня заработной платы. Такое решение оказывает колоссальное влияние, как на последующую жизнь молодого человека, так и в целом на

пространственное распределение человеческого капитала. Конкуренция за лучшую молодежь становится существенным фактором развития регионов.

Как было отмечено выше, почти всегда миграция в молодом возрасте, для многих представителей молодого поколения - первая в жизни самостоятельная миграция, имеет своей целью получение образования, чаще всего, высшего образования. Поэтому при выборе направления миграции играет роль, как близость крупного города, так и наличие в нем хороших вузов, дающих требуемую специальность. В России, в отличие от некоторых других государств, вузы сконцентрированы в региональных столицах, иные города в качестве места образовательной миграции выбираются редко.

В этой связи актуализируется необходимость рассмотрения процесса миграции молодежи из малых городов как фактора образовательной мобильности. Под образовательной мобильностью понимается любое «изменение образовательного статуса либо социальным субъектом, либо социальной группой» [2, с.14]. Миграция молодежи, связанная с получением профессионального образования, является не только наиболее естественным шагом к реализации миграционных намерений, но и дает возможность изменить образовательный статус. В процессе обучения в вузе молодые люди обрывают социальными связями, имеют возможность начать поиск работы и инкорпорации на новом месте.

Немногие ~~уехали~~ из числа молодежи после обучения в крупном городе возвращаются на малую родину. Оценить масштабы возвратной миграции статистически еще сложнее, чем отток, связанный с получением высшего образования, но попытки такие предпринимаются. Статистические данные говорят о том, что на периферийных территориях, в т.ч. в малых городах возвратная миграция возмещает выезд на учебу в очень малой мере.

Возвращение в малый город после обучения в вузе для многих рассматривается как последний выход, если не реализуются иные, более амбициозные планы. Все же для большинства вчерашних школьников и их родителей переезд в крупный город - осознанный выбор, определенный этап долгосрочной жизненной стратегии.

В случае, если подобная тенденция сохранится малые города России рискуют остаться без инициативной и продвинутой части молодежи, которая стремится получить высшее образование и достойно оплачиваемую работу [1].

На сегодняшний день существует множество причин, способствующих оттоку молодых людей из малых городов России с учетом региональной специфики.

Ситуация, которая сложилась с внутренней миграцией молодежи в Рязанской области аналогична той, которая характерна для большинства регионов России.

Молодежь региона стремится переехать из малых городов и муниципальных районов в региональную столицу - город Рязань. Об этом свидетельствуют официальные данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Рязанской области статистики (Рязаньстат) [4]. Численность населения в связи с внутрирегиональной миграцией на 2018 год значительно сократилась в трех городских округах и пятнадцати муниципальных районах, при этом увеличилась численность населения в городе Рязани (на 0,1%) [4].

Важно иметь в виду, что на данный момент миграция населения является важнейшим компонентом, определяющим изменение численности населения малых городов, к числу которых в Рязанской области можно отнести следующие: г. Касимов (30243 чел.), г. Скопин (27148 чел.), г. Сасово (25177 чел.), г. Рязск (21666 чел.) г. Рыбное (18969 чел.), г. Новомичуринск (17257 чел.) [4].

Проанализировав статистические данные и локальную миграционную ситуацию, сложившуюся в малых городах, можно констатировать, что в Рязанской области наблюдается тенденция оттока молодежи из малых городов в областной центр. В большинстве своем причины носят экономический и социальный характер, проявляющийся в слаборазвитой инфраструктуре малых городов, низкой заработной плате, отсутствии возможностей получения профессионального образования.

Для составления полной и объективной картины миграции молодежи из малых городов Рязанской области было проведено социологическое исследование (2018, N=260), целью которого было проанализировать и оценить характер миграции молодежи из малых городов области. В анкетном опросе приняли участие молодые люди, проживающие в малых городах Рязанской области, в возрасте от 18 и до 23.

Говоря о причинах миграционного оттока молодёжи из малых городов, можно констатировать, что большинство молодых людей считают, что «безработица» (35,5%), «невозможность обеспечить себе достойную жизнь» (32,3%) и «отсутствие возможности получить профессиональное образование» (32,2%) – это основные причины, способствующие переезду молодежи в крупные города. Относительно планов вернуться в свой родной город после окончания вуза, абсолютное большинство респондентов (92,1%) уверены в том, что ни не вернуться на свою малую родину.

Выбор уровня профессионального образования, как правило, зависит от уровня образования родителей. Исследования показывают [3], что наличие у родителей высшего образования увеличивает вероятность того, что ребенок будет высококвалифицированным специалистом. Согласно проведенному опросу в большинстве семей (51%), где оба родителя имеют высшее образование, дети идут по их стопам. Такая же картина наблюдается в семьях, где один из родителей имеет высшее образование (42%).

Для выявления эффективных способов стабилизации миграционной ситуации в малых городах молодым людям необходимо было определиться с теми шагами, которые должны предпринять региональные и муниципальные власти в этом направлении. В качестве главных шагов были определены: «создание рабочих мест» (35,7%), «создание условий для получения профессионального образования» (35,6%), «организация досуга населения» (28,7%). Все это свидетельствует о том, что в малых городах особенно ярко выражены проблемы трудоустройства, получения образования и проведения досуга.

Вместе с тем для понимания перспектив регионального развития неоспоримо значение миграционных настроений молодежи, получившей образование в региональных вузах. Существенное влияние на послевузовскую

мобильность молодежи оказывает возможность трудоустройства после окончания обучения. Выпускники вуза всегда стоят перед выбором, либо вернуться в свой родной город, остаться в региональном центре, где они получили образование, или же переехать в другой регион. Изучение этих намерений молодого населения будет продолжено на следующем этапе исследования миграционных установок молодежи Рязанской области.

Использованные источники:

1. Аптекарь П. Дети уезжают и не возвращаются: реформа образования усилила отток молодежи из малых городов [Электронный ресурс] // Ведомости. 13 апреля 2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/04/14/637614-deti-uezzhayut> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Епихина Ю.Б. Образовательная мобильность и первое место работы // Научный результат. Социология и управление. Т.3. № 4. 2017. С. 13-28.
3. Корепина Т.А., Леонидова Г.В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2645> (дата обращения: 17.04.2019).
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Рязанской области: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://ryazan.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ryazan/ru/statistics/population/ (17.04.2019).
5. Флоринская Ю.Г., Рощина Т.Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов // Мониторинг общественного мнения. 2005. Т. 74. № 2. С. 77–87.
6. Чудиновских О.С., Денисенко М.Б. Где хотят жить выпускники российских вузов // Демоскоп Weekly. 2003. № 119–120.

УДК 321

К ВОПРОСУ ПЕРИОДА НАЗНАЧЕНИЯ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ КАК СПОСОБА УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

А.М. Флягин, младший научный сотрудник^а; аспирант^б

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия^а;
Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии,
Санкт-Петербург, Россия^б

Аннотация: автор рассматривает период назначаемости глав субъектов Российской Федерации через призму «парадигмы милитаризации». С помощью структурно-биографического анализа карьерных траекторий глав российских регионов за период с 2003 по 2013 годы автор приходит к выводам, что значимость милитаризации корпуса региональных руководителей в обозначенный период преувеличена, в данный период отсутствует устойчивый тренд на рост количества силовиков. Наиболее интересным выводом оказывается большая зависимость числа силовиков от персоны президента, нежели чем от процедуры занятия должности.

Реформа процедуры занятия должности глав субъектов Федерации, в рамках которой, в период с 2004 по 2012 годы, руководители субъектов, по сути, назначались напрямую президентом, вызвала множество споров и различных оценок среди российского и зарубежного научного сообщества. Разносторонние оценки объединяло присутствие негативных коннотаций, которые сводились к тезисам о дефедерализации и гиперцентрализации российского государства [1, с. 33–34].

На фоне данных событий по-прежнему актуальной была «парадигма милитократии» [5, р. 2] О.В. Крыштановской, согласно которой утверждалось сознательное стремление президента Путина к назначению на ключевые государственные должности людей с силовым прошлым. Данная категория людей обладала общим «военным мышлением» характеризующееся способностью чётко исполнять поставленные перед ними задачи, безоговорочно признавать авторитет вышестоящего начальства. Это было необходимо для преодоления кризиса власти и хаоса 90-х годов, которые унаследовал В.В. Путин от Б.Н. Ельцина [2, с. 289–293].

Хотя Крыштановская ни в одной из своих работ не связывает отмену выборов губернаторов с потенциальной возможностью усиления влияния силовиков в губернаторском корпусе, общий мотив её аргументов позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данная реформа могла быть использована для назначения большего количества бывших силовиков как наиболее удобных проводников политики федерального центра в регионах. Подкреплением гипотезы служит её тезис о моде на избрание губернаторов-силовиков в начале 2000-х годов [2, с. 299–300]. В добавок к этому в её работах можно найти указание на количество силовиков среди губернаторов, которое в 2002 году составило 10% от общего числа и возросло до 21% к 2008 году [3, с. 295]. Данные цифры ещё раз наталкивают на

мысль о том, что этот рост мог произойти, в том числе, и за счёт реформы 2004 года.

Для полноты картины необходимо упомянуть, что работы Крыштановской были неоднократно подвергнуты критике как с теоретико-методологической, так и с прикладной стороны. В частности, Б. Ренц усомнилась в преднамеренности построения проекта «президент-военный», а исследователи Д. и Ш. Ривера произвели рекалькуляцию данных Крыштановской по более понятной и прозрачной методике, получив меньшие количественные данные и наглядно продемонстрировав необходимость новых прикладных исследований с использованием более современных данных и прозрачной методологии. Оба вышеназванных исследователя сомневались в наличии общего «военного мышления» у представителей силовых структур. В российской политологии наиболее заметны работы А.В. Дуки и О.В. Гаман-Голутвиной, которые на собственных эмпирических данных показали, что вхождение во властные органы силовиков было далеко не самым заметным трендом, влияние которого переоценено. Но несмотря на это до сих пор можно встретить публикации, написанные в духе «парадигмы милитократии», что говорит о востребованности дальнейшего обсуждения этого вопроса [4].

Исходя из изложенных выше тезисов, автор данного исследования предпринял попытку собственного анализа источников рекрутирования глав субъектов на предмет выявления количества лиц с силовым прошлым. Основным методом исследования был выбран структурно-биографический анализ. К силовым структурам были отнесены все как ныне существующие, так и расформированные силовые структуры: МВД, КГБ, ФСБ, ФСО, ФСИН, МО, СВР, МЧС, Прокуратура, Министерство юстиции, ФССП, ФСКН, ГФС, ГУСП, ФСВНГ. При анализе учитывалось наличие соответствующего военного или ведомственного образования, а также длительность времени нахождения на силовой должности. Срочная служба как силовой опыт не учитывалась. Хронологические рамки анализа охватили период с 2003 по 2013 годы. Рассматривались биографии только вступивших в должность руководителей. Биографии и.о. глав субъектов не рассматривались. Все биографические сведения были получены из открытых источников в сети Интернет. Полученные результаты для удобства представлены в виде таблицы.

Таблица 1. Количество силовиков среди глав субъектов, %

2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
11,4	14	16,5	18,6	16,9	15,8	12	12	13,4	9,9	11,1

Анализ полученных результатов позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, количество силовиков в каждом конкретном наборе глав субъектов Федерации не демонстрирует устойчивой тенденции роста на всём протяжении периода назначения глав субъектов. Рост отмечается лишь в первые три года, достигая пика к 2006 году, а затем отмечается снижение вплоть до возврата процедуры выборов. Пик количества составил 18,6% от общего числа, что менее пятой части от общего количества. Полученные данные наталкивают на мысль о том, что если изменение процедуры и было использовано для укрепления

федеральной власти и введения на региональный уровень лояльных центру людей, то сделано это было никак не для повсеместного замещения предыдущих руководителей силовиками. Само это количество, даже в пике, хотя и заметно, но его никак нельзя назвать подавляющим, так как оно не достигает и четверти от общего количества. Подтверждается вывод Д. и Ш. Риверы в части необходимости рекалькуляции данных Крыштановской: детальный анализ показывает отсутствие устойчивого тренда роста и приведённые Крыштановской данные на 2008 год в 21% силовиков различаются с текущим исследованием на 5%. Разница невелика, но информативность исследования, проведённого автором, несколько выше, что позволяет усомниться в некоторых выводах Крыштановской.

Во-вторых, отчётливо прослеживается изменение количества силовиков не столько от изменения процедуры вступления в должность, сколько от персоны президента. Хорошо просматривается относительно высокое количество силовиков в период второго срока В.В. Путина (2004-2008 годы) и тренд к их снижению во время президентства Д.А. Медведева (2008-2012 годы). Это позволяет сделать вывод о большей значимости воли конкретного руководителя, нежели чем процедуры назначения. Вторичным продуктом является гипотеза, что данное различие может служить одним из подтверждений неоднородности политики Путина и Медведева, последний из которых демонстрировал большую либеральность курса, которая, возможно, нашла своё отражение и в назначениях региональных руководителей. Но для исчерпывающего ответа на этот вопрос необходимо проведение более подробного исследования, охватывающего все сферы карьерных траекторий руководителей российских регионов, а не только их силовой опыт.

В заключении к проведённому исследованию автор делает ряд выводов:

– критика «парадигмы милитократии» находит своё подтверждение в рамках проведённого эмпирического анализа биографий глав субъектов Федерации за обозначенный период. Наибольшее число силовиков среди региональных руководителей было достигнуто в 2006 году и составило 18,6%, что является заметным числом, но не позволяет говорить об их доминировании. Это подтверждает выводы как российских, так и зарубежных авторов о том, что значимость феномена милитаризации российской политической элиты, как минимум, преувеличена;

– реформа процедуры назначения глав субъектов не стала инструментом устойчивого внедрения лиц с силовым прошлым на посты региональных руководителей. Тенденция роста первых трёх лет сменилась спадом их количества. Это в очередной раз подтверждает спорность утверждения об опоре федерального центра на силовиков, как проводников своей политики на местах;

– наиболее заметным являются изменения количества силовиков в зависимости от персоны президента. Наибольшее совокупное количество силовиков и его рост отмечается в период президентства В.В. Путина, в то время как в период нахождения в этой же должности Д.А. Медведева наблюдается устойчивый спад. Это позволяет выдвинуть осторожную гипотезу о том, что данный показатель иллюстрирует неоднородность политической линии двух президентов и отражает

большую либеральность курса Д.А. Медведева. Однако эта гипотеза требует более подробного исследования карьерных траекторий региональных руководителей;

– данное исследование не претендует на всесторонний охват описываемой темы, но на взгляд автора в достаточной степени иллюстрирует необходимость комплексного рассмотрения причинно-следственных связей и феноменов как побудивших, так и сопровождавших период назначаемости глав субъектов Федерации. Другим аспектом является иллюстрация тех возможностей, которые предоставляет структурно-биографический метод, для анализа процессов и явлений в политической жизни страны.

Использованные источники:

- 1 Верченев Л.Н. От выборов губернаторов к назначениям: «что же будет с родиной и с нами?» (Обзор) // Политические исследования. 2007. № 2. С. 33–43.
- 2 Kryshatanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol.19. No. 4. P. 289–306.
- 3 Kryshatanovskaya O., White S. The Sovietization of Russian Politics // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25. No. 4. P. 283-309.
- 4 Soldatov A., Rochliz M. The Siloviki in Russian Politics // *The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia* / Ed. by D. Treisman. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2018. P. 87–111.
- 5 Rivera D., Rivera S. The Militarization of the Russian Elite under Putin // *Problems of Post-Communism*. Vol. 00. No. 00. 2017. P. 1–12.

КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. Чигрин, д. социологических наук, профессор

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия

Аннотация. Новейшая политическая история Крыма свидетельствует о необходимости увязки в любом исследовании проблем и перспектив полуострова макрополитических стимулов политической и экономической поддержки (воссоединение с Россией) с приземленными стимулами – проблемами и непосредственными потребностями и интересами его населения. В этом ключе рассматриваются особенности дальнейшей интеграции Крыма в экономическое, политическое и социокультурное пространство Большой России в условиях многочисленных внешних и внутренних вызовов и угроз, формируются прогнозы по ряду основных направлений работы с группами населения, влияющими на содержание и характер развития полуострова.

Ключевые слова: социальное пространство, региональная политика, санкции, социальная аномия, полиэтничный социум.

Наша конференция носит название «Тенденции развития российских регионов в условиях глобальных вызовов и угроз». Тема и цель конференции весьма актуальны, поскольку в отношении России и ее регионов ведется целенаправленная кампания дискредитации стратегии развития, направленной на консолидацию полиэтничного, поликонфессионального и поликультурного по своей природе общества. Искажается многовековая история российского государства от его первооснов до итогов Великой Отечественной войны и современного развития. По отношению к России осуществляются, под надуманными предлогами, политические и социально-экономические санкции. Прямо или косвенно атакуются устойчивое информационное пространство, иницируются попытки разрушения образовательной системы страны – от начальной школы до высшего образования. Наконец, что немаловажно, реализуются попытки раскола России по региональному вектору. Речь идет о противопоставлении центра и регионов, о раздувании языковых проблем, а, особенно, о попытках отторжения от России таких регионов, как Калининградская область и Республика Крым.

Исходя из аксиомы, в соответствии с которой социальная реальность, во всех ее проявлениях, не может рассматриваться вне пространственной составляющей, трудно назвать социолога, который бы, в ключе поставленных перед ним задач, не анализировал возникновение, характерные черты, сущность, а также подвижность понятия «пространство». Однако, вследствие различия этих задач, различия сегментов социальной реальности, наконец, различия методологических подходов представителей разных социологических школ и направлений, до сих пор ведутся споры по поводу того, что есть пространство и из чего оно состоит.

Напомним, что топологическую составляющую в структуру социологии окончательно ввел французский ученый Пьер Бурдьё. «Прежде всего, социология представляет собой социальную топологию, – писал П. Бурдьё, – Так можно представить себе мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, которые конституируются через совокупность активных свойств в рассматриваемом универсуме, т.е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» [1, 17].

По утверждению П. Бурдьё, социальное пространство намного сложнее структурировано, нежели пространство физическое и предстает перед нами одновременно в совокупности своих «символических» и «физических» измерений. Отделить эти измерения одни от других можно лишь в ограниченных социальными практиками сферах жизни общества – экономической, политической, культурной. При этом одни и те же «срезы» символического пространства могут быть представлены в различных удаленных друг от друга местах пространства физического.

Возвращаясь к теме нашей конференции, следует предположить, что к решению общей проблемы мы придем быстрее, если вычленим ее региональные особенности и аспекты, найдем в них общее и особенное, что в совокупности даст возможность более осознанно концентрировать и направлять силы и средства в нужных направлениях.

Попытаемся проанализировать ситуацию в Крыму, для того, чтобы на этом примере показать проблемы и перспективы развития Крыма в условиях глобальных вызовов и угроз. При этом, нельзя не учитывать, как минимум, двух важных особенностей Крыма – этого территориально-этнического феномена.

Первая особенность состоит в том, что Крым длительное время (реально с 1954 года) находился под юрисдикцией Украины. Даже находясь в составе Советского Союза, Крым испытывал определенное давление с ее стороны. Так, первые лица Крыма были либо этническими украинцами, либо уроженцами Украины. В степные районы Крыма заселяли переселенцев с Украины. Особенно этот процесс активизировался в годы строительства Северо-Крымского канала. В результате на севере полуострова в быту (особенно в сельских районах) широко распространился своеобразный «суржик» русского и украинского языков.

Однако украинизации Крыма, о которой мечтали некоторые руководители Украины, не случилось. Этому способствовала вторая особенность полуострова – исторически сложившийся полиэтничный социум, характерной чертой которого стала *невыраженность титульной этнической составляющей*.

Крым характеризовался целым рядом отличий, которые выделяли его из общей картины по Украине. Речь идет, в частности, о его геополитически важном расположении, свободном выходе к морю, обеспечивающем прямую связь практически со всеми странами мира, одновременном статусе мировой курортной зоны и одной из мощных военных баз России, сложном этническом составе и т.п. По большому счету, эти «векторы своеобразия» можно свести к следующему:

Во-первых, Крым вошел в состав Украины, по историческим меркам, сравнительно недавно, и почти четверть населения Республики помнит его особый статус при СССР.

Во-вторых, Крым относился к числу миграционно-активных регионов не только в масштабах Украины, но и в мировых масштабах. Процессы депортации ряда этносов Крыма и их возвращения на родную землю, скрытые процессы заселения Степного Крыма выходцами из других регионов Украины, стремление военных дослужить в Крыму и остаться здесь – все это повлияло на динамику этнического состава населения Крыма.

В-третьих, территории Крыма существенно различаются по целому ряду признаков – людности, демографической и этнической структуре, характеру занятости населения, включая «сезонную безработицу», природно-климатическим условиям, степени урбанизации и т.п.

Среди перечисленных различий (этот перечень можно было бы продолжить), мы выделяем признаки, на основании которых можно было бы эти различия сгруппировать.

Уже в конце 90-х годов социологами центра «Социо» фиксировались факты убежденности населения в региональной исключительности Крыма.

Образ «всесоюзной» здравницы и житницы, и, одновременно, образ «особого полиэтнического социума» стал к этому времени «фишкой» самоидентификации значительной части крымчан. При этом акцент делался на противоречия между регионами и центром, районами Крыма и Симферополем, что неоднократно фиксировалось социологами.

Особенно актуальной, как мы видим, уже в начале двухтысячных годов стала проблема взаимоотношений регионов Украины, в частности Крыма, и столицы, которая, как мы тогда предполагали, может стать предвестником политического кризиса власти. Это полностью подтвердили события 2013-2014 гг., начавшиеся в Киеве и не нашедшие поддержки ряда регионов Украины. Подтвердило это и воссоединение Крыма с Россией.

Другой проблемой социально-экономического плана, также влияющей на характер и содержание цивилизационного процесса, стала проблема несбалансированности промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики. На первый взгляд, ничего криминального в этой ситуации нет, да и быть не может, ведь во всех развитых странах мира промышленный сектор экономики обширнее и мощнее аграрного. Однако это клише заслоняет от нас актуальную проблему, характерную для трансформирующегося общества – проблему социально-экономического неравенства города и деревни. Несбалансированность цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, катастрофическое состояние значительной части материально-технической базы сельскохозяйственного производства, развал социальной инфраструктуры села – все это не может не стимулировать процесса депопуляции села, который фиксируется учеными-аграрниками и социологами. Подобного рода ситуация была особенно характерна для степной (северной) части Крыма. Перекрытие Украиной Северо-Крымского канала существенно осложнило решение этой проблемы.

Следует также указать на группу отличий, носящих *исторический характер*.

В своем научном отчете 2005 года мы отмечали: «Нам придется, рано или поздно, столкнуться с интересами менталитетов, имеющих самые разные исторические корни – менталитета жителей западных регионов страны, сравнительно поздно попавших под пресс советской системы (кроме того, многие забывают, что советизация Западной Украины проходила и после смерти Сталина); менталитета жителей Востока и Юго-востока страны, вошедшего в СССР уже в годы гражданской войны, и в значительной мере идентифицирующего себя с россиянами и Россией; наконец, менталитета крымских татар, имеющего свои особенности»[2].

Таким образом, нельзя не отметить, что кризисные явления и процессы регионального плана не могли не проявиться в политике, которая, как известно, представляет «концентрированное выражение» всех указанных выше аспектов проблемы.

В стратегию раскола народов Крыма стал довольно активно входить этнокультурный аспект, к которому «пристегивалось» и языковое преимущество. Крымским татарам внушалось, что основным языком должен стать крымскотатарский, украинцам (в годы правления Ющенко) втолковывалось, что Крым должен жить и общаться на украинском языке, оппозиционные силы эксплуатировали проблему русского языка, на котором разговаривало и писало подавляющее большинство населения Крыма.

То же можно сказать и об идеологии «врастания в Европейский Союз».

Мы видим, что даже накатывавшиеся на полуостров безработица, потеря доходов и накоплений, обесценивание гривны не «перевесили» боязнь ухудшения отношений с Россией, которое тогда продвигалось Ющенко. Мы вправе предполагать, что политика Украины могла послужить детонатором столкновения народов Крыма на национальной и религиозной почве, если бы не произошло исторического воссоединения Крыма с Россией. К сожалению, сегодня указанные сегменты угроз населению Крыма со стороны Украины и ее западных союзников сохраняются в надежде расшатать формирующиеся основы новых отношений на полуострове. Наши исследования, проводящиеся в рамках программы Крымского филиала ФНИСЦ РАН, показывают, что эти вызовы и угрозы направлены на такие группы, как молодежь Крыма, часть людей, ранее занятых в «серой зоне» экономики Крыма, часть крымских татар и этнических украинцев, небольшую часть интеллигенции и специалистов. Такое воздействие приносит свои немногочисленные, но ядовитые плоды, поскольку общее состояние социальной аномии, сформировавшееся при Украине, еще не полностью преодолено.

К сожалению, наши противники используют тот факт, что эти особенности не учитываются отдельными представителями политикума, а также рядовыми россиянами, считающими, что Крым развивается исключительно «за счет остальных жителей России». В социальные сети вбрасываются подобные провокационные материалы, которые частично поддерживаются в комментариях.

Подводя итоги, отметим, что после исторического выбора 5 лет назад общество Крыма вступило в новый период своего развития, в рамках которого, в

силу исторических обстоятельств, сталкивается с необходимостью решения множества разноуровневых проблем и решения задач дальнейшего развития.

В частности, на уровне субъекта федерации требуется обновление институциональных практик взаимодействия различных этнических групп в контексте новой для Крыма политической и социальной модели, представленной пространством Российской Федерации как целостным уникальным цивилизационным социально-историческим образованием.

В этом направлении предстоит:

во-первых, возродить (искаженные националистической политикой киевской власти) традиционные формы совместного проживания многочисленных социальных и этнических групп республики;

во-вторых, поддержать создание новых (соответствующих специфике новейшего времени) практик совместного проживания этносов Крыма;

в-третьих, купировать и, в конечном итоге, исключить возможности возникновения межэтнических конфликтов;

в-четвертых, предотвратить любые проявления этнического и религиозного экстремизма;

в-пятых, приступить к формированию новой страницы исторической памяти крымчан, которая возродила бы связь поколений.

Задача реинтеграции социума, несколько десятилетий находившегося в составе другого государственного образования, предполагает актуализацию социальных связей в сообществе народов России, нахождение своего уникального места в братской семье исторически сложившегося «большого социума» страны. Принципом такой реинтеграции может стать принцип «Наше единство в нашем многообразии»!

Литература

1. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» - Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 17-37.

2. Региональные исследования электорального поля АР Крым: научный отчет центра НПИ «Социо», август 2005 г. ч. 2 / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая. – Мелитополь, [б.и], 2005. – 64 с.

451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ?

(рассуждения о социальном феномене книги и библиотеки в XXI веке)

Н. В. Чигрина, канд. социологических наук, доцент

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия

Аннотация. На материалах ряда социологических исследований анализируется процесс снижения интереса обучающейся молодежи к книгам на основе бумажных носителей, к посещению читальных залов библиотек, характеризуются причины и социальные последствия этого процесса. Приводятся аргументы в пользу восстановления полноценного участия библиотек вузов в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Формулируя проблему статьи, начнем с того, что, во-первых, социальная роль книги определяется местом, которое этот феномен занимает в обществе, в структуре рабочего и свободного времени разных социальных групп, наконец, его местом в системе социальной коммуникации.

Во-вторых, функции, которые выполняет книга, можно рассматривать в самых разнообразных аспектах - общекультурном, социализационном, профессиональном, сугубо коммуникативном и др.

В-третьих, именно библиотека рассматривается как специфическое пространство, предназначенное для концентрации общих и профессиональных знаний, сосредоточенных в книгах, на каких бы носителях они не были размещены.

При этом особое социальное предназначение библиотеки, особенно библиотеки учебного заведения, которое сегодня хотят уничтожить чиновники от образования, полностью выпадает из их сознания. Судя по всему, они не знают, что каждый сегмент социального пространства выполняет специфические, именно ему присущие функции, которые не может выполнить ни один другой сегмент.

Понятно, что, порой, книги потенциально могут исполнять несколько иные роли, например, роли элементов интерьера, указателей богатства или «начитанности» хозяев, части потенциального наследства и тому подобное. Библиотеку можно превратить в кафе или «зону общения». Но во всех этих случаях книга теряет свою качественную определенность как особенного социального феномена, то есть уникального явления, с помощью которого внешний социальный мир воссоздается во внутреннем мире человека, а библиотека перестает быть хранилищем знаний и специализированным местом их передачи.

Каким бы трюизмом сегодня это не выглядело, но феномен книги связан с феноменом слова, поскольку общеизвестно: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через него начало быть». [Иоанн I, 1-3].

Эта евангельская метафора отобразила представление человека о себе: без слова ее (человека) нет; слово - это жизнь, и не только человеческое, но и как

такое. Термин Слово укладывался в уста Творца, приобретая сакральное значение.

Почти так же, как неопровержимую всеобщую истину, трактует эту способность Творца Коран: «Разве тот, кто создал небеса и землю, не в состоянии создать подобные им? Да, Он - творец мудрый!» [1, с. 17].

Даже если отбросить начальную сакральную сущность Слова и Языка, понимая сказанное выше без присущей человечеству аллегоричности, следует согласиться с замечанием Л.Н. Сиднева, который отмечал, что именно в языке воплощается менталитет, экзистенция и историческая судьба народа [2, с. 140].

Но ценность любой книги, помимо очевидных раритетных особенностей, заключается в востребованности читателем. Какой бы редкой ни была книга, пускай даже в одном экземпляре, какой бы ценной, с точки зрения ее оформления, она не считалась, если она не вызывала желания ее прочитать, то и редкость, и ценность такой книги приобретают односторонний характер. Но наша практика опросов студентов, посещающих Музей редкой книги КФУ имени В.И. Вернадского, свидетельствует о том, что подавляющее большинство молодых экскурсантов хотели бы прочитать эти книги.

Безусловно, проблема сохранности таких книг представляет важнейшую задачу библиотек и книгохранилищ, но не менее важной задачей представляется наша совместная работа по воспитанию у наших студентов культуры чтения, как культуры работы с книгой.

Изучение истории книги приводит ученых, писателей, интеллектуалов к убеждению, что именно через чтение книга пробивала себе дорогу к умам, сердцам и душам людей, из атрибута избранных становясь атрибутом широких масс, формируя их ориентации, ценности, нормы жизни и поведения, а библиотека была тем волшебным фонарем, в фокусе которого как нигде формируются эти непреходящие ценности.

Автор знаменитого произведения «451 градус по Фаренгейту» Рей Бредбери так описывал процесс создания этого произведения: «Боже, какое это было прекрасное место для работы! Я постоянно бегал вверх-вниз по лестнице, чтобы достать в библиотеке нужную книгу и найти в ней какую-нибудь цитату, а потом неся вниз и вставлял её в текст. Книга написалась сама собой за девять дней, потому что сама библиотека велела мне это сделать» [3].

У обучающейся молодежи этот процесс приобретает форму социальной самоидентификации через восприятие и самостоятельную выработку ценностных и социально-профессиональных ориентаций в процессе учебы, которую следует рассматривать не только как аудиторные формы работы, но как сложный, социально-обусловленный комплекс совместной деятельности субъектов и агентов социализации. Этими агентами являются родители, преподаватели, библиотекари, а также сами студенты.

Но есть во всем этом процессе еще один безмолвный агент социализации – книга, о которой, в рамках выхолащивающей процесс обучения Болонской системы забывают многие его участники.

Совсем недавно ученые доказали, что задаваемые книгами изменения в мозгу человека не только сохраняются, но и продолжают происходить уже после того, как книга была прочитана. Ученые из университета Элмори исследовали влияние книг на мозг читателя, о чем поведала британская «The Independent» и растиражировал вездесущий интернет. Их работа показала, что влияние книги на человека сохраняется и после ее прочтения.

В эксперименте участвовала группа добровольцев, которым дали читать интересный роман. Каждый день испытуемые читали по 30 страниц книги и проходили исследования на аппарате МРТ. Ученые же фиксировали происходившие изменения.

Первые результаты не удивили исследователей. Сопереживая героям романа, добровольцы испытывали ощущения, схожие с ощущениями персонажей книги. Так они «обманывали» свой разум, активируя зоны, ответственные за выполнение тех действий, которые производили литературные герои.

Интереснее оказалась вторая часть работы, которая показала, что похожие изменения происходили в мозгу волонтеров и после того, как книга была прочитана. Ученые сравнили этот эффект с мышечной памятью.

Таким образом, они показали, что эффект от прочитанной книги может сохраняться надолго, влияя на биологическую активность мозга человека. Правда, исследователи добавляют, что наиболее важным в этом случае элементом является увлекательный сюжет книги, который сможет захватить воображение читателя.

А всегда ли преподаватели используют эти сюжеты? Всегда ли они не просто рекомендуют те или иные книги, очень часто – учебники и учебные пособия, а вместе со студентами заставляют героев тех или иных книг, в том числе и художественных, решать учебные и даже исследовательские задачи?

Думаю, не всегда, хотя студенты очень внимательно прислушиваются к мнению преподавателей. Вот данные социологических исследований, которые мы проводили в университете. Так, 74,2% студентов выбирают учебную литературу по рекомендации преподавателей, 12,5% - по каталогам библиотеки – бумажным или электронным, и лишь небольшая часть студентов обращается к другим источникам.

Правда, из таблиц двухмерных распределений ответов видно, что студенты гуманитарных специальностей на 10-12% больше прислушиваются к преподавателям, чем студенты – «естественники». Будущие педагоги активнее используют каталоги библиотеки, а студенты-управленцы достаточно часто прислушиваются к своим коллегам – однокурсникам. Но преподаватели остаются основными агентами влияния при избрании студентами профессиональной литературы.

Определенными нюансами отличается процесс выбора научной литературы, но здесь следует учитывать, что обычно научной деятельностью в вузе занимается меньшинство студентов.

Сравнивая полученные данные, мы видим, что структура агентов влияния на профессиональное (учебное и научное) чтение студентов включает в себя, в первую очередь, как преподавателей, так и библиотеку, которую студенты

рассматривают как необходимый, но неравноценный сегмент информационного пространства.

Последний вывод подтверждают студенты философского факультета, которые, со свойственным им апломбом, заявляют в «других версиях»: «В моей теме научной деятельности компетентен только я, сорри». «Ищу в Интернете». «Я не бывал в библиотеке». «Самостоятельно, без рекомендаций и библиотеки». Однако и наши исследования в КФУ, а также более ранние исследования в других вузах показывают, что роль библиотеки в данном сегменте чтения недооценивается студентами, что и подтверждают приведенные высказывания.

История свидетельствует, что сегодня мы вынуждены констатировать снижение интереса молодежи, в том числе и студенческой, к книге и чтению. Вероятно это следствие двух причин: с одной стороны, упрощенное отношение к получению полноценного образования, которое культивировали в общеобразовательных школах в годы советской власти. «Стране нужны рабочие руки» — это лозунг, в конечном итоге, превратился в общественный стереотип, который, кстати, не исчез до сегодняшнего дня.

С другой стороны, определенная девальвация роли образования в ориентациях части молодежи состоялась «благодаря» деформированной системе выпускных экзаменов в школе, когда дисциплины поделились на «егэшные» и «остальные». Речь идет, прежде всего, о тех, кто не может оплачивать репетиторов, «натаскивающих» выпускников школ по дисциплинам, выносимым на ЕГЭ.

В самой системе высшего образования растут противоречия между общим сокращением бюджета времени студенческой молодежи, сокращением аудиторного времени преподавателей, с одной стороны, и повышением требований к уровню культуры, знаний, профессиональных умений и навыков студентов, с другой.

В этих условиях именно поэтому учебно-воспитательный процесс необходимо рассматривать, в первую очередь, как процесс, который включает в себя учебу и самообучение, воспитание и самовоспитание. Используя возможности учебно-воспитательного процесса, общество должно подготовить для себя не только специалиста, но и гражданина, а каждый молодой человек через преодоление недостатка социального опыта и навыков коммуникативного характера призван стремиться добиться более высокого социального и профессионального статуса.

Понятно, что этот процесс является невозможным без системного общения между преподавателями и студентами, между самими студентами в процессе учебы, наконец, без общения студентов с учебником, пособием, дополнительной научной или справочной литературой, то есть, без организации в рамках учебно-воспитательного процесса разветвленной системы непосредственных и опосредствованных социально- и профессионально обусловленных коммуникаций.

Однако за последние десятилетия наметился целый ряд проблем, которые расшатывают наработанные схемы коммуникаций.

Так, значительная часть преподавателей профессиональных дисциплин не имеют дополнительной психолого-педагогической подготовки, которая бы позволяла делать процесс общения в системе отношений «преподаватель-студент» более доступным для последнего. По сути дела, не работает система повышения

квалификации преподавателей, которая ранее в обязательном порядке включала в себя преподавание дисциплин, обеспечивающих операционализацию специальных понятий, употребляемых в учебном процессе.

Переход к Болонской системе существенно уменьшает бюджет времени непосредственного общения преподавателя и студента. Такая форма, как самостоятельная работа студента под руководством преподавателя, в подавляющем большинстве вузов выведена из обязательной сетки учебной нагрузки. В связи с этим, наши исследования обнаружили ряд тенденций негативного плана:

- в связи с вызванным системой механического тестирования явлением, когда основная масса школьных предметов становится для учеников «не обязательной, не нужной», наметилась тенденция к снижению уровня общеобразовательной подготовки выпускников школ по «непрофильным» предметам;

- формальная «лотерея выбора вуза» нивелирует ориентированность будущих студентов не только на профессию, но и на определенные вузы и их преподавателей, за исключением ряда московских и питерских университетов

Ранее же, по нашим данным, конкретный вуз и его профессура находились в верхней части пирамиды выбора будущих студентов. Слушать лекции уважаемых преподавателей, стараться показать свои способности перед ними, общаться с учеными – было неотъемлемым сегментом учебно-воспитательного процесса.

Следует, прежде всего, понимать, что ситуация чтения в учебно-воспитательном процессе отличается вот других ситуаций коммуникативного плана, которые этот процесс создает и реализует.

Во-первых, в отличие от непосредственных вербальных коммуникаций преподавателей и студентов, где в качестве инициаторов и коммуникаторов, главным образом, выступают преподаватели, предпосылкой «включения» первой социально-коммуникативной функции чтения – «получение информации» является возникновение информационных потребностей функционального характера. К ним принадлежат потребности в информации по направлению работы будущего специалиста – научной, методической, справочной. С ними тесно связана вторая функция – возникновение потребностей культурно-мировоззренческого характера, удовлетворение которых способствует повышению общего культурно-образовательного уровня будущих специалистов, стимулирует их творческую активность.

Исследования подтверждают наши предположения о том, что феномен книги и чтения не исчезает совсем, а только варьируется по видам, а также носителям информации. Понятно, что электронные носители постоянно наращивают свое присутствие в информационном пространстве, но сегодня мы сталкиваемся с требованиями «новаторов от образования» полностью отказаться от книг, перейти от полнотекстовых документов к дайджестам, клипам, комиксам.

Не напоминает ли это сюжет книги Рэя Бредбери? Когда его спросили, имеет ли этот сюжет исторический прообраз, он ответил: ««Ну, конечно, это был Гитлер. Когда мне было пятнадцать, по его приказу на улицах Берлина сжигали книги. Позже я узнал об Александрийской библиотеке, которая сгорела 5 000 лет

назад. И это сильно меня огорчило. Я всегда занимался самообразованием, и меня испугало, что мои любимые учителя – библиотеки – могут оказаться в опасности. Если такое случилось в Александрии и Берлине, почему бы этому не повториться?»[3].

Во-вторых, для того, чтобы отличать чтение как канал получения информации в учебно-воспитательном процессе, от других каналов, следует учитывать, что «открывается» этот канал при наличии ряда взаимосвязанных признаков читателей-студентов, в частности, таких, как специальность, курс, образовательный ценз (успеваемость) и тому подобное. К ним добавляются и признаки источников чтения (коммуникации) – тип и функциональная принадлежность литературы, ее популярность, которая фиксируется через консультации и рекомендации коммуникаторов-посредников или через количество и качество запросов в библиотеках высших учебных заведений.

Наконец, в-третьих, не следует забывать и о том, что реципиенты, то есть читатели, выполняют, в той или иной мере, функции соавторов, то есть соотносят меру своего участия в чтении с характером информации и целями, с которыми к ней обращаются студенты.

Увы, роль сотрудников вузовских библиотек часто недооценивается студентами. Но, может быть, не стоит рассматривать студента только как «кривое зеркало». Библиотекарь-консультант, библиотекарь-навигатор, библиотекарь-воспитатель – вот оценка функций библиотекаря вуза. А главная его функция – показать студенту, что каждая взятая им в руки книга является поистине ценной и поистине редкой.

Использованные источники

1. Книжность как феномен культуры : материалы круглого стола. // Вопросы философии. - 1994. - № 78. - С. 17.
2. Сиднев Л. Н. Сочинения : в 2 т. / Л. Н. Сиднев. - Запорожье : Изд-во КПУ, 2009. - Т. 1: Диалог через века. – 256 с.
3. 16 удивительных фактов о книге Рэя Бредбери «451 градус по фаренгейту» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/book24/16-udivitelnyh-faktov-o-knige-reia-bredberi-451-gradus-po-farengeitu-5a79e33f3dceb7288b9499f8>.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чиркова Ю.Р., старший преподаватель

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, факультет
социологии и управления, г. Рязань, Россия

Аннотация.

В статье дается определение понятия концепции электронного правительства, рассматриваются различные взгляды на данное понятие. Так же описывается сущность данной концепции, ключевые цели и значимость вопроса для современного общества.

Ключевые слова: электронное правительство; информационная революция; информационные технологии; государственное управление.

Развитие информационных технологий выступает сегодня важнейшим фактором жизни мирового сообщества. Глобальное распространение информационных технологий изменяет современную реальность и приводит к существенным политическим, экономическим, социальным и культурным переменам в обществе.

В настоящее время современный мир чаще называют информационным, так как именно информационные технологии выполняют ключевую роль практически во всех областях жизни, особенно, если мы говорим о политике. Такие изменения еще задолго были спрогнозированы американским социологом Элвином Тоффлером, который считал, что подобные трансформации поспособствуют формированию совершенно новых представлений о мире [4, 34].

Таким образом, информационная революция, в первую очередь, кардинально изменила технологическую основу государственного управления. «По данным многочисленных исследований, прогресс информационных технологий происходит в три - шесть раз быстрее, чем совершенствования в энергетической сфере. И этот процесс улучшения носит ускоряющийся характер, что объясняется всевозрастающим спросом на новые разработки в области информационных технологий» [1, 11].

Например, «за последние 15 лет в 250 раз увеличился объем памяти обычного компьютерного диска, а скорость работы персональных компьютеров возросла в 1200 раз» [1, 11]. Подобные примеры позволяют утверждать, что информационная революция сформировала новый технологический порядок, а вместе с ним, и совершенно иную социальную действительность, которая необходима для осмысления представителями государственной власти.

Классическое представление государственного управления сводится к определенному виду человеческой практики, в пределах которой индивиды решают свои жизненные проблемы, удовлетворяют различные потребности с помощью инструментов политической власти. Информационная революция в некоторой мере расширила формы политической практики, впервые включив виртуальное

пространство. Появление сетевых информационных структур поставило перед необходимостью по-новому взглянуть на проблему государственного управления.

Традиционно степень информатизации государственных структур существенно ниже, чем в коммерческом секторе, главным образом, это касается используемых средств компьютерной техники, программного обеспечения, доступа сотрудников к интернету. Такой разрыв сохраняется и сегодня.

При этом, современная конкурентоспособная экономика требует соответствующего администрирования в государственном секторе. Модернизация государственного управления неразрывно связана с использованием новых информационных и коммуникационных технологий.

Одним из вариантов информатизации российского общества стал проект «электронного правительства», появление которого связывают с концом 1990-х годов. Основой этого проекта было создание виртуальной интерактивно-доступной формы взаимодействия государственной власти с институтами гражданского общества на базе глобальной телекоммуникационной сети Интернет. Но значительно низкий уровень информатизации нашей страны в тот период (по сравнению с Соединенными Штатами Америки и государствами Западной Европы) не позволил практически реализовать данный проект.

В настоящее время для нашего государства все также свойственно определенное информационное отставание, при этом, потребность в реформировании системы государственного и муниципального управления актуальна как никогда, особенно в условиях сокращения государственных кадров и реструктуризации государственных структур.

Непрерывно возрастает потребность в улучшении технологий и методов государственного управления. Способы, средства, подходы, механизмы советского периода для регулирования политических и социально-экономических процессов и явлений, сегодня абсолютно не отвечают современным требованиям развития и поддержания общественных отношений.

В связи с этим, поиск, выбор, анализ и разработка новых политических подходов к осуществлению государственного управления и созданию эффективной формы взаимодействия государственной власти и общества представляет важное практическое значение для нашего государства.

Понятие «электронное правительство» в нормативных документах различных международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Организация экономического сотрудничества и развития и другие, можно было встретить около 20 лет назад. В официальных документах российского правительства термин «электронное правительство» впервые прозвучал в «Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года» [3], получившей одобрение Правительства 27 сентября 2004 года.

Казалось бы, пятнадцатилетний период должен был сделать свое дело и сформировать одинаковое, верное и однозначное видение и понимание данного термина, однако же, у многих, в том числе и специалистов органов государственной власти, есть некоторые противоречия и альтернативные взгляды.

Главным образом, это связано с тем, что термин «электронное правительство» не является законодательно определенным, что приводит в ряде случаев к различным толкованиям.

Термин «электронное правительство» появился в период перехода к электронному сетевому информационному взаимодействию с гражданами и организациями. Такие изменения спровоцировали появление идеи «электронной демократии», которая предполагала и открывала широкие возможности для населения принимать непосредственное активное участие в государственном управлении. Поэтому, зачастую в определениях электронного правительства этот аспект является ключевым. И, исходя из этой точки зрения, электронное правительство, во-первых, определяется как информационное взаимодействие органов власти с гражданами и организациями с использованием информационно-коммуникационных технологий, сетевых технологий и интернета, то есть являться некой электронной формой общения населения с государством.

Вторая категория взглядов связана с определением электронного правительства как процесса предоставления государственными органами управления услуг гражданам в электронной форме. Такое понимание базируется на идее «сервисного» государства, предполагающего оказание государством услуг гражданам как формы реализации демократических принципов. В «Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года» [3] транслируется такое же понимание электронного правительства. Оно определяется как система «предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий» [3].

Третья группа определений рассматривает электронное правительство как применение информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении. В частности, Всемирный банк так рассматривает электронное правительство: «использование государственными структурами информационных технологий (таких как глобальные сети, интернет, мобильные коммуникации), которые имеют способность трансформировать отношения с гражданами, бизнесом и другими ветвями власти» [2, 19]. Существуют и другие аналогичные трактовки электронного правительства. Поэтому, если принять во внимание данную точку зрения, то, как отмечает Р. Хик из Манчестерского университета, «электронное правительство уже реализуется, по крайней мере, 50 лет, начиная с использования первого мейнфрейма в Статистическом управлении. Просто мы не называли его так 50 лет назад» [2, 20].

Идея информационного общества, которая простимулировала возникновение термина «электронное правительство», декларирует переход общества на новую стадию развития. В таком понимании информационное общество – новая форма постиндустриального общества, в котором все сферы деятельности отличаются от индустриальной стадии развития. Это понимание непосредственно накладывает на сферу управления, которая в информационном обществе приобретает новые характеристики, которые ранее не были для нее свойственны или были слабо выражены. Электронное правительство в этом

ракурсе понимается как государственное управление с применением информационно-коммуникационных технологий.

Обобщая рассмотренные подходы к пониманию сущности концепции электронного правительства и определению данного термина, можно сформулировать общее, охватывающее все черты, определение электронного правительства. Электронное правительство - это государственное управление с применением информационно-коммуникационных технологий для предоставления государственных услуг, направленное на совершенствование взаимоотношений с гражданами и организациями, между органами государственной власти, а также их внутренних процедур деятельности.

Использованные источники

1. Василенко, И.А. Политология: учебник для бакалавров / И.А. Василенко. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. – 423 с.
2. Курносков И.Н. Реализация концепции электронного правительства: новый этап // Информационное общество, 2004, вып. 6, С. 18-26.
3. Российская газета – Федеральный выпуск от 7 октября 2004 г. № 3597.
4. Тоффлер, Э. Третья волна. М., 2002. - 134 с.

XXI ВЕК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОТ ИМИТАЦИИ ОТДЕЛЬНОЙ ПОДДЕЛКИ К ИЗМЕНЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

В.В.Шалин, д.филос.н., профессор; Кубанский государственный аграрный университет
им.И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные аспекты современной действительности, указывающие на снижение уровня толерантности, доминирование технологических, имитационных подходов развития в жизнедеятельности человека. Автор подчеркивает, что современная синергетическая парадигма выстроена на том, что мир погружен в «виртуальную действительность», которая размывает реалии между словом и делом, заявлением и действием. Во многом имитационные процессы «подогреваются» или формируются масс-медиа, которые влияют на мышление и создают «заказной» социальный порядок.

Название сегодняшней статьи это продолжение темы заявленной в 2013 году на Всероссийской научно - просветительской конференции, проведенной в стенах Кубанского государственного аграрного университета.

Прошло шесть лет, что изменилось? Появилась диссертация Закировой Татьяны Валерьевны «Социальная имитация как феномен современной культуры», подтверждающая наши утверждения. Неизменным остается то, что мир погружен в «виртуальную действительность», которая размывает реалии между словом и делом, заявлением и действием. Все менее тонкая грань разделяет онтологическое и виртуализированное, как граница между явью и сном. Следует отметить, что сегодня это практически любая деятельность человека, от биологического до социального состояния. Тенденция носит общепланетарный характер.

В биологических проявлениях мы идем на поводу своих инстинктов, находимся в услужении природы, которая лишает нас возможности быть. Природное зачастую заменяет социальное и для достижения желаемого нередко проявляются чудеса изворотливости, идя на заведомую ложь либо опускаясь до подлости. Основная опасность для человечества: животные принципы построения общества. Голос разума не слышен в хаосе инстинктов. Живой пример тому - члены так называемой гуманитарной организации «Белые каски» занимались насильственным изъятием человеческих органов, в Сирии, аналогичные желания удовлетворить свои потребности ранее фиксировались в Косово.

В политической сфере доминантой становится английское выражение «highly likely», которое можно перевести на русский как «с высокой степенью вероятности» или просто «весьма вероятно». Речь идёт о событии, в котором нет стопроцентной уверенности, однако улики и признаки позволяют предположить, что так оно и было. Причем выстраивается данный подход на основе противостояния многополярного и однополярного мира.

Экономика подвержена имитационной заботой о благополучном существовании «независимых» государств, а на самом деле для них реализуется принцип «Политика – концентрированное выражение экономики». США ради собственной выгоды просто попирают экономические интересы ЕС и других субъектов мирового сообщества.

Во многом имитационные процессы «подогреваются» или формируются масс-медиа, которые влияют на мышление и создают «заказной» социальный порядок. Мне трудно судить о медийном пространстве разных стран, но российская система средств массовой информации это уникальное явление. Попробуйте проанализировать содержание передач в

Прайм-тайм- наиболее активное время просмотра телевидения и прослушивания радио в течение суток. Когда включаешь телевизор,ходишь в интернет сети, берешь для прочтения информационные издания и периодическую печать, слушаешь из динамиков редакционные послылы – понимаешь, что имитационная составляющая реализуется через систему зомбирования или манипуляции. Медийное пространство заполнили рекламой, извращением и откровенной подтасовкой реальности: «Пусть говорят», «Ты не поверишь!», «Звезды сошлись», «Мужское / Женское», «На самом деле», «Андрей Малахов. Прямой эфир», «Пусть говорят», «60 минут» и т.д. Данные передачи в буквальном смысле возвращают темные стороны души, растлевают и муссируют чужую грязь. Искусство создания навязчивых образов и манипулирования общественным сознанием достигло технологического уровня, позволяющего формировать "виртуальную реальность" в голове "массового человека". В такой "реальности" правдой является уже не само происходящее, а то, что о нем пишут, говорят и показывают средства массовой информации. Причем уже многие сознательно через данные передачи пытаются найти свой путь к «славе». Более того так называемая «элита» формирует этот путь, закладывает двойственность мировосприятия, когда публично готовы «помогать», примкнуть к меценатству на международной арене, и забывают о внутренних бедах России. (Пожар в Нотр-Дам-де-Пари).

Принцип в данном случае один следует показывать людям, о чем надо думать, что надо муссировать и незачем «зацикливаться» что есть другая область для размышлений. Как следствие наступает болезнь коллективного сознания у «элитарных слоев» и у других – общая. Различие лишь поверхностное, в атрибутике, дорогой одежде, часах машинах у одних, и в дешёвых аналогах – у других. Вот почему простого переодевания достаточно, чтобы и окружающие изменили мнение о личности, да и сам индивидуум о себе.

Вспомним Эрих Мария Ремарка. Черный Обелиск. «Почему он называет шизофрению болезнью? Разве нельзя было бы с таким же успехом считать ее особым видом душевного богатства? Разве в самом нормальном человеке не сидит с десяток личностей? И не в том ли разница только и состоит, что здоровый в себе их подавляет, а больной выпускает на свободу? И кого в данном случае считать больным?»[3]

Доминантой многих социальных сетей, публикаций, передач является коллективное следование идеям, заявленным в них, инфантильность отбрасывание интеллекта. Зачем нам наука, проще имитировать научное знание. «Золотой телец», денежный диктат превалирует во всех сферах жизнедеятельности, растворенные в мыслях о деньгах человечки в потоке скандальных новостей, даже не услышат современных Ломоносовых, и даже Сахаровых и Алферовых о них никогда не вспомнят.

Наука сегодня рассматривается как товар. Настоящая наука стоит дорого и не факт, что она окупится. Проще запустить квазинауку: проблемы астрологии, чудеса ясновидения и технологии "снятия порчи".

Более того мы полностью легли под обаяние Запада: неважно, что и как ты исследуешь, важен индекс Хирша, публикации в зарубежных изданиях. Причем за все надо платить. Современная культура науки и капиталистическая экономика идеально подходят друг к другу, потому что заняты деланием денег.

В этом подходе иллюзия правды оказывается солидной реальной правды. Превращение науки в непосредственную производительную силу происходило и продолжает происходить под воздействием радикальных изменений в самой концепции знания.

Нравственная составляющая должна по идее быть заложена в социальные институты образования. С введением рыночных отношений в эту сферу, акцентации внимания на образовательную и игнорирование воспитательной составляющей привело к определенной замене потребления «бездуховных» и «бескультурных» «знаниевых» продуктов. Введение ЕГЭ превратило учебный процесс в общеобразовательной школе в систему натаскивания,

пародию. А образовательные услуги предоставили право значительной части покупать их, исключив знаниевую мотивацию.

Социальный порядок, зачастую подменяется принятием огромного количества законов, без механизма их реализации, причем эти законы только ущемляют и ограничивают интересы народа под видом заботы о нем. Это происходит из-за несистемного подхода, а на волне популистских амбиций.

Правоохранительная система испытывает кризисные явления. Сложно в современной действительности найти Жегловых или Шерлоков Холмсов, это явление сегодня носит мировой характер.

Политическая культура обнажила раны через смыслы деятельности отдельных политиков (Чистка депутатских рядов).

Сегодня, мир «элиты» для некоторых особое состояние, многие скрываются за имитационной маской, создают свой неестественный мир, более того ненавидят тех, кто разрушает этот мир и созданный образ, причем не брезгают никакими средствами даже экстремистскими. Это большая проблема современной социальной культуры, формирования и становления социального порядка в России и в общепланетарном масштабе.

Необходима комплексная системная работа по реформированию всех социальных институтов. В условиях глобализации современного мира требуется переход к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности. Широкое распространение толерантности в обществе немыслимо без появления критической массы людей, способных к положительной адаптации в современном сложном и многообразном социуме.

Общий уровень толерантности в российском обществе постоянно снижается, и имеет тенденцию к дальнейшему падению. Хотя события последних лет показывают, что данный тезис в отношении западной цивилизации может иметь аналогичное суждение. Мы говорим о снижении уровня толерантности по «вертикальной оси» социального «устройства»: между представителями малообеспеченных и высоко-обеспеченных групп населения, руководителями и подчиненными, элитами и массами, отношениями на международной арене. Трудно считать толерантными отношения между властью и бизнесом, между самими предпринимателями. Однако здесь наблюдаются определенные сдвиги – отсутствие четких правил взаимодействия начинает все больше сказываться на эффективности деятельности, как власти, так и бизнеса. Поэтому толерантность является одним из факторов, которые способствуют преодолению различных социальных кризисов.

Рост неопределенности в российском обществе и в мире в целом резко изменил жизненную ситуацию человека, когда готовых решений нет и быть не может, и нужно находить эти решения, принимать их, нести ответственность за свой выбор. Это автоматически способствовало повышению статуса принципа толерантности, подчеркнув значимость поиска адекватных решений в диалоге с другими людьми, обществом, природой. В результате произошли изменения в понимании человеческой свободы – от проективно-конструктивного отношения к внешней среде (миру, человеку, социуму) – к такому отношению, когда каждый принимает другого таким, какой он есть.

Таким образом, толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью.

Все остальные попытки изменить мировоззрение приведут и приводят к экстремистскому толкованию действительности.

Профилактика экстремизма в современных условиях – задача как общенационального, так и международного масштаба. Она направлена на снижение напряженности и ослабление роли провоцирующих экстремизм факторов и повышение устойчивости личности к их воздействию (формирование толерантного сознания). Главную роль здесь должно играть

воспитание патриотизма и гражданственности уже на ранних стадиях развития и формирования личности. Сегодня в связи с этим требуется переосмысление некоторых аспектов исторически сложившегося опыта воспитания. Необходима также разработка соответствующих международных и общенациональных программ.

«В этом контексте процессы формирования социального порядка могут рассматриваться как процессы распада существующих иерархических социальных систем, а затем на основе самоорганизации возникновение новых упорядоченных социальных структур, организованных и взаимодействующих между собой по сетевому принципу. Однако в дальнейшем на основании возникших сетевых структур снова возникают формы социального порядка основанные на социальном расслоении и новых формах социального неравенства.

При этом на переходных стадиях сфера социальной неопределенности и риска значительно возрастает. Следует подчеркнуть, что такой распад и дальнейшая самоорганизация не является спецификой отдельных обществ, а в большей или меньшей степени соответствует глобальным цивилизационным изменениям»[2].

Подчеркнем, всеобъемлющий характер обозначенных проблем. От имитации отдельной поделки к изменению цивилизационной парадигмы.

Используемые источники:

1. Закирова Татьяна Валерьевна «Социальная имитация как феномен современной культуры» <http://www.dslib.net/soc-filosofia/socialnaja-imitacija-kak-fenomen-sovremennoj-kultury.html>;

2. Пешкова, Ольга Ивановна. «Проблема социального порядка в системе социокультурной регуляции современного общества : социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Пешкова Ольга Ивановна; - Краснодар, 2008. - 152 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004047650>

3. Ремарк Эрих Черный обелиск Эксклюзивная классика Раздел: Классическая зарубежная проза; Издательство: Издательство АСТ. Редакция: Neoclassic; Год издания: 2019. С.480.

4. <http://www.efremova.info/word/imitatsija.html>

УДК 342

ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.Ю. Шалонина, аспирантка

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» г. Таганрог, Россия

Аннотация: В статье рассматривается правовая активность личности как одна из главных условий функционирования правового государства.

Актуальность темы исследования состоит в том, что одним из главных факторов построения правового государства является активное и беспрепятственное участие граждан в социально-правовой сфере жизни общества и государства. Гражданин благодаря правовой активности является субъектом правоотношений, а также благодаря общественных отношений становится активным участником правовой жизни гражданского общества.

История становления понятия «гражданское общество» уходит в далекое прошлое, так первоначально находит свое отражение в работах Цицерона, других римлян и до древнегреческих философов, хотя в классическом употреблении гражданское общество приравнивалось к государству. Современная идея гражданского общества возникла в шотландском и континентальном просвещении конца XVIII века. Множество политических теоретиков, от Томаса Пейна до Георга Гегеля, развили понятие гражданского общества как области, параллельной государству, но отделившейся от него области, где граждане объединяются в соответствии со своими интересами и желаниями. Это новое мышление отражало меняющиеся экономические реалии: рост частной собственности, рыночную конкуренцию и буржуазию. Оно также выросло из растущего народного спроса на свободу, проявившегося в американской и французской революциях.

Термин стал архаичным в середине XIX века, когда политические философы обратили свое внимание на социальные и политические последствия промышленной революции и вернулись снова после Второй мировой войны благодаря трудам марксистского теоретика Антонио Грамши, который возродил этот термин, чтобы изобразить гражданское общество как особое ядро независимой политической деятельности, важнейшую сферу борьбы с тиранией.

Целью исследования является политико-правовой анализ правовой активности.

Указанная цель определила постановку следующих **задач** исследования:

1. Квалифицировать понятие правовой активности
2. Установить значения правовой активности
2. Выделить признаки правовой активности

Правовая активность это широкое понятие, трудно поддающееся определению, но при этом имеющее решающее значение для благосостояния

гражданского общества. Многие граждане когда их спросят что подразумевается под правовой активностью скажут, что речь идет о «отдаче чего-то», т.е. о признании того, что все зависимы друг от друга и внося позитивный вклад в направление, которое принимает общество (иначе говоря помогаем не только себе, но и другим. В демократическом обществе граждане имеют право участвовать в демократической практике и институтах демократии, что под этим подразумевается что все выражают свою активность без исключения.

В юридической литературе понятие «правовая активность» трактуется не однозначно, однако большинство ученых признает - формой правового поведения. Так С.Н. Кожевников рассматривает правовую активность граждан как «обусловленное государственно-правовой средой социально-правовое качество личности, выражающееся в способности соотносить личные, общественные и государственные интересы и проявляемое в инициативной правомерной деятельности в сфере правовых отношений» [1 с. 47]. Правовая активность М.Ф. Орзиха «универсально обусловлена объемом (содержанием) свободы личности официально признанной правом [2 с. 176]. Следует отметить, что и в определениях ученых таких как Д.А Ягофаров, Ю.Н. Оборотов, В.М. Чхиквадзе, В.П. Казимирчук есть общая черта - они рассматривают через призму разновидности социальной активности, качество личности которое находит свое выражение в активном правомерном поведении. Несмотря на некоторые различия в толковании термина «правовая активность» следовало бы рассматривать в широком смысле т.е. в роли главного элемента формирования правовой культуры гражданского общества.

Следует отметить и тот факт, что в юридических словарях данный термин разрабатывался в связи с возникшей проблемой реализации права, а также индивидуальных качеств личности которые находятся в правовой среде.

Перечень видов деятельности, которые можно было бы квалифицировать как правовую активность, был бы широким и обширным, и вместе они составили большую демократию на основе широкого участия. Они охватывают голосование и участие в выборах, преподавание и обучение, пожертвования на благие цели, переработку и заботу об окружающей среде, проведение компаний и добровольчество. Могут иметь место в профессиональном, политическом или личном контексте, а также быть международного масштаба или просто нацелены на соседство.

Одно можно сказать наверняка: правовая активность имеет решающее значение для общества на всех уровнях и по многим причинам, включая политические, социальные, культурные и индивидуальные выгоды.

Правовая активность является тем связующим звеном, которое удерживает общество вместе, потому что если бы каждый просто сосредоточился на том, чтобы работать, зарабатывать на жизнь и продвигать свои личные интересы, общество развалилось бы. Она объединяет людей разных поколений и разного происхождения, создавая солидарность, которая - по мере роста продолжительности жизни с каждым годом - становится все более важной для долгосрочного благосостояния Российского общества.

Это также одна из форм грамотности, поскольку она подразумевает осознание того, что происходит вокруг нас, приобретение знаний и понимания, с тем чтобы выносить обоснованные суждения, и наличие навыков и мужества, чтобы реагировать соответствующим образом, индивидуально или коллективно. Правовая активность воплощает в себе убеждение, что каждый человек может сделать разницу в обществе он ни жил, будь то на местном, национальном или мировом сообществе.

В настоящее время правовая активность подкрепляется рядом основополагающих ценностей, которые включают уважение верховенства права, демократии, справедливости, терпимости и открытости, а также уважение прав и свобод других граждан. Следовательно, она вносит очень важный вклад в укрепление социальной сплоченности. Однако следует не забывать тот факт, что для увеличения гражданского, культурного и политического участия иммигрантов – иначе говоря содействие их правовой активности может способствовать ускорению их интеграции. Но не только люди из разных этнических общин могут найти общее дело в правовой активности. Она помогает преодолеть разногласия и недопонимание и укрепить солидарность между богатыми и бедными, слабыми и сильными людьми из различных социальных слоев, и особенно между различными поколениями.

Правовая активность граждан включает в себя определенные признаки (таб. 1):

1. в процессе своего функционирования правовая активность должна ориентироваться на тесное взаимодействие ценностями человека и исходить от надлежащих ей субъектов
2. данные правовые действия происходят в сфере права и могут носить правомерный и противоправный характер
3. проявляется в действиях в связи с тем что сущность активности личности заключается именно в действии, а именно в активном поведении индивида
4. данная категория отражает психологическую готовность личности к взаимодействию с правом, в рамках которой у каждого гражданина должна присутствовать устойчивая убежденность в высоком назначении права
5. действия совершаются свободными гражданами

Таб. 1. Признаки правовой активности

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. 1) правовая активность очень важна в государстве и означает ответственность за свою судьбу, а также понимание того, какие права есть у личности и какую роль может занимать в гражданском обществе; использование этих прав и участие в деятельности. Очень важно быть вовлеченным в то, что считается главным для улучшения жизни общества, а также сделать мир лучшим местом для жизни. Правой активностью это ячейка которая удерживает общество вместе. Правая активность осуществляется посредством постоянных контактов, консультаций и

обмена мнениями с широким кругом интересов и организаций на всех уровнях, известных как организованное гражданское общество. В результате, граждане получают полномочия, особенно когда они решают организовать и выразить свои взгляды вместе. 2) На законодательном уровне следует создать Федеральный закон «О государственном регулировании института правовой активности граждан», в котором закрепить понятие, значение, признаки правовой активности, а также поощрения граждан.

Использованные источники:

1. Кожевников С.Н. Правовая активность граждан. Н.Новгород, 1994. С. 47.
2. Орзиха М.Ф. Личность в социалистическом правоведении // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974.С. 176.

УДК 371.13+316.477

МОЛОДЕЖЬ О СЕБЕ: КРИВОЕ ЛИ ЗЕРКАЛО?

Г.С. Широкалова, д.соц.н., профессор, с.н.с.

Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье ставится проблема социологического измерения ценностных ориентаций студенческой молодежи. Автор сопоставляет результаты опросов, полученных на основе разных методик, и приходит к выводу, что для изучения жизненных стратегий молодежи необходимо дополнять шкалы количественных исследований, ранжирующие традиционные ценности, более чуткими инструментами качественных исследований.

Ключевые слова: молодежь, студенты, учеба, дружба, любовь, ценностные ориентации, жизненные стратегии.

Девальвация ценностей поколения отцов (а тем более дедов) и формирование их новой структуры и иерархии у молодежи в трансформирующейся стране не всегда фиксируются в количественных социологических исследованиях, поскольку респонденты (большинство из которых конформисты) сознательно/бессознательно выбирают социально одобряемые варианты ответов в списке, заданном анкетером.

В результате в научной литературе преобладают достаточно оптимистические представления о нравственных характеристиках молодежи, степени патриотизма, гражданского оптимизма... В качестве примера сопоставим результаты опросов. Для студентов СПбГУ инструментарий задавал жесткую альтернативу при оценке действий Путина на Украине и в Крыму: либо он «блестящий политик, заслуживающий высокой оценки», либо «совершил грубую ошибку, за что всем придется дорого заплатить». Первый вариант ответа получил 80%. Были ли не ответившие на вопрос, автор не упоминает. Но 38% уверены, что придется «затянуть пояса» в силу сложившейся по многим причинам вокруг России ситуации [3, с. 266, 267].

Согласна ли молодежь «затягивать пояса»? По исследованию Левада-Центра декабря 2018 г. молодые респонденты в возрасте от 18 до 24 лет, в *два раза чаще показателя по выборке в целом*, заявляли о своем желании уехать за границу на постоянное место жительства: 41% против 17%, соответственно [8]. Иначе говоря, молодежь не против величия страны на международной арене, но если будет возможность уехать подальше, это сделают, т.к. пояса уже затянуты донельзя. Патриотизм повседневности – служение стране, народу без ожидания последующей благодарности – остался в прошлом [7].

В объективности количественных распределений ответов приходится сомневаться и при беседах со студентами на занятиях. Закономерен вопрос, насколько на их основе можно строить прогнозы поведения данной социальной

группы в критической для страны ситуации? Наш ответ: можно, если они учитывают результаты качественных исследований, которые ценны тем, что выявляя нюансы, дают информацию для корректировки причинно-следственных связей, «вписанных» в широкий социальный контекст.

При условии доверительных отношений занятия по социологии позволяют проводить фокус-группы, практиковать письменные эссе с целью анализа тех или иных ситуаций. В данной статье использованы оценки героя двухминутного видео «Поколение пепси выросло и всё поняло. О жизни за 2 минуты³». Приведем несколько сокращенный текст этого признания: «Представьте, если бы у вас было всего две минуты, чтобы рассказать о себе и своей жизни, искренне, без напыления красивых слов и выдуманных историй, о чем бы вы говорили?

... Я. Мне двадцать два. Я самый обычный человек, без особых талантов и достижений в чем бы то ни было.

Дружба. Каждый день я вижу и общаюсь с множеством людей, но по-настоящему назвать другом не могу ни одного человека. У меня нет друзей.

Удовольствия. Дети любят сладости. Взрослые тоже любят сладости. Но это другие сладости. Я знаю много о сладостях...

Любовь. Вы верите в любовь? В шестнадцать - семнадцать полюбить было проще, что ли... Сегодня любовь стала доступной и быстрой. Зачем напрягаться, терзать себя, если я могу получить все, что мне нужно, не прилагая особых усилий.

Учеба. Мне не нужны знания. Я учусь по принципу: встал и забыл. Все, что мне нужно – это запись в зачетке... и как итог – диплом. Ему я найду применение...

Чего я хочу? Я хочу делать только то, что нравится мне. Я хочу, чтобы меня никто не доставал. Я хочу жить достойно и в достатке.

«Фастфуд». Да. Моя жизнь – «фастфуд»: прожевал, выплюнул и забыл. Быстрая любовь, быстрые удовольствия, быстрые друзья. Это дико звучит, это вызывает привыкание. Но мне это нравится. Все. Вот и все...» [4].

Второкурсникам нескольких групп было предложено поразмышлять на тему: «Действительно ли настолько девальвировались ценности, перечисленные в фильме, в среде их знакомых». Несомненная утрированность (?) самохарактеристики вызвала у студентов разные чувства – от презрения до понимания и самоидентификации. Приведем несколько типичных ответов, не меняя стилистики, но исправив орфографию.

«В данном ролике молодой человек очень точно описывает большинство молодежи 20 века. Действительно, в наше время любовь доступна, дружба не ценится. Сейчас молодежь ничего не хочет, ни учиться, ни работать. Удовольствие молодежи - это гулянки, наркотики, алкоголь разврат. Как мне показалось, в ролике было все четко и правильно подобрано.

³ Написание слова «все» как «всё» симптоматично. Поскольку жизнь для автора «фастфуд»: выплюнул – и забыл.

Я считаю, что этим роликом хотели показать смысл жизни, и молодежь, которая не думает о жизни, задумалась о ней. И захочет ценить, любить, уважать жизнь и тех, кто в ней присутствует».

«Просмотрев ролик, мы можем проанализировать наши взгляды на жизнь, и жизнь героя ролика. Он говорит о любви, дружбе, желаниях, учебе, о самом себе. Его характеристики очень четко и ярко описывают отношение молодежи к жизни в современном мире.

Я могу сделать вывод, что парень является интровертом, он сам говорит, что никого не может назвать другом, следовательно, он увлечен собой и довериться может только себе. Здесь мы с ним не похожи, так как я могу назвать человека, и даже не одного, кого могла бы назвать другом и доверить свои тайны и проблемы.

Как бы он точно (к великому сожалению) не описал отношение к любви в наше время, я с ним не согласна, несмотря на веяние времени нужно стремиться к совершенству. К совершенству во всем, в том числе и в любви.

Учеба действительно стала не источником знаний, а лишь достижением определенных целей. Мне всегда говорили, что работать нужно на знания, а не на оценки. К сожалению, мнение главного героя точно определяет сегодняшнее отношение к обучению.

Желания. Люди разучились желать чего-то действительно ценного, мечтать по-крупному. Каждый заботится о своем благополучии и достатке.

Ролик этого молодого человека рассчитан на массы. Он заставляет задуматься: «А все ли хорошо с нашим миром. Так ли мы живем?» Я считаю, что ролик снят с болью в сердце этого парня. Он хотел бы что-то изменить. Но гнет общества, массы не так-то легко преодолеть».

«Парень очень четко определил аспекты жизни, охарактеризовав каждый. Он говорит про дружбу, что каждый день общается с друзьями, но не может этих людей назвать настоящими друзьями. Да, действительно, многие мои сверстники не дорожат отношениями. Многие согласятся с ним, что в настоящее время люди дружбу не ценят. Везет тем, у кого действительно есть настоящий друг, таких мало.

Про удовольствия он сказал, что сейчас их у людей много. Это так, ведь сейчас молодежь ищет успокоение и усталость в таких удовольствиях как сигареты, наркотики, экстрим и т.д.

Любовь он считает не настоящей в наше время. С ним нельзя не согласиться. Многие пары не дорожат отношениями, и каждый ищет любовь на стороне; так и распадаются семьи. Получается, что любви как таковой не бывает. Но стоит заметить, что, на мой взгляд, настоящая любовь бывает, просто редко.

Про учебу он сказал, что сейчас мы не получаем знания, а просто хотим «зачет». Действительно, так многие приходят в вузы не для того, чтобы учиться, а получить диплом и найти работу.

Так же он отметил, что «фастфуд» часть его жизни. Он поглотил его. Тут можно отметить, что парень рассказывает о массовой культуре, он считает, что многие люди именно так живут. Наверное, он прав».

«Он рассказывает о том, как живет сейчас молодежь. Учеба, я с ним согласна. А вот с друзьями нет, у меня мало друзей, но есть два самых важных,

самых близких. Удовольствия - их много, они вокруг, они мешают, но мне не интересны.

Любовь - он прав, но я живу по другому принципу, я люблю, и готова терзать себя этими чувствами. К фастфудам я никакого отношения не имею. Про Я - я живу без особых целей и задач в своей жизни и о многом не задумываюсь, живу сегодняшним днем, не зная, что будет завтра.

Главная задача этого ролика - заставить молодежь задуматься, как она живет, и не нужно ли им что-то поменять. Он говорит с болью, и сам не рад тому, что так живет, но не знает как изменить. Нужно меняться и менять окружающих, вот к чему он призывает».

«Для современной молодежи, для студенчества такой образ жизни является нормой. Я считаю, что эта массовая культура «короткого удовольствия» присуща большинству студентов. Молодежь не ценит такие важные вещи как любовь, дружба, семья. Но мне кажется, что такие не все. Есть маленький процент молодежи, которая по-настоящему ценит дружбу, не разбрасываясь друзьями. Остались и такие для кого учеба это не «сдал и забыл», не просто, чтобы был диплом, а то, что человек считает действительно важным для себя, нужным и ценным. К сожалению, такой молодежи остается все меньше.

Любовь люди превращают в однодневное развлечение, а всем окружающим вещам не придают особого значения. Люди превращают жизнь в пустую вещь, в получение удовольствия, не ценя ничего, что должны бы. В последнее время я замечаю, что среди моих знакомых и друзей становится все больше таких людей, которым становится на жизнь все равно. Этот ролик заставляет нас задуматься, а в этом ли счастье. Парень живет для себя, но он бы так не хотел...»

Подведем некоторые итоги. Исследователи неоднократно фиксировали общемировой тренд превращения образования в инструментальную ценность [6, с. 271]. Таковыми же становятся любовь, дружба, хотя количественные исследования по-прежнему фиксируют их значимость: 58% московских студентов отметили дружбу как «абсолютно значимую ценность», для 32,5% - «очень значимая», для 3,3% - «значимая при определенных условиях» [2]. Но признаем, что эти данные не свидетельствуют о наличии друзей и потребности в них.

О труде, семье студент даже не упоминает: они не вписываются в широкое понятие «удовольствия». Человек капсулируется в том пространстве, которое он может контролировать, а когда таких большинство начинается аномия и атомизация общества. Степень распространения социального эгоизма подтверждает опрос уральской молодежи в возрасте до 20 лет – 62% жизненной стратегией выбрали девиз «Нужно постараться взять от жизни как можно больше» против 32% «Нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, о добре и зле» [1, с. 146].

Эскиз своего поколения свидетельствует о распространенности социального пессимизма среди опрошенных студентов. Традиционно российский народ обвиняли в том, что он требует патернализма со стороны государства, но никто из студентов не упомянул о внутренней политике, которая бы создавала условия для социального оптимизма. Это, по нашему мнению, свидетельствует об

отчуждении от государства. Между тем, социокультурная взаимосвязь со своим государством и народом – одна из важнейших проблем гражданской идентичности [5, с. 248].

Использованные источники

1. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Мосеева П.С., Кеммет Е.В. Регион как пространство самореализации молодежи // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневского / [под общей редакцией Ю.Р. Вишневского; отв. за вып. Д.Ю. Нархов]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2018. С. 146 -155.
2. Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: монография / под редакцией А.А. Сазонова. – М.: Издательский дом «Наука», 2013. - 310 с.
3. Козлов А.А. Парадигмы «Россия и «Запад» в восприятии современной молодежи// Не расстанусь с молодежью, буду... С. 262 - 267.
4. «Поколение пепси выросло и фсе поняло». (Видео, 2 минуты) // http://www.nn.ru/community/gorod/main/pokolenie_pepsi_vyroslo_i_fse_ponyalo_video.html (дата обращения: 05.02.2019).
5. Теняева О.В. Гражданская идентичность как основа формирования социальной активности российской молодежи// Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). Спецвыпуск - 2. 2018. С. 248 - 253.
6. Чигрин В.А., Жупник О.Н. Тренды ценностных ориентаций крымской студенческой молодежи в отношении образования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). Спецвыпуск - 2. 2018. С. 267 - 269.
7. Широкалова Г.С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. ТОМ 10. № 3. Часть 2. С. 159 – 172.
8. Эмиграционные настроения. [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/02/04/emigratsionnye-nastroeniya-3/.04.02.2019.>

УДК 314.424.2

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ В
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД 2008-2017 ГГ.⁴**

Ю.Е. Шматова, научный сотрудник, к.э.н.
Вологодский научный центр Российской Академии наук,
г. Вологда, Россия.

Аннотация

В работе представлены результаты анализа суицидального поведения населения и душевнобольных пациентов Вологодского региона в период 2008-2017 гг. Выявлены особенности и основные негативные тенденции, группы риска. Выделены проблемы в сфере профилактики суицидального поведения и предложены направления по укреплению психического и социального здоровья населения региона, и как следствие, минимизации экономического бремени вследствие самоубийств.

Основным структурным компонентом социального здоровья является психическое здоровье. Суицидальное поведение населения, в свою очередь, является наиболее важным и информативным его показателем. Высокий уровень самоубийств в обществе говорит о неспособности населения адаптироваться к условиям жизни. К тому же актуальность изучения проблемы суицидов обусловлена вызываемым экономическим ущербом [16].

Цель представленного исследования – динамический анализ суицидального поведения населения и душевнобольных пациентов в Вологодском регионе.

По данным ВОЗ, ежегодно около 800 тыс. человек добровольно уходят из жизни⁵. По данным Евростата⁶, на 2015 г. средний уровень смертности от суицида в Европейском союзе был равен 10,9 случаев (здесь и далее на 100 тыс. населения), а по данным Росстата (www.gks.ru), в России в 2017 г. он составил 13,8. Данный показатель стабильно снижается последние 20 лет. Пик наблюдался в середине 90-х гг. (41,4).

⁴ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077/19 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

⁵ Самоубийство. Информационный бюллетень ВОЗ, 2018. URL [//http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide](http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide) (дата обращения: 15.05.2019)

⁶ Смертность от самоубийства, по полу (tps00122) База данные Eurostat. URL <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00122&plugin=1> (дата обращения 15.05.2019)

По смертности от суицидов Вологодская область находится на 30 месте среди регионов России и на 5 – в СЗФО. Однако если в целом по стране за минувшие 10 лет уровень суицидов сократился в два раза (с 27,1 в 2008 г. до 13,8 в 2017 г.), а в СЗФО – на 42% (с 24,6 до 14,2), то в Вологодском регионе – лишь на треть (с 26,5 до 18,4).

Более 70% покончивших собой в Вологодском регионе в 2017 г. находились в трудоспособном возрасте. Мужчин-самоубийц в 5,5 раз больше, чем женщин, что превышает показатели мировой статистики (в среднем мужчины в 4 раза чаще женщин становятся жертвой суицида). Если среди мужчин-самоубийц преобладают сельские жители (на 20% чаще), то среди женщин, напротив, горожанки – в 1,5 раза.

Среди городских мужчин самый суицидоопасный возраст 30-39 лет, а среди сельских – более пожилой. Так в возрасте 50-59 лет отмечается двойное преобладание сельских мужчины над горожанами. Аналогичное соотношение наблюдается и среди подростков до 19 лет.

У горожанок наибольшее число самоубийств приходится на возраст старше 70 лет, а у жительниц села – на возрастную группу 50-59 лет (по 40%).

Психические расстройства на момент совершения самоубийства имеют место у 90-95% суицидентов [5;10]. Риск самоубийств у душевнобольных выше, чем среди населения в целом [2; 4; 7]. Значительно возрастает вероятность суицида при депрессии (в 30 раз выше, чем в общей популяции) [3; 5; 14; 15], шизофрении (в 20 раз) [5; 11-13] и алкоголизме (в 10 раз) [5-6; 8-9]. Расстройства личности повышают риск в 15 раз, эпилепсия – в 4, а стрессовые расстройства – в 3 раза [5]. Поэтому лица, страдающие психическими расстройствами, несут повышенную «опасность для себя» и требуют постоянной оценки на предмет степени актуальности риска самоубийства [3].

В целом происходящие в стране позитивные тренды в области психического здоровья распространяются и на Вологодскую область. Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения за 10 лет снизилась – на 20%, болезненность (ниже российского уровня) – на 15%, доля данного диагноза в общей болезненности населения – на 28%, а доля лиц, состоящих на диспансерном учете – на четверть.

Уровень самоубийств среди психически больных в стране (на 100 тыс. пациентов, зарегистрированных психиатрическими службами) практически на две трети выше, чем среди населения (в 2017 – 23,1 и 13,8 соответственно).

Последние 10 лет отмечается тенденция снижения данного показателя в России и практически во всех Федеральных округах. Исключение составил Северо-западный ФО, где начиная с 2014 г. отмечен его рост на треть.

По уровню смертности от самоубийств душевнобольных, Вологодская область (45,4) занимает 16 место в стране (23,1) и 5 – в СЗФО (32,4). Однако, данный показатель в регионе за последние 10 лет вырос на 46%, несмотря на всероссийскую тенденцию снижения суицидов, как среди всего населения, так и среди душевнобольных.

По нашим расчетам, усредненная доля суицидов психически больных в массиве самоубийств в России составляет около 4%, в СЗФО – 6%, в Вологодской

области – 7,5%. За последнее десятилетие отмечен незначительный ее рост на 18% (в СЗФО и изучаемом регионе – вдвое).

Не стоит забывать, что на каждое самоубийство приходится значительно больше людей, которые совершают попытки уйти из жизни (примерно 4 из 1000 взрослых, или свыше 20 человек на каждый суицид [16]). Попытки суицида наносят обществу весомый социальный и экономический ущерб вследствие лечения пострадавшего, а, в иных случаях, и досрочной инвалидности вследствие полученной травмы [16]. Предшествующая попытка самоубийства является основным прогностическим фактором смертности от суицида [1-2]. Поэтому ключевым элементом любого комплексного подхода к предупреждению самоубийств должно быть выявление лиц, предпринимавших ранее его попытку (парасуицидентов) и эффективное профессиональное наблюдение за ними, а также направленная профилактика суицидальных рецидивов.

К сожалению, на данный момент мы не располагаем данными о числе суицидальных попыток среди населения в целом. Анализ данных по пациентам психиатрических учреждений показал, что, несмотря на некоторые колебания уровня суицидальных попыток (на 100 тыс. душевнобольных), за последнее десятилетие данный показатель в России сократился на 60% (с 144 до 88). В 2017 г. психически больными было предпринято 3500 попытки уйти из жизни. В РФ каждая четвертая привела к гибели пациента, в СЗФО – каждая третья, а в Вологодской области – каждая вторая. Причем в последних отмечен рост доли «завершенных» суицидов на две трети, в то время как по стране на статистически незначимые 8%.

По данным ВОЗ главной причиной самоубийств является депрессия. ВолНИЦ РАН с 2002 г. изучает распространение среди населения региона некоторых пограничных психических состояний в рамках исследования общественного психического и социального здоровья. Несмотря на положительные тенденции, демонстрирующие сокращение на 20% распространения среди населения симптомов тревоги и депрессии, а невроза – в два раза, в 2018 г. у 40% жителей области сохраняются признаки данных пограничных психоэмоциональных состояний. Причем с 2015 г. распространение депрессии среди населения растет, и находилось в 2018 г. на уровне посткризисного 2009 г.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Уровень суицидов в Вологодском регионе в последние десятилетие снижается меньшими темпами, чем в среднем по стране. Самоубийства душевнобольных выросли на 40%, вопреки обратной российской тенденции. Смертность психиатрических пациентов по причине самоубийства в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в общей популяции.

2. К группам риска суицида в регионе относятся городские мужчины в возрасте 30-39 лет, горожанки старше 70 лет, сельские жители обоего пола 50-59 лет, а также лица, страдающие депрессией и парасуициденты.

3. Показатель «завершенности» суицидальных попыток душевнобольных в регионе растет последние 10 лет, в 2 раза превышает средний по

стране и находится на уровне 50% (каждая вторая попытка заканчивается трагически).

4. Около 40% жителей региона, согласно социологическим опросам, имеют признаки тревоги, депрессии или невроза.

Выявленные в Вологодском регионе (на фоне общероссийских) тревожные тенденции говорят о скрытых от официальной статистики процессах в сфере общественного психического (и социального здоровья в целом), о трудностях адаптации населения Вологодского региона к меняющимся условиям жизни. На наш взгляд, очевидна проблема отсутствия единой системы ранней диагностики, лечения и реабилитации лиц, страдающих психическими расстройствами, особенно депрессией. Актуальными остаются и общероссийские проблемы стигматизации психических заболеваний и суицидов; недостаточного финансирования служб помощи; отсутствие межведомственного центра суицидальной превенции и суицидологической помощи. Разработка и развитие эффективных систем профилактики суицидального поведения, в т.ч. и среди душевнобольных пациентов, в масштабах страны и регионов, будет способствовать снижению уровню самоубийств и уменьшению их социально-экономического бремени.

Использованные источники:

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. Методические рекомендации: М., 1980. 45 с.
2. Войцех В.Ф. Суицидология. М., 2007. 280 с.
3. Кудрявцев И.А. Психодиагностика суицидального риска как критерий недобровольной госпитализации психически больных в системе профилактики их общественно опасного поведения // Суицидология. 2016. Том 7, № 4 (25). С. 11-22.
4. Положий Б.С. Суицидальное поведение (клинико-эпидемиологические и этнокультуральные аспекты). М.: РИО «ФГУ ГНЦ ССП им. В. П. Сербского». 2010. 232с.
5. Положий Б.С., Руженкова В.В. Стигматизация и самостигматизация суицидентов с психическими расстройствами // Суицидология. 2016. Том 7. № 3 (24). С.12-20.
6. Сахаров А.В., Говорин Н.В. Роль алкогольного фактора в суицидогенезе // Социальные преобразования и психическое здоровье: Второй национальный конгресс по социальной психиатрии: Научные материалы. М., 2006. С. 131-132.
7. Сергеева Е.А., Васильев В.В., Пакриев С.Г., Ковалев Ю.В. Современные исследования суицидального поведения психически больных. //Суицидология. 2015. Том. 6, № 4 (21). С. 32-40.
8. Уманский М.С., Уманский С.М., Зотов П.Б. Некоторые клинические особенности суицидального поведения у мужчин, больных алкоголизмом позднего возраста // Академический журнал Западной Сибири. 2009. № 6. С. 25-26.
9. Akechi T., Iwasaki M., Uchitomi Y., Tsugane S. Alcohol consumption and suicide among middle-aged man in Japan // *Br. J. Psychiatry*. 2006. Vol. 188, № Mar. P. 231-236.
10. Blum R.W., Ireland M. Reducing risk, increasing protective factors: Findings from the Caribbean Youth Health Survey // *Journal of Adolescent Health*. 2004. Vol. 35. P. 493–500.
11. Dudra-Jastrzebska M. Mood disorders in patients with epilepsy // *Pharmacol. reports*. 2007. Vol. 59. P. 369-378.

12. Dutta R., Murray R.M., Hotopf M., Allardyce J., Jones P.B., Boydell J. Reassessing the long-term risk of suicide after a first episode of psychosis // *Arch. Gen. Psychiatry*. 2010. Vol. 67, № 12. P. 1230-1237
13. Goodwin F.K., Jamison K.R. *Manic-Depressive Illness: Bipolar Disorders and Recurrent Depression* / 2nd ed. – New York: Oxford University Press. – 2007.
14. Kanchan T., Menezes R.G. Suicidal poisoning in Southern India: Gender differences // *J. Forensic Leg. Med.* 2008. Vol. 15, № 1. P. 7-14
15. Nock M.K., Hwang I., Sampson N.A., Kessler R.C. Mental disorders, comorbidity and suicidal behavior: Results from the National Comorbidity Survey Replication // *Mol. Psychiatry*. 2009. Vol. 15, № 8. P. 868-876.
16. *Preventing suicide: a global imperative*. Geneva: World Health Organization, 2014. 97p.

УДК:316.013

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЁЖЬЮ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ясников Н.Н., инженер-исследователь

Вологодский научный центр Российской академии наук. Череповец. Россия

Аннотация: Современную экономическую обстановку в России трудно назвать благоприятной. Растянувшееся на годы снижение реальных доходов, вынуждает население изыскивать нематериальные ресурсы для поддержания привычного уровня жизни, одним из таких ресурсов является социальный капитал. В силу того, что социальный капитал формируется на протяжении всей жизни, мы сочли небесполезным обратить внимания на, пожалуй, самый ранний этап его самостоятельного формирования – молодость (18-30 лет), ведь дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

Ключевые слова: Социальный капитал, Вологодская область, ресурсы, нематериальные ресурсы, кризис, молодёжь.

Большее место на своеобразном «рынке» нематериальных ресурсов, отводится социальному капиталу как своеобразному результату синергетического слияния включенности, доверия и социальной ответственности населения [1, С. 49-50]. Социальный капитал, это то, что формируется у человека на протяжении всей его жизни, а старт самостоятельного формирования приходится на пору молодости, когда бывшие школьники отправляются во взрослую жизнь, поступая в средние и высшие учебные заведения, где преподаватели уже никого не «ведут за ручку», а бремя ответственности за свои решения, ложится на плечи самих обучающихся. Зачастую, период поступления в ВУЗы сопряжен с покиданием родительского дома и переездом в другой город, что дополнительно актуализирует проблему самостоятельности, в том числе, самостоятельного формирования связей, являющихся основным компонентом социального капитала.

В Вологодской области, было проведено исследование посвященное изучению уровня социального капитала. В процессе которого, респонденты были поделены на пять групп, в зависимости от накопленного уровня социального капитала (подробно о способе распределения респондентов по группам см. [2], С. 110–134). Как оказалось, накопление такого нематериального ресурса как социальный капитал, имеет ощутимую материальную отдачу. Именно люди с высоким уровнем социального капитала, чаще оценивают своё материальное положение как хорошее [таблица 1], а так же отмечают его рост [таблица 2] и эмоциональный подъем [таблица 3].

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили нынешнее материальное положение Вашей семьи?» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Хорошее	3	9	2	9	23
Скорее хорошее	6	8	9	14	23
Среднее	46	33	56	57	23
Скорее плохое	33	33	23	15	15
Плохое	12	14	9	3	0
Затрудняюсь ответить	0	4	2	2	15
Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года					

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Материальное положение Вашей семьи за последнее время стало лучше, хуже или не изменилось?» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Стало лучше	6	10	13	19	15
Практически не изменилось	36	32	35	45	23
Стало хуже	39	47	34	20	23
Затрудняюсь ответить	18	11	17	16	39
Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года					

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Что Вы можете сказать о своём настроении в последние дни?» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Эмоциональный подъем, бодрость	6	6	13	30	23
Обычное, ровное	55	61	65	65	62
Тревожность, раздражение	24	20	15	3	15
Безразличие, апатия	9	9	3	0	0
Затрудняюсь ответить	6	4	4	2	0
Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года					

Обращает на себя внимание и тот факт, что не только настроение, но и в целом удовлетворенность жизнью, более характерна для молодых людей с высоким уровнем социального капитала [таблица 4]. Мы находим это особо существенным, в силу того, что рассматриваемая категория граждан, в некотором роде, только

начинает свой жизненный путь, но имеющиеся социальные связи позволяют им жить полной жизнью здесь и сейчас, а не страдать в (зачастую неоправданной) надежде, что некая «настоящая жизнь» начнётся потом, а пока нужно перетерпеть, впустую тратя бесценные годы молодости.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если бы Вам грозило умереть завтра, Вы были бы довольны тем, как прошла Ваша жизнь? (оцените по 4-балльной шкале)» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
1 (Нет, не особо)	21	27	23	20	8
2	33	30	26	22	23
3	33	29	36	40	39
4 (Да, очень)	6	14	15	16	31

Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года

Нельзя не отметить и тот факт, что люди с высоким уровнем социального капитала чувствуют себя не только счастливыми, но и полезными для общества [таблица 5]. Среди них нет таких, кто считал бы что он не нужен обществу, а, как известно, люди ощущающие положительную отдачу от своих действий склонны к большей производительности труда, и при этом не важно работают ли они или ещё только учатся, осознание важности и ценности своих действий стимулирует их более усердное выполнение [3, с. 81]. Подобное усердие и целеустремлённость важный аспект для благоприятного прохождения кризисных этапов истории.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что общество Вас ценит? (оцените по 4-балльной шкале)» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
1 (Нет, не особо)	21	24	15	10	0
2	42	27	36	19	39
3	30	39	36	56	23
4 (Да, очень)	6	9	13	15	39

Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года

Очередным фактором значимости социального капитала, становится ориентация его носителей на общественное благо, и готовность помогать другим людям, даже без наличия прямой выгоды для себя. В условиях кризиса, именно

такие поведенческие практики являются залогом для его преодоления, причём не только в рамках отдельных домохозяйств, но и региона в целом. Готовность помогать другим не потому, что это выгодно, а потому что это правильно есть величайшая движущая сила для прогресса социально-экономической системы, в условиях её упадка. Среди молодёжи с высоким уровнем социального капитала, ни один из опрошенных не придерживается мнения о бесполезности помощи другим, в то время как в противоположной группе пятая часть опрошенных не считает её хоть сколько-нибудь полезной [таблица 9].

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Некоторые говорят, что, помогая другим, мы помогаем себе в долгосрочной перспективе. Вы согласны с этим? (Оцените по 4-балльной шкале)» (в зависимости от уровня социального капитала, в % от ответивших в возрасте до 30 лет)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
1 (Нет, не особо)	21	20	10	9	0
2	39	34	36	34	31
3	21	32	47	38	31
4 (Да, очень)	18	13	6	19	39

Источник: Опрос общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016

Таким образом, есть основания считать социальный капитал краеугольным камнем преодоления кризисных ситуаций, он предоставляет носителям всё для этого необходимое. Чувство удовлетворённости жизнью, дарует положительный эмоциональный настрой, позволяющий не сдаваться в самых тяжелых жизненных ситуациях. Ощущение собственной ценности для общества, стимулирует трудиться или учиться с большей самоотдачей, что не только сказывается на результативности своих действий, но и благоприятно влияет на образ человека, формирующийся в глазах руководства. Увеличение меры социальной ответственности, стимулирует в обладателях социального капитала, готовность к бескорыстной взаимопомощи, что особенно важно для преодоления кризисных ситуаций. Ну и наконец, обладание социальным капиталом, невзирая на его нематериальность, положительно сказываются на материальном благосостоянии носителя.

В силу того, что в большинстве случаев в 18 лет начитается новый, самостоятельный этап жизненного пути, который неразрывно связан с созданием новых связей, мы считаем крайне важным обратить внимание именно на него. Часто, прохождение пути зависит от старта, а раз так, то от того насколько ответственно молодёжь подойдёт у вопросу самостоятельного, ответственного формирования социального капитала, во много зависит их успех в более зрелом возрасте и если есть способы избежать досадных ошибок в начале пути, лучше обратить на них внимание сейчас, пока не стало поздно.

Использованные источники

1. Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3
2. Гужавина Т.А. Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н., Мехова А.А., Морев М.В., Дементьева И.Н. Региональный социальный капитал в условиях кризиса // Монография. Череповец: ЧГУ. – 2018г. – 220 с.
3. Когдин А.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом // Основы ЭУП. – 2012. – №4 (4). – С. 80–83

Сведения об авторах

Зеленский Д.Г. Директор Фонда поддержки предпринимательства Крыма, E-mail: fond@frbk.ru

Иванова Р.А. – н.с., КФ ФНИСЦ РАН, к. филос.н., E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru

Корунова В.О. – ведущий инженер | научный сотрудник, Виртуальная научно-исследовательская лаборатории «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК Казанского федерального университета | ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Любимова Е.А. – к. социол. н., доцент; Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, г. Тюмень, Россия

Морозова Н.М. зам.директора ПРИФ ФНИСЦ РАН, доцент каф. Международных отношений и политологии НГЛУ им Н.А. Добролюбова, г.Н.Новгород, Россия

Малимонов И.В. – старший преподаватель, Сибирский федеральный университет, Институт педагогики, психологии и социологии, г. Красноярск, Россия,

Наумова О.А. – к.э.н., доцент, Самарский государственный экономический университет, Институт систем управления, Самара, Россия

Невский А.В. – м.н.с., Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Недосека Е.В. – к. соц., н, доцент, с.н.с., Институт социологии РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Пантелеев В.Г. – младший научный сотрудник, Южнороссийский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прыгунова М.И. – младший научный сотрудник | ведущий научный сотрудник; Виртуальная научно-исследовательская лаборатории «РНФ-17-45-ВП» ИСФНиМК Казанского федерального университета | ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Рудакова Е.К. – к. полит. н., зав.каф. международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, факультет международных отношений экономики и управления, г. Нижний Новгород, Россия

Савруцкая Е.П. – д. филос. н., профессор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, Россия

Синьковская И.Г. – доцент, канд. социол. наук., доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Институт социального инжиниринга, г. Красноярск, Россия

Ситнова И.В. – к. соц. н., доцент кафедры ГиСЭД Черноморского высшего военного морского училища им. П.С. Нахимова, г. Севастополь. E-mail: sitnova.irina@gmail.com

Тамбиянц Ю.Г. – д.филос.н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия

Теняева О.В. – Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

Троцук И.В. – д.социол.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Трояновская А.Д. – студент, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт, г. Тюмень, Россия

Тюгин М.А. – студент, Самарский государственный экономический университет, Институт систем управления, Самара, Россия

Узунова О.Ю. – с.н.с., КФ ФНИСЦ РАН, к. соц. н., E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Устинкин С.В. – д.и.н., профессор, директор ПРИФ ФНИСЦ РАН, декан ФМОЭУ НГЛУ им Н.А. Добролюбова, Россия

Филькина О.Ю. – к.ист.н., доцент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, факультет социологии и управления, г. Рязань, Россия

Флягин А.М. – младший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Чигрин В.А. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии философского факультета, Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия, E-mail: sociochigrin@mail.ru

Чигрина Н. В. – канд. социологических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь,

Республика Крым, Россия

Чиркова Ю.Р. – старший преподаватель, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, факультет социологии и управления, г. Рязань, Россия

Шалин В.В. – д.филол.н., профессор; Кубанский государственный аграрный университет им.И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Шалонина М.Ю. – аспирантка, ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики» г. Таганрог, Россия

Широкалова Г.С. – д.соц.н., профессор, с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород, Россия

Шматова Ю.Е. – научный сотрудник, к.э.н., Вологодский научный центр Российской Академии наук, г. Вологда, Россия

Ясников Н.Н. – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук, Череповец, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Любимова Е.А., Трояновская А.Д. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТЮМЕНИ)	3
Морозова Н.М. СООБЩЕСТВА МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ РЕГИОНЕ	7
Наумова О.А., Тюгин М.А. ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОРА ВЫХОДА ИЗ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	11
Невский А.В. ДОБРОВОЛЬЦЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧС: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДВИЖЕНИЯ	17
Недосека Е.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ	20
Пантелеев В.Г. СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: СЛУЧАЙ КРЫМА В РЯДУ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ	26
Прыгунова М. И. , Корунова В. О. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ	31
Рудакова Е.К. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ	36
Синьковская И.Г., Малимонов И.В. ЦЕННОСТИ, ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ И СТРАТЕГИИ СЕМЕЙНО- БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В Г. КРАСНОЯРСКЕ)	40
Ситнова И.В. СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ И ДОНЕЦКА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ	45
Тамбиянц Ю.Г. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: РОССИЙСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА	48
Теняева О.В. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ	52

ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЯН Троцук И.В.	
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ДВУХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ О СЕЛЬСКОЙ РОССИИ	57
Узунова О.Ю., Иванова Р.А.ПОРТРЕТ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМЧАН В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ КРЫМА В СОСТАВ РФ	61
Филькина О.Ю. МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ МАЛЫХ ГОРОДОВ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	74
Флягин А.М. К ВОПРОСУ ПЕРИОДА НАЗНАЧЕНИЯ ГЛАВ СУБЪЕКТОВ РФ КАК СПОСОБА УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР	78
Чигрин В.А. КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	82
Чигрина Н. В. 451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ? (РАССУЖДЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ФЕНОМЕНЕ КНИГИ И БИБЛИОТЕКИ В ХХІ ВЕКЕ)	87
Чиркова Ю.Р. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	93
Шалин В.В. ХХІ ВЕК НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОТ ИМИТАЦИИ ОТДЕЛЬНОЙ ПОДДЕЛКИ К ИЗМЕНЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ	97
Шалонина М.Ю. ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	101
Широкалова Г.С. МОЛОДЕЖЬ О СЕБЕ: КРИВОЕ ЛИ ЗЕРКАЛО?	105
Шматова Ю.Е. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД 2008-2017 ГГ.	110
Ясников Н.Н. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ МОЛОДЁЖЬЮ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	115
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
СОДЕРЖАНИЕ	123